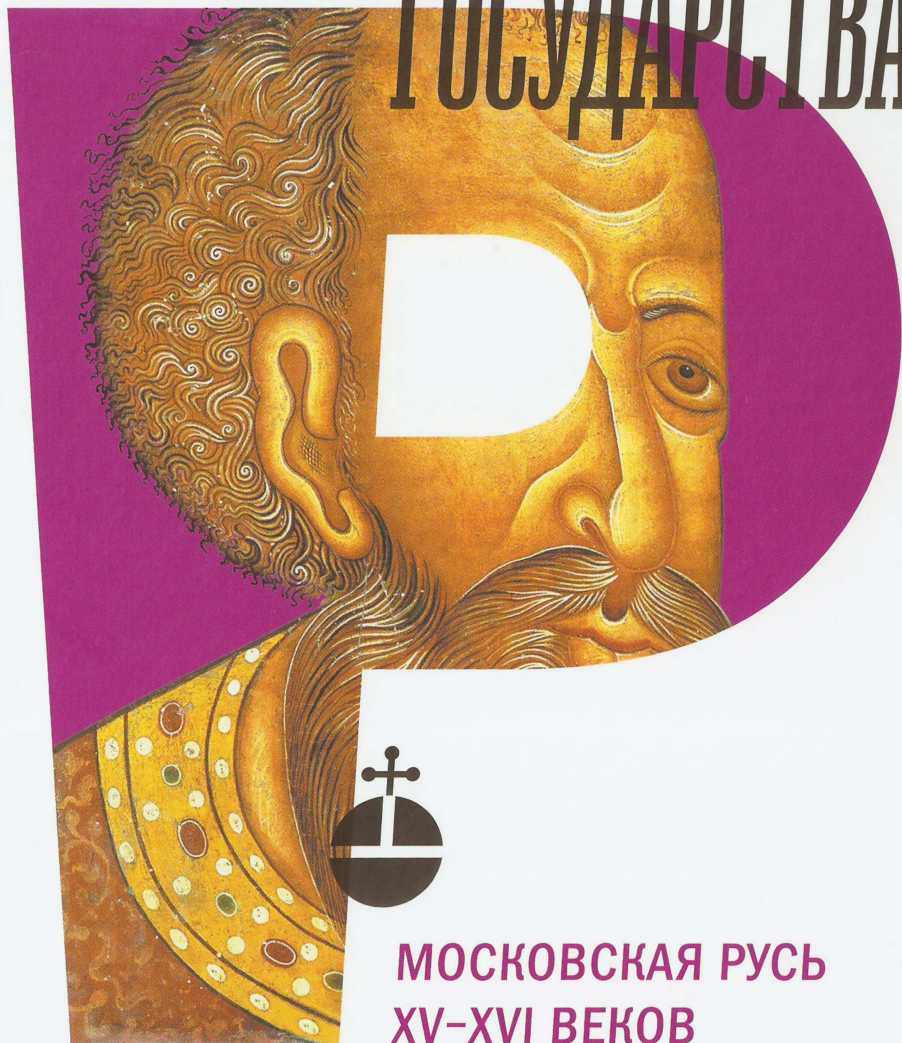

МИХАИЛ КРОМ

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

МОСКОВСКАЯ РУСЬ
XV-XVI ВЕКОВ

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

ПАРТНЕР ПРОЕКТА

ЧТО
ТАКОЕ
РОССИЯ

МИХАИЛ КРОМ

РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

МОСКОВСКАЯ РУСЬ
XV-XVI ВЕКОВ

Новое
Литературное
Обозрение

2018

УДК 94(47+57)«14/16»

ББК 63.3(2)4-02

К83

Редактор серии Д. Споров

Кром, М. М.

К83 **Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков / Михаил Маркович Кром. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 256 с.: ил. (Серия «Что такое Россия»)**

ISBN 978-5-4448-0769-9

Эта книга — о становлении российской государственности. Но вместо традиционного рассказа о военных походах и присоединении земель автор акцентирует наше внимание на внутренних аспектах государственного строительства: обретении суверенитета, формировании структур управления, функциях монарха и его советников, выработке ключевых понятий и идеологии, роли выборных органов и т. д. Развитие Московского государства в XV — начале XVII века автор рассматривает в широкой сравнительной перспективе — от Испании на западе до Османской империи на востоке — и приходит к выводу, что перед нами один из вариантов общеевропейской модели современного государства. Михаил Кром — доктор исторических наук, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, специалист по истории раннего Нового времени и исторической компаративистике, автор множества научных работ.

В оформлении обложки использован портрет Ивана IV (ок. 1600 г.), Национальный музей Копенгагена.

УДК 94(47+57)«14/16»

ББК 63.3(2)4-02

© М. М. Кром, 2018

© И. Ю. Разумов, иллюстрации, 4-я страница обложки, 2018

Карты: И. Ю. Кудряшов

© ООО «Новое литературное обозрение», 2018

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	7
Русское государство XV–XVI веков в зеркале европейского опыта (Вместо введения)	9
Глава 1. Великое княжество Московское и его соседи в 1425 году	27
Глава 2. Династическая война 30–40-х годов XV века и рождение «господарства/государства»	45
Глава 3. Иван III: обретение государственного суверенитета	69
Глава 4. Хан или басилевс: было ли Московское государство наследником Золотой Орды и Византии?	95
Глава 5. Московия в 1517 и 1526 годах глазами австрийского дипломата	107
Глава 6. Бюрократизация управления. Формирование приказов	121
Глава 7. Царство Ивана Грозного	137
Глава 8. Финансы Московского государства	177
Глава 9. Идейные основы Московского государства	191
Глава 10. «Наше Росийское государьство»: рождение государственного патриотизма	219
Московское царство как государство раннего Нового времени (Вместо заключения)	233
Благодарности	240
Краткая библиография	241

ОТ АВТОРА

Книга, которую держит в руках читатель, необычна, хотя она посвящена хорошо известному, многократно описанному сюжету — возникновению и развитию Российского государства в XV–XVI веках. Прежде всего, вместо традиционного рассказа о военных походах и присоединении тех или иных земель я сделал акцент на *внутренних* аспектах государственного строительства: обретении суверенитета, формировании структур управления, функциях монарха и его советников, выработке ключевых понятий и идеологии, роли выборных органов и т. д. Кроме того, впервые этот процесс рассматривается в широкой сравнительной перспективе, и поэтому, хотя на обложке значится лишь Московская Русь, в тексте книги делаются многочисленные экскурсы в историю других стран — от Испании на западе до Османской империи на востоке.

Наконец, книга необычна еще в одном отношении: как правило, в издании, адресованном широкой аудитории, популяризируется уже существующая научная литература, я же решился представить на суд публики новую концепцию возникновения Российского государства еще до появления обобщающей монографии на эту тему. Возможно, взыскательные коллеги найдут в книге упрощения и недостаточно обоснованные гипотезы, и все же я думаю, что риск в данном случае оправдан. Во-первых, сама тема настолько сложна

ОТ АВТОРА

и необъятна, что ее монографическая разработка потребует еще многих лет исследований и, возможно, усилий целого авторского коллектива. А во-вторых, научно-популярный жанр, наряду с риском неизбежных упрощений, имеет и свои достоинства, а именно возможность доступным языком, ясно и лаконично описать сложную проблему. Этой возможностью я решил воспользоваться, а насколько удачно получилось, судить, разумеется, читателю.

М. М. Кром

Санкт-Петербург, октябрь 2017 г.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО XV–XVI ВЕКОВ В ЗЕРКАЛЕ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА (ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ)

СОБИРАНИЕ ЗЕМЕЛЬ ИЛИ СОБИРАНИЕ ВЛАСТИ?

Знакомый нам по многим историческим трудам и учебникам образ московских князей — «собирателей Русской земли» восходит к средневековой традиции. Уже автор «Слова о житии великого князя Дмитрия Ивановича» (памятник первой половины XV века) называл деда своего героя, Ивана Калиту, «собирателем русской земли». Этот образ, очевидно, пришелся по душе московским книжникам: живший в эпоху Ивана Грозного составитель обширного исторического труда — Степенной книги царского родословия — не только включил в свое повествование упомянутую выше характеристику Ивана Калиты, но и использовал тот же эпитет в панегирике великому князю Ивану III, назвав последнего «достохвальным супостатов победителем и собирателем Богом дарованного ему отечества». Иными словами, великий князь Иван Васильевич, по мысли книжника XVI века, «собирал» то, что

по Божьей воле составляло его наследственное достоинство («отечество»), т. е. земли предков.

В Степенной книге содержится целостная доктрина династического государства, основанного на непрерывной цепи поколений князей — предков царствующего монарха, Ивана IV. Заметное место в этом ряду отведено князю Георгию (Юрию) Владимировичу Долгорукому, при котором была основана Москва, и родоначальнику московских князей Даниилу Александровичу (младшему сыну Александра Невского). О первом из них сказано:

сей великий князь Георгий Владимерич, в богоспасаемом граде Москве господствуя, обновляя в нем первоначальственное скипетродержание благочестиваго царствия, идеже ныне благородные их царские семья преславно царствуют, десницею божественного промысла укрепляеми и благодатью его соблюдаеми.

сей великий князь Георгий Владимирович, правя в богоспасаемом граде Москве, возрождая в нем первоначальное скипетродержание благочестиваго царства, где ныне благородные их царские потомки славно царствуют, десницей божественного промысла укрепляемые и благодатью его хранимые.

Та же вера в провидение, предопределяющее ход событий, присутствует и в характеристике князя Даниила Московского, которому Богом поручено было «в наследие богоснабдимое державство (хранимая Богом

держава. — М. К.) преименитаго града Москвы». И хотя, как признает автор, в те времена «царство Московское не толико бысть многовластно», т. е. не было столь могущественно, но и тогда Богом хранимый князь Даниил «ни от кого же ратуем не бываше» (ни от кого не подвергался нападениям).

При таком — провиденциальном и генеалогическом — осмыслении прошлого, когда история страны излагалась как родословие богоспасаемой правящей династии, вопрос о времени и обстоятельствах образования Московского государства даже не мог возникнуть. Самодержавная монархия мыслилась изначальной и неизменной (в Степенной книге Рюрик, Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Владимир Мономах, Юрий Долгорукий — все именуются «самодержцами»), а при основании новых стольных городов (Владимира, затем Москвы) «скипетродержание», по выражению искусного в плетении словес автора, лишь «обновлялось».

Схема русской истории, созданная книжниками XVI века, оказала влияние на всю последующую отечественную историографию. Ее контуры проступают, в частности, в широко известной «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Подобно автору Степенной книги, знаменитый историограф верит в изначальность и спасительность единодержавия для России и точно так же ведет нить повествования из Киева во Владимир, а оттуда — в Москву.

Крупнейший отечественный историк XIX века С. М. Соловьев, следуя за летописцами в изображении

объединения Северо-Восточной Руси вокруг Москвы, постарался дать научное объяснение лидирующей роли последней, указав на выгоды ее географического — «срединного» — положения. Так под пером С. М. Соловьева обрела новую жизнь формула средневековых книжников — «Москва собирает Русскую землю». Повторив эти слова несколько раз на страницах своего труда и подкрепив их собственной аргументацией, ученый прочно вписал старинную формулу в историческую науку XIX–XX веков.

Попытку пересмотра привычной схемы предпринял А. Е. Пресняков в книге «Образование Великорусского государства» (1918). Справедливо отметив «характерную для всей нашей историографии подмену вопроса об образовании великорусского государства частным вопросом о „причинах возвышения Москвы“», историк сумел преодолеть традиционный «москвоцентризм» и представить широкое полотно политической жизни Северо-Восточной Руси на протяжении нескольких столетий; в поле его зрения, наряду с великим княжением Владимирским и московским княжеским домом, попали также Тверь, Нижний Новгород и Рязань. Новаторскими были наблюдения автора о том, что процессы дробления земли и власти и противоположные им тенденции к усилению политического единства протекали параллельно и взаимодействовали друг с другом. А главная мысль, проходящая красной нитью через всю книгу, полностью опровергала пресловутую доктрину «собираания земель»: «Не землю собирали московские князья, а власть; не территорию

своей московской вотчины расширяли, а строили великое княжение, постепенно и упорно превращая его в свое „государство“».

Книга Преснякова до сих пор остается лучшей обобщающей работой из всех, что написаны на эту тему. Ее можно считать наиболее последовательной попыткой освободить научную мысль от влияния схемы, созданной еще средневековыми книжниками и затем унаследованной русскими историками XIX века. Однако полностью преодолеть силу историографической традиции Преснякову не удалось. Подобно своим предшественникам, он ограничился, по собственному признанию, изучением *внешней* истории образования государства, т. е. междукняжеских отношений и великокняжеской политики, в то время как его внутренняя организация (аппарат управления, финансы и т. д.) осталась вне рассмотрения. Связь с предшествующей историографией проявилась также в выборе широких хронологических рамок исследования (XIII–XV века) и в изолированном изучении русской истории, без попыток сопоставления с опытом других стран.

За сто лет, миновавшие с момента выхода книги А. Е. Преснякова, вышло немало работ, прояснивших те или иные аспекты истории Московской Руси, однако следует признать, что новой научной концепции, удовлетворительно объясняющей суть процесса формирования Российского государства, до сих пор не предложено.

Оценки, даваемые в современной литературе Русскому государству конца XV — XVI века, сильно зависят

от политических взглядов пишущего: «государственники» восхищаются державой Ивана III и его потомков, а либерально мыслящие авторы сурово порицают деспотизм московских правителей, причем истоки этого деспотизма они нередко обнаруживают в наследии монголов. Но если отложить в сторону моральные оценки, то как определить сложившееся на Руси к концу XV века государство и каков вектор его развития в последующие века?

Для ответа на эти вопросы нам совершенно необходимо сравнить Великое княжество Московское, а затем — Российское царство с другими государствами на Западе и на Востоке, ведь только так мы сможем понять, что в нем было уникально и что — типично, а следовательно, о каком типе государственности идет речь и каковы его характерные черты. Отсутствие такой сравнительной перспективы долгое время мешало ученым отделить важные черты изучаемого явления от второстепенных. Именно этим, на мой взгляд, объясняется удивительная живучесть старого мифа о «собираании русских земель вокруг Москвы». Государство, по существу, отождествляется с непременно большой территорией, находящейся под одной властью, а процесс его формирования — с механическим присоединением все новых и новых земель.

Между тем в мировой исторической науке накоплен большой объем наблюдений, относящихся к генезису так называемого «модерного» государства, т. е. государства Нового времени, и многие его черты обнаруживаются в Московской Руси XV–XVII веков.

МОДЕРНОЕ ГОСУДАРСТВО: ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Современные концепции модерного государства восходят к наследию великого немецкого социолога Макса Вебера (1864–1920). В посмертно опубликованном трактате «Хозяйство и общество» он разработал учение о бюрократии как основе государственного управления и ведения бизнеса в современных обществах. По мнению Вебера, бюрократия как тип господства идет на смену традиционной — патриархальной или патримониальной («вотчинной») — монархии. Развитая бюрократия отличается от предшествующих типов господства не только рациональной организацией и более высокой эффективностью управления: меняются и отношения внутри властной вертикали. Чиновник — в идеале, конечно! — уже не является личным слугой правителя; государственная должность становится призванием и рассматривается как выполнение долга, как служение не лицам, а «безличным и функциональным целям». Отмеченное Вебером различие между «*безлично* ориентированным бюрократическим господством» и прежним, патриархальным порядком, основанным на личной преданности господину, указывает направление, в котором шло развитие государства раннего Нового времени.

Прошло почти полвека, прежде чем историки оценили по достоинству эти наблюдения Вебера. Но уже в книге известного американского медиевиста Джозефа

Стрейера «О средневековых истоках государства Нового времени», вышедшей в 1970 году, явно чувствуется влияние великого немецкого социолога.

Стрейер говорит не о государстве вообще, а об определенном типе государственности — *modern state*, — который зародился в Средневековье и получил развитие в Новое и Новейшее время. По мнению историка, характерными признаками такого государства являются: 1) устойчивость в пространстве и во времени; 2) «формирование безличных, относительно постоянных политических институций»; 3) «перенос лояльности с семьи, местного сообщества или религиозной организации на государство и обретение государством морального авторитета для поддержки его институциональной структуры и теоретического верховенства его законов».

Второй признак в этом перечне прямо повторяет веберовскую характеристику бюрократии Нового времени, а третий можно рассматривать как развитие мысли Вебера о легитимности государственного порядка. Стоит также отметить, что все три признака обнаруживаются в Московском государстве XVI и особенно XVII века, хотя Стрейер вовсе не имел в виду Россию: свой портрет современного государства он рисовал с Англии и Франции.

В свое время М. Вебер считал, что «полностью развитая бюрократия выросла только на европейской почве». В том же европоцентристском духе рассуждал позднее и Джозеф Стрейер, по мнению которого, «неевропейские государства или подражали европейской

модели, чтобы выжить, или, в противном случае, проходили через колониальный опыт, внедрявший значительные элементы европейской системы. Модерное государство, где бы мы ни находили его сегодня, — писал американский историк, — основано на модели, возникшей в Европе в период между 1100 и 1600 годами». В самой же Европе, по утверждению Стрейера, большинство государств копировали французский образец.

Не берусь судить об опыте колониальных стран, но применительно к Европе гипотеза о всеобщем копировании одного единственного образца (например, французского) не выдерживает критики. Разумеется, можно вспомнить немало примеров заимствования тех или иных правовых норм, образовательных учреждений, политических идей, религиозных обрядов, военных технологий и многого другого, но трудно себе представить перенос на новую почву всех государственных институтов сразу и целиком; мне, по крайней мере, такие случаи неизвестны.

В последние годы прежняя традиция противопоставления запада и востока Европы начинает уступать место тенденции к выявлению общего между ними. Так, в новейшем кембриджском учебнике по истории Европы раннего Нового времени (1450–1789), написанном Мери Виснер-Хэнкс, можно прочитать о том, что в 1600 году Стамбул был крупнейшим городом Европы с населением около 700 тыс. человек и что Османы в XV–XVI веках создали самую эффективную армию в Европе — в том, что касалось вооружения и системы снабжения, а султаны, хотя в теории

и считались абсолютными монархами, в реальности редко покидали свои дворцы, доверив повседневное управление чиновникам во главе с великим визирем, чья должность стала наследственной.

Как видим, если считать обнаруженную Максом Вебером тенденцию к деперсонализации управления главным признаком формирующегося современного государства, то Турция XVI–XVIII веков вполне подходит под это определение.

Сказанное выше об Османской империи во многом справедливо и в отношении России XVI–XVII веков: русские цари, подобно султанам, мало вмешивались в повседневную жизнь своих подданных, управляя огромной страной при помощи чиновников, число которых постоянно росло. Делегирование властных полномочий государя его советникам и постепенная бюрократизация управления заметны в Московском государстве уже со второй половины XV столетия.

Таким образом, деперсонализация управления является родовой чертой современного государства, где бы мы его ни обнаружили: во Французском королевстве, Османской империи или Московии. По поводу других признаков этого государства ученые не пришли еще к консенсусу, поэтому его общеевропейская модель остается пока недостроенной. Тем не менее, не особо рискуя ошибиться, можно назвать некоторые приметы интересующего нас явления.

Прежде всего, такой приметой служит суверенитет, т. е. независимость от других правителей и верховенство во внутренних делах, — собственно говоря,

притязание на суверенитет можно считать первым признаком жизни новорожденного государства, его заявкой на самостоятельное существование. Кроме того, государство раннего Нового времени, как правило, обладало собственной территорией и четко определенными границами, что резко контрастировало с предшествующим (средневековым) периодом, когда чересполосица владений была обычным явлением.

Характерной чертой этого формирующегося современного государства было переплетение на каждом шагу публичной власти и частных интересов, патриархальной идеологии и бюрократических приемов управления. Нужно также учесть, что государственное строительство требовало участия, больших затрат, а порой и жертв от различных социальных групп, вовлекая их представителей (добровольно, но нередко и принудительно) в процесс управления страной: так новорожденное государство становилось институциональным «каркасом» для формирующегося общества.

Заметим, что в приведенной выше характеристике европейского государства раннего Нового времени ни слова не было сказано о его размерах или о способе формирования его территории: возникло ли оно, например, путем «собирания земель» или, наоборот, в результате дробления какого-то рыхлого политического образования. Дело в том, что эти обстоятельства относятся к местным особенностям описываемого процесса, но никак не к природе современного государства.

Нередко в нашей научной и учебной литературе проводятся параллели между образованием единого

Русского государства при Иване III и синхронными процессами политической централизации во Франции времен Людовика XI и в Испании после объединения королевств Кастилии и Арагона (1492). Однако подобное сравнение скорее запутывает дело, чем проясняет его. Действительно, во Франции и Испании, как и в России, сложились династические монархии, вобравшие в себя ранее самостоятельные территории, но на этом сходство и заканчивается. На самом деле и во Франции, и в королевствах Пиренейского полуострова многие важные институты современного государства, включая судебную и налоговую системы, а также представительные учреждения (соответственно, Генеральные штаты и кортесы), возникли задолго до того, как Иван III занял московский престол (1462), так что синхрония здесь только кажущаяся. Важное различие заключается также в том, что крупные и ранее самостоятельные политические единицы (графства, герцогства, королевства), ставшие частью объединенной Франции или Испании, сохранили значительный объем прав и привилегий, в то время как Новгород и другие земли, присоединенные к Москве, полностью потеряли свою автономию.

Тем моим читателям, которых не убедили приведенные выше соображения и которые продолжают считать, что сутью процесса образования государства являлось «собираание земель», я рекомендую внимательнее присмотреться к опыту Англии, Германии, Италии. Английский пример интересен тем, что эта страна очень рано обрела политическое единство: Англия

стала единым королевством еще до норманнского завоевания (1066). Между тем формирование основных институтов раннемодерного государства (судебной и финансовой системы, парламента и т. д.) произошло там, по наблюдениям историков, в XII–XIII веках, т. е. на несколько столетий *позднее* объединения страны.

Германия и Италия, как известно, стали едиными государствами только во второй половине XIX века; до того там существовало множество различных политических образований: городских коммун, светских и церковных владений. Священная Римская империя, ядро которой составляли немецкие земли, представляла собой очень рыхлую политическую структуру и так и не стала модерным государством; зато суверенные права присвоили себе крупные территориальные княжества, вроде герцогства Саксонского или ландграфства Гессенского. Не произошло политической централизации и в Италии раннего Нового времени: здесь признаки модерного государства демонстрировали немногие уцелевшие республики (в первую очередь Венеция) и абсолютистские режимы вроде великого герцогства Тосканского или Папской области.

Как видим, формирование государства Нового времени отнюдь не всегда и не везде сопровождалось «собираанием земель» и объединением страны: это *разные* процессы, которые в некоторых случаях переплетались, как это произошло во Франции, Испании и России. Важно также учесть, что претензии на суверенитет и некоторые другие признаки новой государственности демонстрировали не только победители,

но и те политические образования, которые, подобно Бургундскому герцогству на Западе или Твери и Великому Новгороду на Руси, проиграли более сильным соперникам и исчезли с карты Европы к концу XV века. А ведь при благоприятных обстоятельствах у них также был шанс стать независимыми государствами! Поэтому при изучении интересующего нас явления мы должны обращать главное внимание не на внешние приобретения того или иного правителя, а на внутренние перемены во властных отношениях и сопровождавшие их социальные сдвиги и изменения в идеологии.

Описанная выше общеевропейская модель модерного государства не учитывает региональные различия, а они были весьма велики. Прежде всего, сам процесс его формирования в разных частях Европы протекал отнюдь не одновременно: на Западе он начался на несколько столетий раньше, чем в Северной и Восточной Европе. Так, в Англии и во Франции, по наблюдениям Дж. Стрейера, идея суверенитета вполне отчетливо проявилась уже около 1300 года, а в России, как мы увидим, она была осознана только в XV веке.

В той же последовательности, с запада на восток, появлялись совещательные и представительные учреждения парламентского типа. В конце XII—XIII веке сформировались кортесы пиренейских королевств (Кастилии, Каталонии, Арагона, Валенсии); в 1265 году возник английский парламент; в 1302 году были впервые созваны французские Генеральные штаты. Но в Центральной, Восточной и Северной Европе

подобные собрания, объединявшие высших сановников Короны и представителей сословий страны, вошли в практику только в XV–XVI веках: со второй половины XV века стали созываться Государственное собрание Венгрии и сословные съезды в Дании; регулярная работа польского сейма началась в 1493-м, а германского рейхстага — в 1495 году. Хотя традиция называет первым шведским риксдагом собрание сословий в Арбуге в 1435 году, постоянным учреждением риксдаг стал только в 1520-х годах при Густаве Вазе. В том же ряду уместно назвать и московские соборы (обычно именуемые в нашей литературе «земскими»): их история, о которой мы подробнее расскажем в одной из глав этой книги, началась в середине XVI века.

Дело, однако, не только в более позднем оформлении государственных институтов Нового времени в странах Центральной, Восточной и Северной Европы по сравнению с Западом. В аграрных и слабо урбанизированных регионах модерное государство выросло на другой материальной основе и в иных социальных условиях, чем в районах, где процветала торговля и существовали богатые города.

В 1918 году австрийский экономист Йозеф Шумпетер выдвинул идею постепенного перехода от средневекового «домениального государства» к характерному для Нового времени «налоговому государству». Речь шла о том, что поначалу европейские правители могли рассчитывать только на доходы от своих родовых владений (домена) и лишь потом основой государственных доходов стали налоги с населения. Некоторые

исследователи считают схему Шумпетера чересчур упрощенной, но все же с определенными поправками она продолжает использоваться в современной научной литературе.

На богатом Западе короли, постоянно нуждавшиеся в деньгах, прибегали к займам у банкиров и ростовщиков, а также стали вводить прямые налоги, оправдываемые военными нуждами: во Франции постоянный налог (так называемая «талья») был введен в 1439 году, в разгар Столетней войны. К концу Средневековья регулярные налоги являлись основным источником доходов казны только в трех королевствах (Франции, Англии и Кастилии) и некоторых итальянских городах. Все остальные европейские государства оставались, по терминологии Шумпетера, домениальными, т. е. там правителям приходилось довольствоваться доходами с собственных земель. В ряде немецких княжеств переход к «налоговому государству» происходил в течение XVI века, но в Пруссии еще в конце 1770-х годов почти половина доходов поступала из королевского домена. Дания оставалась «домениальным государством» по крайней мере до середины XVII века. В России огромный фонд государственных земель, считавшихся царской вотчиной, долгое время служил материальным фундаментом строительства армии и решения других важнейших задач. Лишь реформы конца XVII — начала XVIII века ознаменовали переход к созданию «налогового государства».

Нехватка денежных средств и важная роль земельных ресурсов в странах Центральной, Северной

и Восточной Европы приводили к консервации здесь патриархальных и патримониальных (по-русски — «вотчинных») отношений. Поэтому вряд ли случайно установление крепостного права в Польше, Венгрии, Чехии, Восточной Германии, Дании, России.

Наконец, в политике патриархально-вотчинные отношения могли стать питательной почвой для абсолютизма и даже деспотизма — читатель вспомнил здесь, вероятно, об Иване Грозном, но нечто подобное самодержавию, только в более скромных масштабах, можно было найти в некоторых германских княжествах, владельцы которых распоряжались ими по собственному произволу.

Итак, мы выяснили некоторые «фамильные» черты современного государства, которые, несмотря на ряд местных и региональных особенностей, были присущи и России интересующей нас эпохи. Теперь самое время от общей схемы перейти к конкретным событиям XV–XVI веков и проанализировать обстоятельства, при которых произошло рождение государства в Московской Руси.

ГЛАВА 1. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ЕГО СОСЕДИ В 1425 ГОДУ

Хотя история непрерывна и любые периодизации условны, все же выбор отправной точки при рассмотрении какой-то проблемы имеет значение, ведь тем самым задаются рамки «оперативного поля», в котором исследователь ищет признаки интересующего его явления. В нашей литературе принято начинать разговор о формировании единого Русского государства, что называется, издалека — с начала XIV или даже с конца XIII века. В этом я вижу влияние давней историографической традиции, восходящей к Карамзину и Соловьеву, в которой монографическое изучение конкретной, хотя и очень большой проблемы — возникновения новой русской государственности — подменяется эпическим рассказом о нескольких веках отечественной истории. Многие ученые отдали дань этой традиции.

А между тем, даже если понимать образование государства в привычном смысле, как объединение Руси под властью Москвы, то и в этом случае нет оснований начинать с Ивана Калиты, не говоря уже о предыдущих московских князьях. Как отмечают современные исследователи, какая-то сознательная политика

объединения русских земель вокруг Москвы или иного политического центра не наблюдается до конца XIV века. И уж тем более преждевременно говорить о формировании в ту эпоху структур управления, характерных для современного государства.

Выбранная мной в качестве отправной точки дата — 1425 год — это год смерти великого князя Василия I, за которой последовала затяжная династическая война между князьями московского правящего дома, приведшая к большим переменам и в статусе великокняжеской власти, и в общей расстановке сил на Руси. Поэтому указанная дата, при всей ее условности, служит некой гранью, отделяющей период так называемой раздробленности от последующей эпохи рождения государства.

В начале XV века Русь сохраняла единство только в церковном отношении, будучи одной митрополией (киевской и всея Руси), подчинявшейся Константинопольскому патриархату. В политическом же плане она представляла собой сложный конгломерат земель, обладавших разной степенью автономии и входивших в разные государственные образования.

Сильнейшей державой Восточной Европы в описываемое время было Великое княжество Литовское. Встречающееся в нашей литературе утверждение, будто оно играло роль альтернативного (по отношению к Москве) центра объединения русских земель, не соответствует действительности. Литовские князья никогда не ставили перед собой такой задачи («объединение» не стоит путать с широкой экспансией,

которую они вели на восточнославянских землях начиная с XIII века). К концу следующего столетия им удалось овладеть значительной частью киевского наследия, включая и сам Киев, который был присоединен к литовским владениям в 1360-х годах. Наивысшего могущества Литовская держава достигла при великом князе Витовте (1392–1430). Его продвижение на восток увенчалось взятием Смоленска в 1395 году; затем, после кратковременного возвращения в город местных князей, эта пограничная крепость была повторно захвачена войсками Витовта в 1404 году и в дальнейшем более ста лет находилась в составе Великого княжества Литовского. Но, каковы бы ни были успехи литовских князей, они не могли претендовать на роль объединителей русских земель — уже хотя бы потому, что в 1386 году, после унии Литвы с Польшей, приняли католичество. Сосуществование в великом княжестве многочисленного православного населения с католической правящей элитой таило в себе угрозу раскола страны, опасность которого стала реальностью в 1430-х годах, после смерти Витовта, и вынудила литовские власти пойти на уступки православной знати.

Что касается Северо-Восточной, или Московской, Руси, которая служит главным объектом нашего внимания, то она в первой четверти XV века по-прежнему находилась под верховной властью Орды. Впрочем, эта зависимость не была столь тяжелой, как в первые сто лет после нашествия Батыя.

С 1360-х годов Орда вступила в полосу внутренних междоусобиц и фактически раскололась на две

враждующие половины. В Западной Орде власть захватил беклярбек* Мамай. Не будучи Чингисидом, он не мог сам занять престол, но зато назначал угодных ему ханов. Временами ему удавалось контролировать и столицу всей Орды — Сарай.

Русские князья использовали ослабление Орды в своих интересах. Когда в 1374 году Мамай прислал на Русь внеочередной «запрос», т. е. требование дополнительной дани, великий князь московский Дмитрий Иванович ответил отказом, что означало открытый разрыв и объявление войны ордынскому временщику. 8 сентября 1380 года войско Мамаю было разбито на Куликовом поле коалицией князей во главе с Дмитрием Московским (за эту победу благодарные потомки удостоили князя почетного прозвища «Донской»). Поражением Мамаю воспользовался его соперник Тохтамыш, из рода Чингисидов, который сумел на некоторое время восстановить единство Орды. Власть законного хана поспешили признать русские князья, включая и Дмитрия Донского, но с выплатой дани они не торопились, и тогда Тохтамыш предпринял карательный поход на Русь — внезапно подойдя в августе 1382 года к стенам Москвы, он обманом взял город и сжег его.

Выплата ордынской дани возобновилась, но о возвращении к временам Батыя речи уже не было. Тохтамыш вынужден был считаться с реальным соотношением сил на Руси: он не только сохранил ярлык на великое княжение Владимирское за Дмитрием

* Один из высших титулов в ордынской иерархии: командующий войсками, глава верховного суда, фактически второе лицо после хана.

Донским, но и, как полагают исследователи, санкционировал передачу его по наследству сыну московского князя Василию Дмитриевичу. Тем самым старшинство среди русских князей закреплялось за родом Калиты, а территория великого княжения с городами Владимиром, Костромой и др. сливалась с вотчиной московских князей.

В духовной грамоте (завещании) Дмитрия Донского, составленной незадолго до его смерти, в апреле-мае 1389 года, говорится: «А се благословляю сына своего, князя Василья, своею отчиною, великим княженьем». Но в том же документе есть еще одна примечательная фраза: «А переменит Бог Орду, дети мои не имут (не будут должны. — М. К.) давати выхода в Орду, и который сын мой возмет дань на своем уделе, то тому и есть». Какая «перемена» в Орде имелась в виду, становится ясно из договора великого князя Дмитрия Ивановича с двоюродным братом Владимиром Андреевичем Храбрым (одним из героев Куликовской битвы) от 25 марта 1389 года. Говоря о распределении доходов с территории Московского княжества, великий князь предусмотрел и такую возможность: «А оже ны (если нас. — М. К.) Бог избавит, освободит от Орды, ино мне два жеребия, а тебе треть».

Таким образом, в конце XIV века московские князья, выражая покорность хану, уже лелеяли надежду на освобождение от власти Орды, а в случае очередной «замятни» (междоусобицы) в Орде, как это было при Мамае, были готовы на решительные военные действия.

Статус московских князей и их притязания на некоторую самостоятельность нашли отражение в монетах, чеканка которых возобновилась при Дмитрии Донском, после двухвекового безмонетного периода. На одной стороне московской деньги 1380-х годов читается надпись: «Великий князь Дмитрий Иванович», а на обороте арабской вязью выведено пожелание долголетия «султану Тохтамышу». Такое сочетание надписей недвусмысленно свидетельствует о признании московским князем верховенства ордынского хана, но в то же время — и о его собственных властных амбициях.

Подобное оформление характерно и для монет сына и преемника Дмитрия Донского — великого князя Василия I Дмитриевича (1389–1425). В 1390-х годах он чеканил деньги с надписью «Князь великий Василий» и арабской легендой «Султан Тохтамыш» (иногда с прибавлением: «Да продлится его царствование») на обороте. Но в следующем десятилетии в оформлении московских монет произошли важные перемены.

Дело в том, что в 1395 году Тохтамыш потерпел жестокое поражение от своего бывшего покровителя, а затем грозного противника Тимура (Тамерлана); территория Орды подверглась опустошению. Тохтамыш бежал в Литву к великому князю Витовту и с его помощью попытался вернуть себе ордынский престол, но в 1399 году союзники были разбиты на реке Ворскле новым сарайским ханом Тимур-Кутлугом и эмиром Едигеем. Реальная власть в Орде — при часто менявшихся ханах — принадлежала теперь Едигею, но Москва не желала признавать временщика. И вот

на монетах Василия I, выпущенных в первом десятилетии XV века, мы вообще не находим арабской легенды: на одной стороне вычеканена надпись «Князь великий Василий», а на обороте (там, где раньше по-арабски читалось имя Тохтамыша) повторен княжеский титул в развернутом виде: «Князь великий Василий всея Руси». Монеты такого типа можно считать заявкой на полную независимость, но выпускались они недолго. В 1412 году Василий Дмитриевич счел за лучшее восстановить отношения с Ордой и отправился в Сарай к законному хану Джелал-ад-Дину (о мотивах этого визита будет сказано ниже). Этот хан был вскоре убит, и в Орде началась очередная «замятня». Тем не менее на монетах Василия I последнего десятилетия его правления, как отмечают специалисты-нумизматы, вновь появляются ордынские элементы: искаженное имя Тохтамыша, подражания исламскому символу веры, хорезмскому дирхему и т. д.

Таким образом, надписи на монетах, подобно барометру, довольно четко фиксируют колебания русско-ордынских отношений в описываемую эпоху. Эти отношения при Василии I можно охарактеризовать, если использовать термины феодального права, как отношения сюзеренитета и вассалитета*. Русские князья

* Эти термины, конечно, условны. Большинство ученых сейчас уже не считает феодализм универсальным явлением мировой истории; есть сомнения в применимости этого понятия к русскому Средневековью или к истории Золотой Орды. Тем не менее отношения князей между собой и с ордынскими правителями обнаруживают немало общего с порядками феодальной Европы. Поэтому термины «сюзерен» и «вассал» широко используются историками для характеристики иерархии политических отношений в Восточной Европе XIV–XV веков.

того времени, как правило, признавали власть законных ханов (Чингисидов), отказывая в этом узурпаторам вроде Мамая или Едигея. Хань, в свою очередь, уже не пытались вершить судьбы всех русских земель. Они довольствовались признанием своего верховенства (сюзеренитета) со стороны князей и правом выдавать им ярлыки на тот или иной престол и получать дань. Во внутренних делах князья обладали полной самостоятельностью.

Сохранившиеся монеты ярко характеризуют также политический статус самих русских князей. На рубеже XIV–XV веков собственные монеты чеканили не только московские великие князья, но и их родственники (братья, дядья, племянники и т. д.), правившие своими уделами, и соперники — великие князья тверские, рязанские, суздальско-нижегородские. Это, конечно, типично средневековое явление, не характерное для государства Нового времени, когда чеканка монеты становится монополией центрального правительства.

Интересно, что на оборотной стороне монет, которые чеканил в своем уделе, Серпухове, князь Владимир Андреевич Храбрый в конце XIV века, читается та же арабская легенда, что и на монетах Дмитрия Донского, а затем — Василия I: «Султан Тохтамыш хан, да продолится» (далее, вероятно, подразумевалось: «его царствование»). Тем самым удельный князь подчеркивал, что является непосредственным вассалом хана. Имя же великого князя московского (Дмитрия Ивановича, затем Василия Дмитриевича) на монетах, чеканенных в Серпухове, вообще не появлялось: лицевая сторона

лишь содержала имя самого удельного князя («Печать князя Володимера»).

Не указано имя великого князя и на монетах, которые в правление Василия I чеканили в своих уделах его братья — князья Петр Дмитриевич Дмитровский и Андрей Дмитриевич Можайский. Эта ситуация изменится в следующем поколении князей, в середине XV века.

Как видим, в ту патриархальную эпоху удельные князья вовсе не были подданными великого князя. Их отношения с ним регулировались специальными договорами. Он был для них главой семьи, «братом старейшим», но не господином и не самовластным государем, как это будет уже при Иване III. Москвой князья владели совместно, по «третьям»; доходы от столичных торговых пошлин делились между ними пропорционально доле каждого. В своем уделе князь был полновластным хозяином: он сам собирал дань для ордынского «выхода» (и передавал его великому князю), сам вершил суд, а великий князь согласно договорам не мог посылать своих сборщиков дани и судебных агентов (приставов) в уделы братьев и не мог распоряжаться удельными землями. Полная автономия уделов делала призрачным территориальное, судебное, административное и какое-либо иное единство великого княжества Московского, за исключением единства военно-политического: князья были обязаны присылать свои отряды по призыву великого князя в объединенную московскую рать (а если он сам садился на коня, то и являться лично).

Уже к концу правления Дмитрия Донского военное превосходство Москвы над всеми остальными княжествами стало очевидным. Недавние соперники Дмитрия — великий князь тверской Михаил Александрович и великий князь рязанский Олег Иванович — были вынуждены признать его старшинство, а Михаил Тверской, кроме того, еще и обязался не «искать» под московским князем великого княжения Владимирского, т. е. отказался от всяких притязаний на этот титул. Затем хан Тохтамыш, как мы уже знаем, санкционировал превращение великого княжения Владимирского в наследственное владение московских князей, и Дмитрий Донской завещал его своему старшему сыну Василию Дмитриевичу.

Рост военного могущества и финансовых возможностей великих князей московских подталкивал их к дальнейшей территориальной экспансии. Крупнейшим успехом Василия I стало присоединение Нижнегородского княжества. Обычно это приобретение датируется 1392 годом, но в действительности тогда было только положено начало многолетней кампании, завершившейся лишь спустя полвека.

В 1392 году хан Тохтамыш, нуждавшийся в деньгах перед решающим столкновением со своим грозным противником Тимуром (Тамерланом), выдал Василию I ярлык на Нижний Новгород, Муром, Мещеру и Тарусу — надо полагать, в обмен на щедрые дары. После этого московский князь занял Нижний Новгород, а княживший там Борис Константинович (из рода суздальских князей) был сведен с престола и два года

спустя умер в Суздале. Однако сын покойного Даниил Борисович не примирился с потерей нижегородского стола и ждал удобного случая, чтобы вернуть себе свою вотчину. Такой случай представился ему в 1408 году, когда эмир Едигей, пытаясь принудить Василия I к повиновению, совершил опустошительный набег на земли великого княжества Московского. При поддержке Едигея Даниил Борисович занял Нижегородское княжество.

В начале 1415 года Василию I удалось вернуть Нижний Новгород под свой контроль и посадить там на княжение сына Ивана. Но и на этом нижегородская эпопея не закончилась: около 1424 года князь Даниил Борисович вновь вернул себе ненадолго престол, на этот раз — по ярлыку нового ордынского хана Улуг-Мухаммеда. В последний раз Нижний Новгород обрел на короткое время самостоятельность в середине 40-х годов XV века: после того как великий князь Василий II попал в 1445 году в плен к Улуг-Мухаммеду (см. следующую главу), хан восстановил Нижегородско-Суздальское княжество и передал его князьям Василию и Федору Юрьевичам (из суздальской династии), но просуществовало оно не более полугода.

История многолетних усилий московских князей удержать под своей властью Нижегородское княжество еще раз наглядно свидетельствует о том, что приращение территорий вовсе не тождественно строительству государства. Во-первых, ясно, что пока сюзереном русских князей оставался ордынский хан, никакое присоединение не могло считаться прочным

и окончательным: всегда существовал шанс, что при смене власти в Сарае ярлык на тот или иной княжеский престол получит не его счастливый обладатель, а другой претендент. Поэтому только обретение государственного суверенитета могло гарантировать стабильность сложившейся территории и незыблемость границ.

Во-вторых, судьба Нижегородского княжества показывает, что ни наличие ханского ярлыка, ни несомненный военный перевес Москвы не могли обеспечить ей прочные позиции в присоединенном крае: многое зависело от поддержки местных князей и боярства. В этом отношении характерен пример Ростова, князя которого рано перешли на московскую службу. И поэтому, хотя остатки владельческих прав в Ростовской земле были выкуплены у них только в 1470-х годах при Иване III, само Ростовское княжество уже в середине XIV века прочно вошло в состав великого княжения Владимирского.

Наконец, в-третьих, ни на одном из этапов многолетней борьбы за Нижний Новгород со стороны великого князя московского не видно попыток создать новые структуры управления на местах или каким-то иным способом удержать присоединенную территорию. Такая «пассивность» контрастирует с энергичными мерами внука и правнука Василия Дмитриевича — великих князей Ивана III и Василия III, — направленными на интеграцию Великого Новгорода, Твери, Пскова, Смоленска и других земель, вошедших в состав Русского государства в конце XV — начале XVI века. Об этих событиях

пойдет речь в следующих главах книги, а пока отметим, что с образованием государства меняются отношения между центром и провинциями страны, которые ставятся под более жесткий контроль великокняжеской (а потом царской) администрации. Поэтому интересующий нас процесс не стоит представлять себе просто как рост владений московских князей, который на каком-то этапе сам собой привел к возникновению государства. Скорее следует говорить о серьезных сдвигах, радикальных переменах, которые на протяжении жизни одного поколения затронули властные отношения, идеологию, территориальную структуру и другие важные сферы жизни Московской Руси.

Великое княжество Владимирское и Московское к моменту смерти Василия I (1425) представляло собой типично средневековое политическое образование, которое нельзя назвать ни государством, ни федерацией, ни каким-то иным современным нам термином. Зато оно весьма напоминает некоторые европейские королевства или герцогства того времени. Подобно королю или герцогу, бывших вассалами императора Священной Римской империи (притом что на деле зависимость могла быть реальной или только символической), великий князь владимирский и московский получал свой престол по ханскому ярлыку и считался «улусником» хана, т. е. правителем, зависимым от Орды*.

* Это сравнение тем более уместно, что ордынских ханов на Руси именовали «царями» (от слова «цесарь»), т. е. по статусу они равнялись императорам Византии и Священной Римской империи, титул которых обозначался тем же самым словом.

В свою очередь, он стоял во главе целой иерархии князей: ему подчинялись его братья — удельные московские князья, а также многочисленные служилые князья (вроде князей ростовских), которые в качестве наместников великого князя управляли землями и городами, входившими в состав великого княжества Владимирского.

Полновластным хозяином Василий I мог чувствовать себя в своей вотчине (аналог королевского домена на Западе) — землях, доставшихся ему от отца, Дмитрия Донского. В столице ему причиталась одна треть всех доходов. Наряду с подмосковными селами Василий Дмитриевич получил по наследству город Коломну с волостями (другие города Московского княжества достались его удельным братьям: Звенигород — Юрию, Можайск — Андрею, Дмитров — Петру, а Серпухов оставался у их дяди Владимира Андреевича Храброго и его потомков). Кроме того, в распоряжении Василия I как великого князя владимирского находились города Владимир, Кострома, Переславль (Залесский), Юрьев Польский.

Великокняжеские владения соседствовали с землями князей, находившихся на московской службе (Ростов), и с формально независимыми княжествами, находившимися, однако, в орбите влияния Москвы (Ярославль, Суздаль). Еще более пестрая картина наблюдалась на севере. Здесь располагались уделы братьев Василия I: Юрию Звенигородскому принадлежал обширный Галичский край, Андрею Можайскому — Белоозеро, а Петру Дмитровскому — Углич

(позднее Василий I выменял у брата этот удел, дав ему взамен Ржев). Далее на север начинались огромные владения Великого Новгорода. Некоторые волости находились в совместном управлении новгородцев и великих князей московских: Торжок, Волок Ламский, Бежецкий Верх, Вологда и Пермь.

Подобная чересполосица сулит неминуемую головную боль современному картографу: неясный статус одних земель, двойное подчинение других, частая смена владельцев вследствие семейных княжеских переделов, вмешательства Орды или Литвы — все это делает крайне затруднительным обозначение внешних границ той подвижной и расплывчатой области, которая исторически именовалась великим княжением Владимирским и которая с конца XIV века слилась с Московским княжеством. И уж тем более анахронизмом была бы попытка закрасить всю эту область одним цветом: подобная сплошная территория станет реальностью только с исчезновением последних формально независимых княжеств в Русском государстве, а это случится при Василии III, почти через сто лет после смерти его прадеда Василия I.

Особо нужно сказать о крупнейших городах Северо-Западной Руси — Великом Новгороде и Пскове: по традиции они также принадлежали к политической системе великого княжения Владимирского, но реально в описываемое время обладали практически полной самостоятельностью. При этом новгородцы и псковичи занимали различные позиции по отношению к Москве.

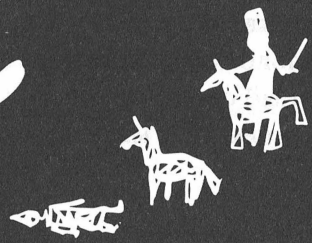
Великий Новгород в конце XIV века находился в состоянии конфронтации с великим князем московским, причем порой дело доходило до вооруженного противостояния, как это случилось, например, в 1397–1398 годах, когда одна из северных провинций Новгорода, Двинская земля, попыталась «отложиться» от метрополии и перейти под власть Василия I, но новгородцы силой подавили эту вспышку сепаратизма в своих владениях и вернули непокорную область под свой контроль. Интересно, что именно в те годы появилось и затем получило широкое распространение выражение «Господин Великий Новгород» — тем самым новгородцы гордо заявляли о своей самостоятельности и намерении проводить свою собственную политику, независимо от воли великого князя.

В отличие от Великого Новгорода, Псков, испытывая в первой четверти XV века постоянное военное давление Литвы, искал помощи в Москве. Но лояльность по отношению к великому князю вовсе не мешала проведению самостоятельной внешней политики, а также интенсивному росту местных политических институтов. Оба северных города, и Новгород, и Псков, развивались по республиканскому пути: активную роль в принятии решений там играло вече.

Заслуживает также внимания тот факт, что с 1420-х годов Великий Новгород и Псков начали чеканку собственной монеты, а найденные археологами многочисленные печати, которые когда-то были приложены к официальным документам этих респуб-

лик, свидетельствуют об интенсивной работе аппарата управления.

Таким образом, тенденция к «суверенизации» в описываемое время заметна не только в Москве, где уже с конца XIV века вынашивалась мысль об освобождении от ордынской зависимости. Новгород, Псков и Тверь также вели вполне самостоятельную политику в первой половине XV века, а ростки новой государственности, если иметь в виду постепенную бюрократизацию управления, кодификацию права и т. д., были даже заметнее на Северо-Западе, чем собственно в Московской Руси. При определенном раскладе политических сил вполне можно было себе представить формирование нескольких независимых государств. Но ход истории, как мы знаем теперь, оказался иным. Многие в судьбах русских земель, да и всей Восточной Европы в целом, определилось во второй четверти XV века, когда Великое княжество Московское пережило самый тяжелый внутренний кризис за всю свою историю.

ГЛАВА 2. ДИНАСТИЧЕСКАЯ ВОЙНА 30–40-х ГОДОВ XV ВЕКА И РОЖДЕНИЕ «ГОСПОДАРСТВА/ ГОСУДАРСТВА»

Одним из слагаемых успеха московских князей в XIV веке были единство и сплоченность, которые им удавалось поддерживать на протяжении нескольких поколений. В основе этой семейной солидарности лежала верность памяти предков и отцовским заветам. Вот как эти идеалы выразил великий князь Семен Иванович Гордый (дядя Дмитрия Донского) в своем завещании, написанном незадолго до смерти (1353):

А по отца нашего благословенью, что нам приказал жити заодин, тако же и яз вам приказываю, своей братьи, жити заодин. А лихих бы есте людей не слушали, и хто иметь вас сваживати, слушали бы есте отца нашего, владыки Олексея**, тако же старых бояр, хто хотел добра отцю нашему и нам. А пишу вам се*

* Речь идет об Иване Калите, князе московском (1325–1340), великом князе владимирском с 1328 года.

** Митрополит киевский и всея Руси Алексий.

слово того деля, чтобы не перестала память родителей наших и наша, и свеча бы не угасла.

А по отца нашего благословению, что приказал нам жить в согласии, так же и я вам приказываю, своим братьям, жить в согласии. А злых бы людей не слушали и тех, кто станет вас ссорить, слушали бы отца нашего, владыку Алексея, а также старых бояр, которые хотели добра отцу нашему и нам. А пишу вам это слово для того, чтобы не прервалась память о родителях наших и о нас, и чтобы свеча не угасла.

Солидарные действия потомков Калиты — на фоне распрей в других княжеских домах — приносили правителям Москвы немалые выгоды, но в княжение Василия I (1389–1425) былое единство дало трещину. Яблоком раздора стал вопрос о престолонаследии.

На протяжении XIV века какой-то определенный порядок передачи власти в Московском княжестве не сложился. В первой половине столетия преобладало наследование по боковой линии — от брата к брату: после смерти основателя московской династии Даниила Александровича (1303) княжили один за другим его сыновья — Юрий (1303–1325) и Иван Калита (1325–1340). Затем пришел черед сыновей Калиты: Семена (1340–1353) и Ивана (1353–1359). Во второй половине XIV века престол переходил по прямой линии — от отца к сыну: Ивану Красному наследовал его 9-летний сын Дмитрий (будущий Донской), а тому, в свою очередь, — старший сын Василий Дмитриевич.

Но всякий раз обстоятельства складывались таким образом (в том числе из-за эпидемии середины века, вероятно, чумы, не пощадившей и княжескую семью), что наследник оказывался старшим в роде и соперничества не возникало.

При Василии I впервые возникла ситуация, когда возможны были оба варианта престолонаследия. От брака с Софьей Витовтовной (дочерью великого князя литовского) у Василия Дмитриевича было пятеро сыновей, но трое из них умерли в младенчестве, а сын Иван, с которым великий князь связывал особые надежды и которого сделал своим наследником, внезапно скончался в 1417 году в двадцатилетнем возрасте во время мора (эпидемии). В живых остался только самый младший — Василий, которому к моменту смерти отца не исполнилось еще и десяти лет. Перспектива оказаться в подчинении у малолетнего племянника (а точнее, у его матери-вдовы) едва ли радовала взрослых братьев Василия I — Юрия, Андрея, Петра и Константина. Великий князь явно не доверял следующему по старшинству брату Юрию, небезосновательно видя в нем соперника своему сыну-наследнику: показательно, что ни в одном из трех сохранившихся завещаний Василия I имя Юрия не упомянуто среди душеприказчиков. В последнем завещании (1423) нет и имени самого младшего брата великого князя — Константина Дмитриевича: это стало следствием конфликта между ними, когда Василий I, по словам летописи, попытался «подписать» младшего брата «под» своего малолетнего сына, т. е. заставить Константина признать

старшинство юного племянника. Константин отказался, и великий князь в гневе отнял у него вотчину.

В итоге Василий I, объявив своим наследником малолетнего сына, поручил его опеке матери, великой княгини Софьи, а душеприказчиками назначил тестя, великого князя литовского Витовта, и свою «младшую братию» — князей Андрея и Петра Дмитриевичей, а также троюродных братьев (сыновей Владимира Андреевича Храброго) — Семена и Ярослава Владимировичей. Интересно, что о перспективе занятия сыном великокняжеского престола (в отличие от собственно московских владений) Василий Дмитриевич говорит в завещании с надеждой, но без полной уверенности: «А даст Бог сыну моему великое княжение, ино и яз сына своего благословляю, князя Василья». Подобная осторожность объяснялась необходимостью получения ханского ярлыка, что в условиях вероятного соперничества со стороны брата завещателя — князя Юрия Звенигородского — или иных претендентов делало судьбу владимирского престола не вполне ясной.

Как только Василий I скончался (27 февраля 1425 года), начался открытый конфликт между опекунами его малолетнего сына-наследника и удельным князем Юрием Дмитриевичем. Митрополит Фотий, самая влиятельная фигура при московском дворе, пригласил Юрия в столицу для принесения присяги новому великому князю, но тот уклонился от этой поездки, уехал в свои заволжские владения, в Галичскую землю, и стал собирать войска. С большим трудом, прибегнув к «челночной дипломатии», Фотию удалось примирить

дядю и племянника, но заключенное в 1428 году перемирие продержалось только три года. Осенью 1431 года соперники отправились в Орду, чтобы вынести свой спор о великом княжении на суд хана Улуг-Мухаммеда.

К тому времени уже не было в живых могущественных покровителей юного Василия II — его деда, великого князя литовского Витовта (он умер в октябре 1430 года), и митрополита Фотия (скончался летом 1431 года), поэтому князь Юрий Дмитриевич мог рассчитывать на успех. Выступая в ханской ставке, он подкреплял свои претензии на престол «летописцы старыми... и духовною отца своего великого князя Дмитрея». Очевидно, из летописи Юрий приводил примеры наследования княжеского престола от брата к брату, как это не раз бывало в XIV веке, но основным юридическим аргументом ему служило завещание его отца — Дмитрия Донского. Действительно, в этом документе был пункт, который удельный князь мог истолковать в свою пользу:

А по грехом, отъимет Бог сына моего, князя Василья, а хто будет под тем сын мой, ино тому сыну моему княж Васильев удел, а того уделом поделит их моя княгиня[.]

А если, за грехи [наши], отнимет Бог сына моего, князя Василья, и хто будет следующий [по старшинству] сын мой, тому сыну моему — удел князя Василья, а [прежний] его удел разделит между ними [сыновьями] моя жена[.]

Так распорядился великий князь Дмитрий Иванович. Однако это завещание было составлено в 1389 году, когда у старшего сына великого князя, Василия Дмитриевича, еще не было детей. Кроме того, речь в процитированном пассаже шла об «уделе», т. е. земельных владениях Василия в Московском княжестве, а судьба великого княжения в случае смерти наследника в завещании не оговаривалась.

Советники Василия II избрали другую тактику: в своей речи перед ханом боярин Иван Дмитриевич Всеволожский искусно подчеркнул, что его господин «ищет» великого княжения не по старым грамотам, а исключительно на основании ханского пожалования: «Наш государь князь великий Василей, — передает летописец слова боярина, — ищет стола своего великого княжения, а твоего улуса, по твоему цареву жалованью и по твоим девтерем* и ярлыком, а се твое жалованье перед тобою. А господин наш князь Юрьи Дмитриевич хочет взяти великое княжение по мертвой грамоте отца своего, а не по твоему жалованью волного царя, а ты волен в своем улусе, кого восхочешь жаловати на твоей воле». К этому ловкий дипломат прибавил, что Василий II получил великое княжение от своего отца, Василия Дмитриевича, «по твоему же жалованью волнаго царя», и «уже который год сидит на своем столе, а на твоем жалованье», выражая-де хану должное почтение.

* Дефтерь — ханская грамота, определявшая виды и размер дани с перечисленных в ней городов и иных поселений.

Речь И. Д. Всеволожского возымела действие: Улуг-Мухаммед историческим и юридическим аргументам Юрия Звенигородского предпочел изъявление покорности от имени его юного племянника. В итоге великое княжение получил Василий II, а его дяде Юрию в «утешение» был дан Дмитров — вотчина умершего незадолго до того Петра Дмитриевича.

Летом 1432 года соперники были отпущены ханом на Русь. В октябре Василий II был торжественно посажен специальным ордынским послом на великокняжеском престоле во Владимире, а его дядя Юрий вскоре бежал из только что полученного Дмитрова (находившегося в опасной близости к Москве) в далекий Галич и приступил к сбору войска. Дипломатия уступила место открытым военным действиям, в которых удача была поначалу на стороне галицких князей. В битве на реке Клязьме в апреле 1433 года Василий II потерпел сокрушительное поражение. Юрий Дмитриевич стал великим князем, а его племянник вынужден был довольствоваться коломенским уделом.

Но затем случилось непредвиденное: «Москвичи же вси, — говорит летописец, — князи и бояре, и воеводы и дети боярские, и дворяне, от мала и до велика, вси поехали на Коломну к великому князю, не повыкли бо служить уделным князем» (ибо не привыкли служить удельным князьям. — *М. К.*). Тогда князь Юрий, почувствовав, «яко непрочно ему седение на великом княжении», уступил его Василию II, а сам вернулся в свой удел.

Этот эпизод свидетельствует о том, что сложившаяся в Москве корпорация служилых людей (воевод, дворян и детей боярских) представляла собой внушительную силу, от поддержки которой в значительной степени зависела судьба великого княжения. Понятно, почему эти люди предпочли 18-летнего Василия II его 50-летнему дяде: дело заключалось не в личных симпатиях и не в выдающихся способностях юного князя (их, по всей видимости, не было), а в преимуществах того высокого статуса, который он по наследству занимал. Великокняжеская служба была престижнее и выгоднее, чем служба в уделах. За несколько поколений сложились прочные связи, и теперь появление на московском престоле представителя боковой ветви княжеской династии грозило разрывом этих традиционных связей, изменением сложившейся иерархии и выдвиганием на первый план бояр и дворян из Звенигородско-Галичского удела.

Потенциально настроения служилого люда сулили юному Василию Васильевичу успех в династической войне, но этот потенциал еще нужно было реализовать: воинам был необходим талантливый полководец, а великому княжеству в целом — искусный политик, способный найти союзников, нейтрализовать противников и т. д. Этими качествами наследник Василия I, как быстро выяснилось, не обладал, хотя ему и нельзя было отказать в личном мужестве.

Перемирие оказалось недолгим: уже осенью 1433 года военные действия возобновились: войско Василия II было разбито сыновьями Юрия Звениго-

родского — Василием Косым и Дмитрием Шемякой (сам Юрий в тот момент еще хранил верность договору со своим племянником), а весной 1434 года, после неудачного похода Василия II на Галич, москвичи потерпели еще более сокрушительное поражение от соединенной рати галицких князей, которую вел сам Юрий Дмитриевич. Победитель занял Москву и вновь объявил себя великим князем.

Традиционно в исторической литературе Василий II изображался как прогрессивный деятель, носитель «нового порядка» и сторонник политической централизации, а его соперники, галицкие князья, — как приверженцы удельной «старины». Но опубликованные в 1990-х годах новаторские исследования А. А. Зимина и Я. С. Лурье способствовали пересмотру этих представлений. Стало ясно, что все участники междоусобной войны боролись за власть над страной, а не за расширение своих уделов. Показательно также, что в период недолгого пребывания на московском престоле Юрий Звенигородский, а позднее его сын Дмитрий Шемяка стремились к усилению великого княжения и ограничению самостоятельности других княжеств (в частности, Рязанского и Нижегородского). Таким образом, борьба за престол носила личный и клановый характер, и нет оснований интерпретировать ее как столкновение сил «реакции» и «прогресса».

Второй срок великого княжения Юрия Дмитриевича оказался столь же коротким, как и первый: 5 июня 1434 года он умер. Находившийся при отце старший сын, Василий Косой, провозгласил себя великим

князем — к негодованию его братьев, Дмитрия Шемяки и Дмитрия Красного, которые заявили ему: «Аще не восхоте Бог, да княжит отец наш (если Бог не пожелал, чтобы княжил отец наш. — М. К.), а тебя и сами не хотим», — и перешли на сторону Василия II.

Как объяснить это странное решение братьев Василия Косого? Можно, конечно, предположить, что они оставались верны родовому принципу наследования престола, который отстаивал их покойный отец, ведь после смерти Юрия Дмитриевича старшим в роде Калиты стал именно Василий II. Однако последующее поведение Дмитрия Шемяки заставляет сомневаться в том, что он руководствовался какими-либо принципами. Поэтому весьма правдоподобным выглядит предположение А. А. Зимина о том, что братья Юрьевичи решили поддержать Василия II, считая его слабейшим кандидатом на престол, в то время как Василий Косой внушал им опасения решительностью своих действий.

Лишившись поддержки братьев, Василий Юрьевич продолжил борьбу за престол в одиночку (творя жестокости в захваченных им городах), но в мае 1436 года потерпел сокрушительное поражение в бою с Василием II, был взят в плен и ослеплен. Затем в междоусобной войне наступило временное затишье. Между великим князем Василием и Дмитрием Шемякой поддерживались внешне миролюбивые отношения (подкрепленные договорами в 1436 и 1442 годах), но за взаимными клятвами двоюродных братьев скрывались вражда и недоверие.

Последний акт кровавой драмы, напоминающей сюжеты шекспировских пьес, начался летом 1445 года, когда неудачливый полководец Василий II был разбит в битве под Суздалем татарами из орды Улуг-Мухаммеда (основавшего к тому времени новое ханство на Средней Волге, в Казани, и беспокоившего своими набегами соседние русские земли) и взят ими в плен. Власть в Москве перешла к Дмитрию Шемяке, как старшему в княжеском роду, но он не захотел с нею расстаться и после того, как Василий Васильевич был отпущен из плена (1 октября) на условии выплаты огромного выкупа. Пока великий князь в сопровождении внушительного татарского отряда возвращался на Русь, Шемяка распространял слухи, будто Василий « всю землю свою царю (хану. — М. К.) процеловал и нас, свою братью».

Против Василия II возник заговор, в котором, помимо Дмитрия Шемяки, приняли участие князь Иван Андреевич Можайский и некоторые московские бояре. Улучив момент, когда великий князь с семьей отправился на богомолье в Троицкий монастырь, заговорщики, не встретив сопротивления, заняли Москву. Одновременно отряд во главе с Иваном Можайским захватил в Троицкой обители Василия II, который был доставлен в столицу (в ночь с 13 на 14 февраля 1446 года) и ослеплен. Затем Василий Темный (это прозвище он получил у историков из-за постигшего его тогда несчастья) был отправлен в заточение в Углич.

Тем временем Дмитрий Шемяка торжествовал победу. На монетах со своим именем он велел выбить

гордую надпись: «Осподарь всея земли Русской». Между тем вероломство и жестокость Шемяки вызвали ропот в стране. Сохранившие верность Василию II князья (вроде Василия Ярославича Серпуховского) и служилые люди нашли убежище в Литве и собирались с силами, готовясь идти освобождать своего великого князя.

Видя себя, по словам летописца, «отвсюду обидима и от всех наругаема и поносима, зане (ибо. — *М. К.*) неправедно взем великое княжение и великого осподаря израдив (предав. — *М. К.*) на крестном целовании», Дмитрий Шемяка обратился за советом и помощью к духовенству. Церковные иерархи настойчиво рекомендовали ему примириться с поверженным противником. Последовав их совету, Шемяка в сентябре 1446 года освободил двоюродного брата из заточения, взяв с него клятвенное обещание «не искать» больше великого княжения, и дал ему в удел Вологду. Сюда стали стекаться сторонники Василия II. Игумен Кирилло-Белозерского монастыря Трифон освободил его от крестного целования, данного Шемяке, ибо он целовал крест «неволею». Затем Василий II по приглашению великого князя тверского Бориса Александровича (постоянно лавировавшего между враждующими сторонами) отправился к нему и заключил с ним союз против Шемяки, скрепленный помолвкой старшего сына московского князя, Ивана Васильевича (будущего Ивана III), с дочерью тверского князя Марией Борисовной.

Теперь уже чаша весов склонилась на сторону Василия Темного. На Рождество его отряды вместе

с тверскими воеводами взяли Москву, а 17 февраля 1447 года сам великий князь триумфально въехал в свою столицу. В течение нескольких лет Дмитрий Шемяка еще пытался сопротивляться, но взятие в январе 1450 года его оплота — хорошо укрепленного города Галича — поставило точку в длившейся четверть века династической войне. Галицкий князь укрылся в Великом Новгороде, но «рука Москвы» настигла его и там: в 1453 году он внезапно скончался, как сообщают летописи, — от «лютого зелья», или «отравы».

На завершающем этапе династической войны большую поддержку Василию Темному, наряду с московскими боярами и служилыми людьми, оказало духовенство. Как уже было сказано, именно по настоянию церковных иерархов Дмитрий Шемяка выпустил своего пленника из заточения в Угличе, а совершенное кирилловским игуменом освобождение Василия II от данных им клятв развязало ему руки для дальнейшей борьбы за престол. Более того, в декабре 1447 года епископы, архимандриты и игумены — члены собора русской митрополии — направили послание Шемяке с обличением его вины перед великим князем Василием Васильевичем и призывом покаяться и под страхом церковного отлучения выполнить все пункты заключенных им со «старейшим братом» договоров. Сохранились также грамоты митрополита Ионы начала 1450-х годов в Вятскую землю (владение галицких князей) с требованием покориться великому князю Василию.

Для того чтобы понять позицию духовенства и персонально митрополита Ионы, решительно ставших

в конце 1440-х годов на сторону Василия II, нужно взглянуть на положение Русской церкви после смерти в 1431 году митрополита Фотия. Его преемник был назначен константинопольским патриархом только через несколько лет: им стал смоленский епископ Герасим. Осенью 1433 года новый митрополит прибыл в Смоленск, а в Москву не поехал, поскольку, как заметил по этому поводу псковский летописец, «князи руския воюются и секутся о княженьи великом на Руской земли»: действительно, это был самый разгар борьбы Василия II с Юрием Звенигородским и его сыновьями. Летом 1435 года Герасим трагически погиб: он был казнен литовским великим князем Свидригайлом по обвинению в заговоре.

Следующий митрополит, грек Исидор, прибыл в Москву в апреле 1437 года, в момент относительного затишья в междоусобной войне. Вскоре он отправился в Италию на собор, посвященный вопросу о соединении (унии) католической и православной церквей. Греки надеялись таким путем спасти свою гибнущую под натиском турок империю. Поэтому они проявили уступчивость в догматических вопросах, и в начале июля 1439 года на соборе во Флоренции уния была заключена. Исидор, ставший убежденным сторонником и проповедником унии, вернулся в Москву в марте 1441 года. Когда он во время литургии в Успенском соборе помянул первым не патриарха, а папу Евгения IV и зачитал с амвона папскую буллу о соединении церквей, это вызвало возмущение русского духовенства и великого князя. По распоряжению Василия II

Исидор был арестован и заточен в Чудовом монастыре. Спешно собранный церковный собор обвинил его в «латынстве». В сентябре 1441 года Исидору удалось бежать из заточения (вероятно, с молчаливого согласия властей, поскольку погони за ним не было); через Тверь и Литву он добрался до Рима. С тех пор в течение семи лет русская митрополия, по выражению того времени, «вдовствовала», т. е. оставалась вакантной. Только в декабре 1448 года на соборе русских епископов был поставлен новый митрополит — им стал рязанский владыка Иона.

Отвергая унию с Римом и избирая митрополита без санкции патриарха, русские иерархи вовсе не намеревались разрывать отношения с Константинополем: существовала надежда, что на смену патриарху-униату придет приверженец истинного православия. Но фактически с 1448 года Русская церковь стала автокефальной (т. е. независимой, самоуправляющейся). Это событие следует рассматривать в русле общеевропейской тенденции к «национализации» местных церквей, их обособления от вселенской церкви (соответственно католической или православной) и подчинения светской власти той или иной страны. Аналогичным образом галликанская церковь во Франции на основании Прагматической санкции 1438 года, а затем Болонского конкордата 1516 года получила в ряде вопросов автономию от папской власти и перешла под контроль короля. Еще радикальнее эта тенденция проявилась в ходе Реформации начала XVI в странах Центральной и Северной Европы, где

монархи провозгласили себя главами соответствующих церквей.

В более широком плане все государства раннего Нового времени, включая и Османскую империю, опирались на религию, а их правители активно использовали лозунги защиты веры. Не стало исключением и Московское государство, которое с момента своего возникновения в середине XV века и вплоть до конца XVII столетия строилось как православное царство.

Русская митрополия, епархии которой охватывали всю страну, объективно была заинтересована в прекращении княжеских усобиц и укреплении политического единства. Возможно, некоторым иерархам был близок византийский идеал «симфонии» светской и церковной власти. Поэтому поддержка обладателя великокняжеского титула выглядела вполне осознанной политикой предстоятелей церкви, что, однако, не исключало проблемы выбора между претендентами на великокняжеский престол.

Рязанский епископ Иона был родом из Галичской земли, и поэтому неудивительно, что поначалу он ориентировался на галицких князей. В 1446 году он не только признал власть Дмитрия Шемяки, но и выполнил его деликатное поручение, бросившее тень на репутацию рязанского владыки: после ослепления Василия II он забрал из Мурома его детей, нашедших там приют под опекой оставшихся верными свергнутому великому князю бояр, и доставил их к Шемяке, который, несмотря на данные Ионой публично гарантии

безопасности сыновей Василия Темного, отправил мальчиков в заточение к отцу в Углич. Однако вскоре растущая оппозиция Дмитрию Шемяке заставила рязанского владыку изменить свою позицию, и в последующие годы, как уже говорилось, он активно поддерживал вернувшего себе престол Василия II. Его лояльность была щедро вознаграждена: в декабре 1448 года собор епископов с одобрения великого князя избрал Иону митрополитом. До 1458 года его власть распространялась и на православные епархии Литвы, но после того, как киевским митрополитом стал униат Григорий (ученик Исидора), границы митрополии Ионы сузились до Московской Руси, что усилило зависимость владыки от великокняжеской власти.

Однако главным вкладом церковной иерархии в формирование российской государственности стали, конечно, не словесные громы и молнии в адрес Шемяки и его сторонников, а непосредственное участие митрополичьей канцелярии в выработке нового титула великого князя, главным элементом которого стало слово «господарь».

В описываемую эпоху наблюдалась явная «девальвация» княжеского титула. В домонгольский период этот титул был самодостаточен, и самые могущественные правители именовались просто князьями (хотя в посмертных летописных панегириках они могли награждаться эпитетом «великий»). Монгольские завоеватели санкционировали особый статус великих князей владимирских, считавшихся старшими среди князей Северо-Восточной Руси. Но со второй

половины XIV века «великими» считались также тверские, суздальско-нижегородские и рязанские князья, а порой этот титул употреблялся и по отношению к смоленским и ярославским князьям. Иными словами, все князья, сохранявшие независимость от Москвы или Литвы и самостоятельно получавшие ярлыки в Орде, могли гордо именоваться «великими». В XV веке великокняжеский титул обесценился настолько, что его стали использовать для обозначения старшинства в том или ином княжестве: например, Новосильское княжение считалось «великим» по отношению к входившим в него Воротынскому и Одоевскому уделам.

В этой ситуации в Московской Руси получил распространение новый титул — «господарь». Само это слово было известно с древности: так обозначали хозяина, владельца имущества, холопов и т. д. Но с начала XV века его стали употреблять по отношению к князьям, подчеркивая их права как вотчинников, наследственных владельцев своих земель. Первый известный случай такого словоупотребления содержится в духовной грамоте (завещании) игумена Кирилла Белозерского (1427), основателя знаменитого северного монастыря, носящего с тех пор его имя: созданную им обитель Кирилл передавал под защиту и опеку «своего господаря» — князя Андрея Дмитриевича Можайского и Белозерского, на земле которого монастырь был построен.

В близком по смыслу значении интересующий нас термин использован в договорах 30-х — начала

40-х годов XV века между Василием II и его двоюродным братом Дмитрием Шемякой: по поводу бояр и детей боярских там говорилось, что во время военного похода «кто кому служит, тот со своим осподарем и идет». Но к концу династической войны слово «господарь» начало приобретать новый смысл — верховного правителя страны. Выше я уже цитировал надпись, которую в 1446 году велел выбить на своих монетах Дмитрий Шемяка, когда он ненадолго захватил великокняжескую власть, ослепив Василия II: на лицевой стороне читаются слова «князь [велики] Дмитри Юрьевич», а на обороте — «оспо[дарь] [зе]мли руские». Как только Василий Темный вернул себе престол в начале 1447 года, он стал чеканить монеты от своего имени с аналогичными надписями: «осподарь всея Руси», «осподарь всея земли Руския». Однако в официальные документы, в том числе международные договоры, этот новый титул вошел только при сыне и наследнике Василия Васильевича — Иване III.

Между тем митрополичья канцелярия уже во второй четверти XV века зашла гораздо дальше в конструировании образа великого князя как суверенного правителя Руси и защитника православной веры. Так, митрополит Фотий в своем завещании (1431) наказывал Василию II беречь церковное имущество, полученное владыкой «в отчине великаго вашего господарства и от ыных земель, господарств, великих княжений, и от Литовской земли...» В этой фразе наше внимание привлекает употребленное дважды слово

«господарство»*: в первом случае оно означает почтительное обращение к владетельным особам (юному Василию и его матери Софье), что-то вроде позднейшего «Ваше величество», а во втором выступает синонимом земель и великих княжений, т. е. самостоятельных политических единиц, приближаясь по смыслу к нашему термину «государство».

В грамотах митрополита Ионы конца 40-х — 50-х годов XV века слово «господарство» устойчиво использовалось для обозначения крупных политических образований: Великого княжества Литовского, Польского королевства и даже Казанского ханства. В том же ряду упоминается и Русское «господарство». Его главу, великого князя Василия Васильевича, Иона именует «здешнего православнаго великаго самодержьства господином» и даже «великим господарем царем руским». А в приговоре членов собора Русской митрополии (декабрь 1459 года) Василий II назван «всея Руския земли самодрѣжцем».

Таким образом, уже к середине XV века митрополия выработала идеологическую платформу и титулатуру для великокняжеской власти, которые значительно опережали политическую практику: русское «господарство» мыслилось полностью независимым

* В оригинале это слово написано сокращенно, под «титлом» (волнистой черточкой над строкой): «гсдрьство». В современных научных изданиях это сокращение принято раскрывать как «государство», но, как показал венгерский славист Андраш Золтан, для такой интерпретации нет оснований: в XV и на протяжении большей части XVI века нормой оставалось написание «господарь» и «господарство», и лишь позднее эти формы были вытеснены привычными для нас теперь словами «государь» и «государство».

и суверенным («самодержавным»), хотя в реальности еще не была ликвидирована зависимость русских князей от ордынских ханов, и правители разных татарских юртов — наследников распавшейся Золотой Орды по-прежнему считали себя сюзеренами московских великих князей. Что касается титулов, то московским правителям понадобилось больше ста лет, чтобы реализовать всю ту амбициозную «программу», которую наметил митрополит Иона в 1450-е годы: господаем/государем всея Руси провозгласил себя официально Иван III в последние десятилетия XV века; царский титул присвоил себе Иван IV после коронации в 1547 году, а самодержцами русские цари стали величаться только начиная с Федора Ивановича (1584–1598).

Династическая война второй четверти XV века стала поворотным моментом в истории Московской Руси: великое княжение, которое еще в конце правления Василия I представляло собой рыхлую политическую структуру, уже к середине столетия превратилось в монархию с явной тенденцией к единодержавию. Многие уделы были ликвидированы в ходе междоусобной борьбы, а те, что остались или были заново созданы по завещанию Василия II (1462), или потеряли былую автономию, а их владельцы из «братии младшей» великого князя превратились в его, «великого господаря», подданных.

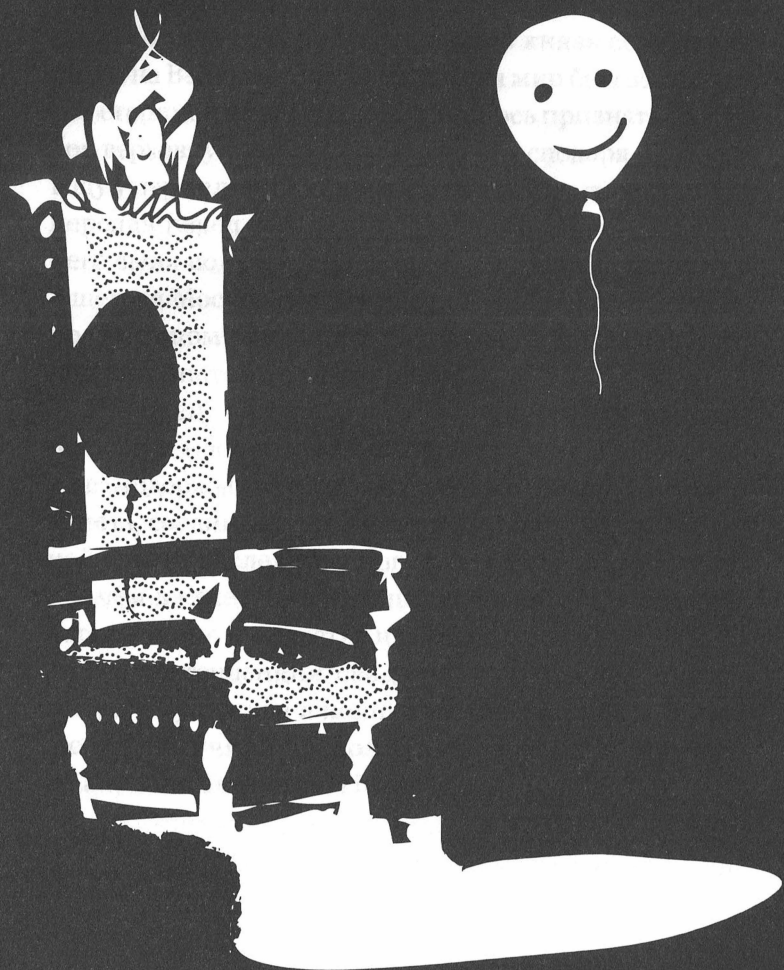
Важные перемены произошли за годы правления Василия Темного в административно-территориальной структуре Великого княжества Московского: на смену удельной чересполосице пришла уездная система;

уезды управлялись наместниками великого князя. Так постепенно формировалась единая в административном, судебном и финансовом отношениях территория государства.

Победа Василия II в многолетней междоусобной войне стала плохой новостью для соседей Москвы, тщетно надеявшихся сохранить свою самостоятельность. В 1456 году войско великого князя совершило поход на Великий Новгород, и, хотя мир был заключен «по старине», новгородцам пришлось признать над собой верховную власть московского государя. В том же году умер великий князь рязанский Иван Федорович, передав перед смертью княжение и своего малолетнего сына под опеку Василия II. Так вокруг формирующегося Московского государства образовалась цепь полуавтономных земель и княжеств, находившихся под патронатом великого князя.

Наконец, не менее важные сдвиги произошли и в сфере идей: появились понятия «господарства» и «самодержьства», которые несли в себе идею суверенитета, соединенную с представлением о неограниченной власти наследственного владельца (вотчинника), причем в качестве вотчины теперь могли рассматриваться целые княжества и обширные земли.

Все эти тенденции, свидетельствовавшие о складывании государства в политических реалиях и в умах людей, получили продолжение при сыне и преемнике Василия Темного — Иване III.

ГЛАВА 3.

ИВАН III: ОБРЕТЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО СУВЕРЕНИТЕТА

Иван III рано приобщился к власти, будучи соправителем своего отца в последние годы его жизни. После смерти Василия Темного (27 марта 1462 года) он стал единоличным властителем большой по европейским меркам державы.

На основании косвенных данных некоторые исследователи считают, что Иван III вступил на престол по ханскому ярлыку, заранее полученному его отцом (летописи об этом не упоминают). Однако в любом случае фактом является то, что новый великий князь, в отличие от своих предшественников, ни разу не посетил Большую Орду. Более того, складывается впечатление, что с первых шагов Иван Васильевич действовал без оглядки на ее правителей.

К тому времени улус Джучи окончательно распался на несколько враждующих между собой татарских «юртов». На роль наследника сарайских ханов и сюзерена русских князей претендовали в первую очередь правители Большой Орды. Их непримиримыми соперниками выступали крымские Гирей. Но активное

участие в степной политике принимали и другие игроки: Казанское ханство, Ногайская орда и т. д. С одной стороны, такая ситуация делала практически невозможным восстановление бывшего ордынского владения над Русью: времена не только Батыея, но и хана Узбека или Тохтамыша безвозвратно ушли в прошлое. Однако, с другой стороны, резко возрос риск нападения какой-либо орды, от которого надо было или защищаться вооруженным путем, или откупаться «данью», подарками и т. д. Гегемония Орды сменилась нестабильностью на степных границах.

По наблюдениям исследователя русско-ордынских отношений А. А. Горского, в самые первые годы великого княжения Ивана III изменилась традиционная оговорка княжеских завещаний и договоров, касавшаяся уплаты дани («А переменит Бог Орду...»). Теперь она звучала так: «А коли яз, князь великий, выхода в Орду не дам, и мне и у тебя (удельного князя. — М. К.) не взяти». Иными словами, отказ от уплаты ордынской дани ставился отныне в зависимость не от Божьей воли, а от намерений самого великого князя, и из неопределенного будущего этот вопрос переводился в плоскость текущей политики.

Неизвестно, выплачивалась ли дань в первой половине 1460-х годов: если нет, тогда становятся понятны мотивы похода хана Большой Орды Махмуда на Русь в 1465 году. К тому же за Иваном III числилась еще одна «провинность»: в 1463 году он без ханского ярлыка присоединил к своим владениям еще недавно самостоятельное и считавшееся «великим»

Ярославское княжество; местные князья взамен своей вотчины получили от великого князя, по словам летописи, волости и села, а возможно, также и денежную компенсацию.

Вероятно, Махмуд хотел покарать своего вышедшего из повиновения «улусника», но неожиданно во время похода он подвергся на Дону нападению соперника — крымского хана Хаджи-Гирея — и был разбит. Во второй половине 1460-х годов обстановка в Большой Орде стабилизировалась, на престоле утвердился хан Ахмат, и Москва, по всей видимости, возобновила выплату дани. Однако летом 1472 года Ахмат предпринял поход на Русь, окончившийся неудачей (татары сожгли город Алексин на правом берегу Оки, но переправиться на другой берег им не дали подошедшие московские войска).

Объясняя мотивы этого набега, летопись сообщает, что хан был «подговорен королем», т. е. Казимиром IV — королем польским и великим князем литовским. Судя по всему, подоплекой конфликта было соперничество Казимира и Ивана III за господство над Великим Новгородом. В июле 1471 года московское войско разгромило новгородцев в битве на реке Шелони; в том же году послы Ивана III дважды побывали при дворе короля Казимира в Кракове. Таким образом, набег Ахмата не был подобием прежних карательных походов ордынцев на Русь: из внутреннего дела хана и его вассалов-князей русско-ордынские отношения стали частью международных отношений Восточной Европы. Молодое Русское государство

выходило на широкую международную арену: новым подтверждением этого стало установление прямых контактов (а затем и союза) Москвы с Крымским ханством, а также заключение в ноябре 1472 года брака Ивана III с Софьей (Зоей) Палеолог — родственницей византийских императоров.

Неудача Ахмата позволила Ивану III окончательно прекратить выплату ежегодной дани, хотя на полный разрыв с Большой Ордой великий князь еще не решился: он обменивался послами с ханом и порой задабривал его и татарских мурз при помощи богатых даров. Но прямое требование Ахмата лично явиться в Орду (1476) Иван III проигнорировал, и новое столкновение стало неизбежным.

Весной 1480 года Ахмат решил силой восстановить власть над непокорным улусом: собрав большое войско и возобновив союз с королем Казимиром, хан в начале октября подошел к реке Угре, разделявшей владения Литовского и Московского великих княжеств. На другом берегу расположились полки Ивана III. Во время продолжавшегося больше месяца «стояния на Угре» (как эти события принято называть в исторической литературе) перестрелки и боевые столкновения чередовались с переговорами. Наконец, на второй неделе ноября Ахмат, не дождавшись помощи от своего союзника Казимира и не надеясь сломить сопротивление московских войск, повернул обратно.

Видимая легкость, с которой московский государь добился успеха, не должна нас обманывать. Написанное

в разгар этих событий и адресованное великому князю послание ростовского архиепископа Вассиана Рыло ярко свидетельствует о колебаниях и сомнениях, имевших место в стане Ивана III.

Вассиан убеждал государя не слушать тех, кто советовал ему отступить, не противиться Ахмату. Знаком архиепископу и аргумент, который мог быть приведен в оправдание такой осторожной тактики:

Под клятвою есмь от прародителей, — еже не поднимати руки противу царя, то како аз могу клятву разорити и спротив царя стати?

От предков находимся мы под клятвой, чтобы не поднимать руку на царя, как же я могу нарушить клятву и против царя стать?

Очевидно, великому князю и его советникам нелегко было преодолеть психологический барьер и выступить против законного хана-Чингисида, которому привыкли повиноваться предки Ивана III.

Вассиан приводит свои контраргументы: разрешать от невольных клятв (под клятвой, вероятно, в данном случае имеется в виду присяга, которую приносили в Орде князья, получая ханский ярлык на свое княжение) дана власть митрополиту и другим владыкам. Да и какой пророк, апостол или святитель, — саркастически вопрошает автор послания, — заповедал «тебе, великому Русских стран христианскому царю», повиноваться этому богомерзкому и скверному самозваному

царю! А «самозванным царем» Вассиан именует хана потому, что основатель Орды Батый,

пришед разбойнически и поплени всю землю нашу, и поработи, и воцарися над нами, а не царь сый, ни от рода царьска.

придя разбойнически, захватил всю землю нашу и поработил, и воцарился над нами, хотя он не царь и не из царского рода.

Таким образом, обретение независимости требовало не только создания боеспособного войска, но и преодоления многовековой традиции покорности ордынским правителям: ведь та же Церковь учила, что «нет власти не от Бога»!

В наших учебниках свержение ордынского ига прочно связывается со «стоянием на Угре», а в некоторых научно-популярных изданиях 12 ноября 1480 года, т. е. следующий после отступления Ахмата день, даже именуется «первым днем независимости Руси». Думается, это все-таки сильное упрощение. Никто тогда, в 1480 году, не мог быть уверен, что за отраженным ордынским набегом не последует другой, еще более грозный. Вообще современники не придавали «стоянию на Угре» какого-то судьбоносного значения. Примечательно, что польский хронист Ян Длугош, умерший в мае 1480 года, т. е. за полгода до похода Ахмата, писал об освобождении Московии от «варварского ига» как уже о свершившемся факте. Действительно, Иван III уже с начала 1470-х годов

вел вполне независимую внешнюю политику, а походы Ахмата 1472 и 1480 годов стали испытанием этой независимости — испытанием, которое молодое Русское государство успешно выдержало.

Суверенитет — самый первый и безошибочный признак современного государства. В первую очередь он означает независимость от каких-либо иностранных правителей. В эпоху Ивана III само понятие суверенитета еще не существовало не только на Руси, но и в Западной Европе (учение о суверенитете разработал в 60–70-х годах XVI века французский юрист и философ Жан Боден). Однако московский государь ясно выразил идею независимости своей власти, унаследованной от предков. Послу императора Фридриха III Николаю Поппелю, предлагавшему Ивану III от имени своего государя королевскую корону, был дан в январе 1489 года гордый ответ:

А что еси говорил нам о королевстве, если нам любо от цесаря хотети кралем поставлену быти на своей земле, и мы Божию милостию государи на своей земле изначала, от первых своих прародителей, а поставление имеем от Бога, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы нам дал Бог и нашим детям и до века в том быти, как есмя ныне государи на своей земле, а поставления, как есмя наперед сего не хотели ни от кого, так и ныне не хотим.

А что ты говорил нам о королевстве: хотим ли мы от императора быть поставленным королем на

своей земле; и мы Божией милостью государи на своей земле изначально, от первых своих прародителей, а поставлены Богом, как наши прародители, так и мы, а просим Бога, чтобы дал нам и нашим детям Бог вечно пребывать в том [состоянии], как ныне мы государи на своей земле; а поставления мы, как прежде ни от кого не хотели, так и ныне не хотим.

Как было показано в предыдущей главе, в русской митрополии уже во второй четверти XV века существовало понятие «господарства» в значении крупного суверенного политического образования. Иван III во второй половине своего долгого княжения ощущал себя главой подобного «господарства», «государем на своей земле». Он старался выстроить равноправные отношения с другими государями: императором Священной Римской империи, турецким султаном, крымским ханом, польским королем и великим князем литовским. Правда, в контактах Москвы с татарскими юртами — наследниками Золотой Орды еще долго сохранялись следы былой зависимости, что проявлялось в дипломатическом этикете, а также в регулярных выплатах — «поминках» (подарках), заменивших собой прежнюю дань.

С эпохи Ивана III можно говорить о выделении особой сферы внешней политики и о постепенном формировании соответствующего ведомства со штатом переводчиков (толмачей), дьяков и подьячих. От 1470-х годов до нас дошли и самые ранние комплексы

дипломатических документов — так называемые посольские книги.

Во внутренних делах суверенитет подразумевает неограниченность верховной власти, которая на территории данного государства обладает абсолютными и никем не оспариваемыми полномочиями. И вновь нужно признать удивительную прозорливость Ивана III, который, не имея какой-либо теоретической подготовки, прекрасно понимал суть государственной власти. Однажды он дал своей дочери Елене, выданной им в 1495 году замуж за великого князя литовского Александра, мудрый совет. Ранее Елена сообщила отцу, что ее муж совещался с литовскими панами, собираясь своему брату Сигизмунду «дать в Литовском в великом княжестве Киев, да и иные города». На это Иван Васильевич через посла велел ей сказать:

Ино, дочи, слыхал яз, каково было нестроенье в Литовской земле, коли было государей много; а и в нашей земле слыхала еси, каково было нестроенье при моем отце; а опосле моего отца каковы были дела и мне с братьею, надеюся, слыхала еси, а иное и сама помнишь; и толко Жыдимонт будет в Литовской земле, ино вашему которому добру быти?

А я, дочка, слыхал, какая смута была в Литовской земле, когда государей было много. А и в нашей земле — слыхала, какой раздор был при моем отце? А опосле моего отца какие дела были у меня с братьями, надеюся, ты слыхала, а иное и сама помнишь. И если

только Сигизмунд будет в Литовской земле, то какому добру для вас быть?

И, словно спохватившись, что, давая подобные советы, он вмешивается, как сказали бы сейчас, в чужие государственные дела, любящий отец прибавил далее:

И яз приказываю то к тебе того деля, что еси деля наше и что ся не по тому ваше дело почнет делатись, и мне того жаль.

И я велю сказать тебе это потому, что ты наше дитя, и мне жаль, если ваше дело не так начнет делаться.

Как видим, Иван III умел извлекать уроки из недавнего прошлого. Междоусобицы в Литве 1430-х годов, династическая война при Василии II и конфликты с братьями самого Ивана Васильевича научили его простой истине: если в одной земле (т. е. стране) «государей много», то добра не будет — жди «нестроенья». Государь в стране должен быть один — к такому выводу, исходя из собственного опыта и опыта своих современников, пришел великий князь всея Руси.

Иван III отстаивал принцип единовластия не только на словах, но и на деле. Его братья и другие члены княжеского дома находились под жестким контролем. Стоило князю Андрею Васильевичу Углицкому проявить послушание — он не послал свою рать против татар по приказу великого князя, как последовало жестокое

наказание: в 1491 году брат государя был взят под стражу вместе с детьми и вскоре умер в заточении. Удельным князьям было запрещено чеканить свою монету. Тот же порядок Иван Васильевич завещал и своим детям: младшие сыновья «по своим уделам» не должны были «денег делати». Это была прерогатива старшего сына и наследника — Василия: «а деньги велит делати сын мой Василей на Москве и во Тфери, как было при мне».

Московский государь не терпел никаких ограничений своей власти: это пришлось понять вольнолюбивым новгородцам, когда они осенью 1477 года, накануне окончательной потери независимости, вели переговоры с Иваном III. На их попытки выторговать хоть какие-то уступки великий князь гневно ответил (его слова приводит московский летописец): «Вы нынеча сами указываете мне, а чините урок нашему государьству быти, ино то которое государьство мое?» Пришлось новгородцам отказаться от своих требований и смиренно просить объяснить им, каким хочет видеть великий князь свое «государьство» в их городе. Ответ Ивана III гласил: «ино наше государьство великих князей* таково: вечю колоколу в отчине нашей в Новгороде не быти, посаднику не быти, а государьство нам свое держати».

Итак, полная независимость от иных правителей и абсолютная власть в своей земле — таким был для Ивана III идеал государства.

* Множественное число в этой фразе объясняется тем, что Иван III обращался к новгородцам от своего имени и от имени своего тогдашнего наследника — князя Ивана Ивановича Молодого.

ИНТЕГРАЦИЯ ПРИСОЕДИНЕННЫХ ЗЕМЕЛЬ И ФОРМИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАНИЦ

Присоединение Великого Новгорода (1478) стало поворотным моментом в истории Русского государства, территория которого с вхождением в его состав обширных новгородских земель увеличилась как минимум вдвое. Невольно возникает вопрос: а мог ли ход событий быть иным? Был ли шанс у Великого Новгорода сохранить свою независимость?

Как известно, история не знает сослагательного наклонения. Но если бросить ретроспективный взгляд на события XV века, можно предположить, что надежды Новгорода на выживание были связаны с внутренними усобицами у его могущественных соседей — московских и литовских великих князей и с их соперничеством за господство в Восточной Европе. Недаром наиболее уверенно Господин Великий Новгород чувствовал себя в 1430–1440-х годах, когда и Литву, и Москву сотрясали внутренние смуты. В дальнейшем ему оставалось только лавировать между этими державами, причем выжидательная тактика Казимира и активная наступательная политика Ивана III лишали вечевую республику шансов на сохранение своей самостоятельности.

Более того, сама попытка новгородцев заключить союз с королем рассматривалась московским государем как «измена» и повод к войне. Мотив «отступничества» новгородцев, принявших на княжение литовского магната Михаила Олельковича и будто бы собиравшихся подчинить свою архиепископскую кафедру

не московской, а киевской (униатской) митрополии, стал основным оправданием похода Ивана III на Новгород в 1471 году, завершившегося сокрушительным разгромом войск вечевой республики в битве на Шелони (14 июля). После этого военного поражения окончательное падение вольного Новгорода стало вопросом времени.

Давнее соперничество Новгорода и Пскова, выступившего в упомянутом конфликте на стороне великого князя московского, ослабляло позиции обеих русских северных республик. То, что псковичи не противились воле Ивана III, позволило им сохранить автономию своего города еще примерно на полвека, но в 1510 году, при новом великом князе, Василии III, пришел и их черед.

Новгород и Псков разделили судьбу многих городских республик европейского Средневековья, потерявших независимость в начале Нового времени. По не вполне пока ясным причинам даже такие крупные и богатые города, как Флоренция, оказались хуже приспособленными к трансформации в раннемодерные государства, чем монархии того времени. Возможно, дело заключалось в характерной для них внутренней борьбе кланов и «партий», подрывавшей единство города и затруднявшей создание безличных государственных институтов. Но решающим оказался военный фактор: города, как правило, проигрывали вооруженную борьбу растущим монархиям, которые имели возможность мобилизовать для своих целей несравненно бóльшие материальные и людские ресурсы.

В те же самые десятилетия, когда Господин Великий Новгород отчаянно боролся с Москвой за сохранение своей независимости, в Германии под натиском церковных и светских князей потеряли былые права и свободы такие города, как Майнц (1462), Кведлинбург (1477) и Эрфурт (1483). А в Италии, где синьории постепенно вытесняли городские коммуны, после 1530 года осталась, по сути, только одна республика — Венеция.

Таким образом, когда Иван III в Новгороде, а позднее Василий III — в Пскове приказывали снять вечерней колокол и вводили порядки, «как на Москве», они действовали в том же духе, что и их современники — немецкие или итальянские князья. Но в политике московских государей была и своя специфика: из покоренного города выселялась местная элита (бояре и посадники с семьями), купцы и ремесленники, а на их место переводились служилые люди и торговцы из центральных уездов страны. Эта жестокая мера, именовавшаяся «выводом», была впервые в массовом масштабе осуществлена в Новгородской земле в 1480-х годах, а затем, уже в новом столетии, повторена в Пскове (1510), Смоленске (1514) и некоторых других городах.

«Выводы», сопровождавшиеся конфискацией земель и переселением сотен людей, были наиболее радикальным способом интеграции новоприсоединенных территорий в состав Русского государства. Московские власти прибегали к нему там, где встречали сопротивление, не находили опоры в местном населении или опасались заговоров. Но были и области, которые в обмен на лояльность пользовались в течение определенного

времени значительной автономией. Таков, например, был статус Пскова при Иване III: в городе находился великокняжеский наместник, и внешняя политика уже с 1460-х годов полностью контролировалась центральным правительством, но при этом суд и внутреннее управление вплоть до 1510 года осуществлялись по местным законам и обычаям, известным нам из Псковской судной грамоты.

Внутреннюю автономию сохраняла также Рязань, номинально по-прежнему считавшаяся «великим княжеством». Здесь княжил Василий Иванович, женатый на сестре Ивана III — Анне, а после смерти Василия (1483) рязанский престол перешел к его старшему сыну Ивану. По договору со своим дядей и полным тезкой — Иваном III Иван Васильевич Рязанский признал себя «братом младшим», т. е. вассалом московского государя, и отказался от права внешних сношений.

По соседству с Рязанской землей, в Мещере, с середины XV века существовало вассальное по отношению к Москве Касимовское ханство. Там правили Чингисиды, потомки первого казанского хана Улуг-Мухаммеда.

После взятия московскими войсками в сентябре 1485 года Твери и бегства в Литву последнего «великого князя» этой земли Михаила Борисовича номинально «великое княжество Тверское» просуществовало еще несколько лет: оно было передано наследнику московского престола Ивану Ивановичу (подобно тому, как наследник английского престола издавна титуловался «принцем Уэльским»), и при нем был создан особый двор из тверских бояр. Иван Иванович Молодой,

носивший, как и отец, титул великого князя, умер в 1490 году, а последние следы обособленности тверской знати теряются в начале XVI века.

Для полноты картины следует упомянуть еще владения северских князей Семена Ивановича Стародубского и Василия Ивановича Шемячича (потомков злейших врагов Василия II — князей Ивана Можайского и Дмитрия Шемяки), перешедших в 1500 году на службу к Ивану III из Великого княжества Литовского. Их княжества, обладавшие полуавтономным статусом, просуществовали до конца второго десятилетия XVI века.

По терминологии британского историка Джона Эллиотта, большинство государств раннего Нового времени представляли собой «составные монархии» (*composite monarchies*), т. е. несколько стран или исторических областей, объединенных под властью одного монарха. С некоторыми оговорками эта характеристика применима и к государству Ивана III. Наряду с землями, считавшимися великокняжескими и управлявшимися наместниками московского государя, в его державу входило немало областей разного статуса и происхождения, обладавших той или иной степенью внутренней автономии. Однако, в отличие от королевств Арагона, Валенсии, Сицилии и Неаполя, а также Каталонии и нидерландских провинций в составе испанской монархии, ревностно защищавших свои старинные права и привилегии, или так называемых *pays d'états*, т. е. провинций со своими представительными органами (штатами) во Французском

королевстве, автономии в составе Московского государства имели тенденцию к сокращению, а затем — и к полному исчезновению.

Единственный известный нам случай, когда привилегии присоединяемого к России города или земли были закреплены на бумаге, относится к лету 1514 года: во время переговоров о капитуляции Смоленска жители получили от Василия III жалованную грамоту, гарантировавшую сохранение прав, которыми горожане пользовались в Великом княжестве Литовском. Но раскрытие в Смоленске осенью того же года пролитовского заговора привело к фактической отмене этого документа и выселению из города проявивших нелояльность к московскому государю жителей. В целом же в России XVI века возобладала модель полной интеграции покоренных земель «по праву завоевания»: после Смоленска такая же судьба ожидала Казань (1552), Астрахань (1556) и другие города и территории. В европейской перспективе это напоминало модель интеграции покоренного английскими королями Уэльса, который в соответствии с актами 1536 и 1543 годов управлялся по тем же правилам и законам, что и собственно английские графства. Вариант формально равноправной унии — по типу Кастилии и Арагона (1469), Польши и Литвы (1569), Англии и Шотландии (1603) — не нашел применения в России того времени, хотя сам титул русских царей XVI–XVII веков, подробно перечислявший все принадлежавшие им владения, напоминал о сложносоставном характере этого государства.

Вместе с тем держава Ивана III и его наследников имела с монархиями австрийских и испанских Габсбургов, а также с Османской империей одну важную общую черту: все они были династическими, а не национальными государствами. И хотя, подобно Габсбургам и Османам, московские государи также использовали лозунги защиты веры для обоснования своей завоевательной политики, все-таки главным мотивом их экспансии и на запад, и на восток было «возвращение» наследия предков — киевских князей.

Когда Иван III в январе 1493 года в посольстве к великому князю литовскому Александру впервые назвал себя «государем и великим князем всея Руси», сразу же последовал протест литовской стороны, не без оснований усмотревшей в этом претензии на русские земли, входившие в состав Великого княжества Литовского. Споры о титуле продолжались десять лет, и лишь проиграв две войны своему сопернику и тестю, великому князю московскому, Александр согласился признать новый титул Ивана III. На мирных переговорах весной 1503 года, подведших итог длительному военному противостоянию, московский государь гордо заявил литовским послам: «Ано и не то одно наша отчина, кои города и волости ныне за нами: и вся Рускаа земля Божьею волею из старины, от наших пра-родителей наша отчина».

Но и Казань в Москве считали своей «вотчиной», поскольку предки московских князей — великие киевские князья — взимали дань с древней Волжской Булгарии, там, где впоследствии возникло Казанское

ханство. Добавление к титулу Ивана III наименования «болгарский» должно было развеять все сомнения на этот счет. В 1487 году московская рать впервые взяла Казань и посадила на ханский престол зависимого правителя — Мухаммед-Амина.

Так патримониальная (вотчинная) идеология становилась универсальным источником легитимности и власти государя внутри страны, и его внешнеполитических притязаний.

При Иване III наряду с суверенитетом появляется еще один непреходящий атрибут государства Нового времени — государственная граница.

Средневековье не знало территориальных границ между странами: существовали рубежи между феодальными владениями, которые, разумеется, были хорошо известны местным крестьянам и их сеньорам, но политического значения эти межи не имели. Никому не приходило в голову наносить их на карту (географические карты также получили распространение в раннее Новое время!) и хранить ее в королевском архиве. Существовали также границы юрисдикций, светских и церковных, т. е. было известно, кому с какой территории причитаются определенные доходы и кому там принадлежит право суда. Обычным явлением была чересполосица и двойное подчинение тех или иных земель, когда два или более сеньора делили доходы с одной местности. Подобные порядки были распространены и на Руси, и в некоторых других странах Европы еще в первой половине XV века.

Линия границы возникает тогда, когда, во-первых, формируются суверенные государства (т. е. в каждом из них над паутиной местных юрисдикций возвышается и подчиняет их себе верховная власть), а во-вторых, в процессе экспансии они сталкиваются друг с другом, и между ними начинаются территориальные споры. Такой момент в истории Восточной Европы наступил в конце XV века, когда две сильнейшие державы — великие княжества Московское и Литовское — вступили в длительное вооруженное противостояние, одним из результатов которого явилась линия московско-литовской границы.

Интересно сравнить два мирных договора — 1449 и 1494 годов. Первый был заключен между Василием II и королем Казимиром, а второй — между Иваном III и Александром Литовским. Договор о «дружбе и братстве» от 31 августа 1449 года не содержал описания границы, за исключением размежевания спорного участка в районе Ржева. Договор был посвящен главным образом разделу сфер влияния: так, великий князь тверской был записан в литовскую «сторону», т. е. находился под покровительством Казимира, а великий князь рязанский считался союзником Василия II. Подробно оговаривались отношения каждой из сторон с Новгородом и Псковом и т. д.

Иной характер носил мирный договор 1494 года, завершивший шедшую с конца 1480-х годов необъявленную порубежную войну между соседними государствами. Значительное внимание там было уделено описанию границы в районах недавних боевых

действий — около Вязьмы и в верховьях Оки. При этом подробно перечислялись населенные пункты, принадлежавшие каждой из договаривающихся сторон в зоне размежевания. В итоге московско-литовская граница обрела реальные очертания и вполне может быть нанесена на карту — в отличие от договора 1449 года.

Еще подробнее описание границы в договоре о перемирии 1503 года по итогам очередной войны: здесь перечислены все населенные пункты — многие десятки городов и волостей, — которые каждая из сторон удержала за собой по условиям перемирия.

Таким образом, граница с Литвой стала первой государственной границей Нового времени в России. При этом на других направлениях к началу XVI века сохранялись все те же условные рубежи. С юга территорию Русского государства прикрывали полуавтономные образования: великое княжество Рязанское и владения северских князей, за которыми начиналась уже Дикая степь — район татарских кочевий. Не существовало никакой определенной границы на востоке, со стороны Казанского ханства. Для защиты от набегов казанцев во второй половине 1460-х годов были выставлены военные заставы в районе Костромы, Нижнего Новгорода, Муром, но после того, как на ханский престол в 1487 году удалось посадить ставленника Москвы, эта опасность до конца правления Ивана III была сведена к минимуму. Наконец, на севере вплоть до Белого моря простирались бывшие владения Великого Новгорода, малонаселенные и необжитые...

ЗАГАДКИ ПЕРВОГО СУДЕБНИКА

Среди многих новаций, связанных с эпохой Ивана III, особое место занимает первый свод законов Московского государства — Судебник 1497 года.

Во многих странах Европы — от Испании на западе до Московии на востоке — кодификация правовых норм служила эффективным средством юридической централизации и утверждения верховной власти монарха над своими подданными, в какой бы части государства они ни проживали. Одним из самых ранних кодексов стал свод законов короля Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252–1284); он был составлен в семи частях (*Las Siete Partidas*), отсюда и название, под которым этот юридический памятник вошел в историю, — «партиды».

В Южной, Восточной и Северной Европе к кодификации приступили на столетие позднее: к середине XIV века относятся Законник сербского царя Стефана Душана (1349, дополнен в 1354 году) и Статуты польского короля Казимира Великого (1346–1347). Тогда же появился кодекс законов Шведского королевства (около 1350): по имени правившего тогда короля его принято называть Уложением Магнуса Эрикссона. Ему предшествовали провинциальные кодексы, фиксировавшие правовые нормы отдельных шведских областей.

Закрывают этот ряд свод законов Великого княжества Литовского — Судебник Казимира (1468) и уже упомянутый Судебник Ивана III (1497).

До конца XV века на Руси, подобно Швеции XIII — первой половине XIV столетия, не было еди-

ного законодательства: в разных землях и княжествах действовали свои, местные нормы. До нас, например, дошли Новгородская (в отрывках) и Псковская судные грамоты — кодексы, по которым жили эти вечевые республики в XIV–XV веках. Судебник Ивана III впервые установил единые для всего государства нормы судопроизводства — уже этим определяется его историческое значение.

Отечественным ученым хорошо известен этот нормативный акт: с момента его первой публикации в 1819 году Судебник комментировали многие юристы и историки, и не одно поколение студентов штудировало его на семинарских занятиях... И тем не менее, как показали новейшие исследования, знаменитый памятник таит в себе еще немало загадок.

Прежде всего, удивление вызывает уже тот факт, что Судебник Ивана III дошел до нас в единственном списке (для сравнения: следующий, так называемый царский, Судебник 1550 года известен более чем в пятидесяти копиях разного времени). Долгое время считалось, что список близок по времени к моменту издания Судебника, но в 1980-х годах А. И. Плигузов установил, что дошедшая до нас рукопись принадлежит перу архимандрита московского Новоспасского монастыря Нифонта Кормилицына и трех его помощников. Ученый датировал ее 1552–1554 годами. Затем Б. М. Клосс и В. Д. Назаров уточнили эту датировку, приведя данные в пользу середины 1540-х годов. По всей вероятности, Нифонт снял копию с Судебника по заказу Иосифо-Волоколамского

монастыря — почитаемой обители, где он ранее был игуменом в течение двадцати лет.

Все это наводит на мысль, что новый свод законов спустя сорок с лишним лет после своего издания был доступен отнюдь не повсеместно: иначе зачем было властям крупного монастыря просить перебравшегося в Москву их бывшего игумена скопировать для них этот текст?

При этом Судебник 1497 года, несомненно, был действующим законом. От первой половины XVI века сохранилось около тридцати ссылок на его нормы, причем все они однотипны: как правило, речь шла о взимании судебных пошлин («а пошлину взяти по Судебнику»).

Совсем недавно К. В. Петров и А. А. Калашникова обратили внимание еще на одну странность: сохранившиеся подлинные судебные дела первой половины XVI века, т. е. периода, когда действовали изданные в 1497 году законы, зачастую вовсе не соответствуют установленным Судебником нормам. Например, сплошь и рядом не соблюдался срок давности по земельным делам (три года на частновладельческих землях и шесть — на великокняжеских, т. е. государственных). Приговоры порой также не отвечали требованиям писаного закона: так, 9-я статья Судебника предусматривала смертную казнь за особо тяжкие преступления, включая поджог, однако сохранилось несколько судебных дел, в которых виновные в поджоге были приговорены лишь к возмещению материального ущерба.

По всей видимости, первый Судебник лишь ограниченно применялся в правовой практике того времени.

Но тогда с какой целью он был издан? Однозначно ответить на этот вопрос сложно, но можно предположить, что в первую очередь кодекс был составлен для нужд столичных администраторов и судей. Законодатель провозглашает общие принципы правосудия: «посула (т. е. мзды. — *М. К.*) от суда не имати никому», — говорится в первой статье. «А каков жалобник к боярину придет, и ему жалобников от себе не отсылати, а давати всемь жалобником управа в(о) всемь, которым пригоже» (ст. 2). Далее подробно описывается судебная процедура и функции различных должностных лиц, указывается размер пошлин.

Получился своего рода справочник, в котором можно было найти ответ на многие практические вопросы: каков, например, должен быть размер вознаграждения недельщика (судебного пристава) за проезд от Москвы до другого города? Сумма зависела от расстояния и колебалась от десяти алтын (до подмосковной Хатуни) до восьми рублей (Двина и Холмогоры). В Судебник были также включены выписки из прежних уставных грамот и записи норм обычного права по вопросам, которые теперь входят в разделы уголовного и гражданского законодательства. Однако весь этот материал для судей того времени носил скорее характер полезной рекомендации, чем обязательно-го предписания.

Возможно, сами власти рассматривали первый кодекс как временный и неполный. Во всяком случае, спустя полвека на его основе был составлен значительно более подробный Судебник 1550 года.

ГЛАВА 4. ХАН ИЛИ БАСИЛЕВС: БЫЛО ЛИ МОСКОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО НАСЛЕДНИКОМ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ И ВИЗАНТИИ?

Итак, к концу XV столетия на восточной окраине Европы возникло большое государство, правитель которого пытался на равных разговаривать и с крымским ханом, и с великим князем литовским, и с императором Священной Римской империи. Было ли Московское государство самобытным политическим образованием или его создатели ориентировались на вполне конкретную, хорошо известную им модель?

Поскольку обретению Великим княжеством Московским государственного суверенитета предшествовало несколько веков ордынской зависимости, то наибольшей популярностью пользуется версия о монгольских корнях российской государственности. Ее сторонников можно найти сейчас и среди либералов-западников, и среди консерваторов — защитников традиционных ценностей.

Почти полтора века назад, в 1870 году, известный историк и этнограф Н. И. Костомаров писал о происхождении власти московского самодержца: «старейший

князь заменил собой хана со всеми его атрибутами верховного государя и собственника русской земли». Будучи человеком демократических взглядов, Костомаров возложил ответственность за установление ненавистного ему самодержавия на монгольских завоевателей.

А вот в великодержавной и антизападной концепции «евразийцев» — течения, возникшего в среде русской эмиграции 1920-х годов, — Россия объявлялась наследницей Монгольской империи, а так называемое иго — не только несчастьем, но и хорошей школой для Московской Руси, школой государственности.

Но как только из области философских спекуляций мы переходим в сферу конкретно-исторических исследований, то сразу выясняется, что представление о Московском государстве как о «втором издании» Золотой Орды не находит опоры в имеющихся источниках. Насколько легковесными выглядят попытки обнаружить прототипы структур управления Московской Руси в государствах Чингисидов, можно судить по работе современного американского историка Дональда Островского. В книге «Московия и монголы» (1998) и в предшествовавших ей статьях Островски утверждал, что московские князья XIV века, часто бывая в Орде, воспроизвели у себя виденную там систему управления. Так, дворскому при великокняжеском дворе, по мнению американского историка, соответствовал визирь при дворе сарайского хана, московскому тысяцкому — беклярибек, стоявший во главе армии и руководивший дипломатией, а боярам, входившим в думу при великом князе, — карачи-беи, заседавшие в ханском совете.

В своей рецензии на книгу Островского его соотечественник Чарльз Хальперин справедливо указал на уязвимость приведенной аргументации: московский дворский по своему статусу и функциям никак не соответствовал визирю в исламских государствах; полномочия тысяцкого и беклярибека не вполне ясны из имеющихся источников, поэтому получается уравнение с двумя неизвестными; наконец, боярская дума при московском князе ни по численности, ни по принципам комплектования не соответствовала совету карачи-беев, которых всегда было четверо (за этим числом скрывались космологические представления).

К этим критическим замечаниям можно добавить, что факт заимствования — при отсутствии прямых указаний источников — никак не может быть установлен дедуктивным путем, ведь история сугубо эмпирическая наука — это не математика! Между тем единственным логическим основанием приведенных выше спекуляций Островского является его убежденность в том, что во всех улусах огромной Монгольской империи управление строилось на одних и тех же принципах. Более того, историк явно модернизирует московские политические реалии XIV века, полагая, что князь того времени, словно Петр Великий через три с лишним столетия, мог сознательно вводить у себя органы управления, виденные им при дворе другого правителя.

Не более убедительны и попытки другого американского историка, Ярослава Пеленского, найти прообраз московских (так называемых земских) соборов в монголо-тюркском курултае, а прототип московского

поместья — в казанском сююргале (условном земельном владении). Созывавшиеся царями в XVI–XVII веках соборы, в которых наряду с церковными иерархами и думными чинами участвовали представители дворянства и городской верхушки, не имели ничего общего с курултаями — съездами родовой знати у кочевых народов. А поместная система, получившая развитие в Московском государстве с конца XV века, после присоединения Великого Новгорода с его обширными владениями, генетически никак не была связана с земельными порядками в Казанском ханстве, покоренном Иваном Грозным в 1552 году. Таким образом, внешнее подобие и поверхностные аналогии не могут служить надежным ориентиром в поиске источника институциональных заимствований.

Если суммировать все, что сегодня известно по упомянутой выше проблеме, то нужно признать, что московские князья (а впоследствии цари) не копировали монгольские порядки и никогда не претендовали на наследие Золотой Орды. Припомним обращенные к Ивану III гневные слова архиепископа Вассиана Рыло, призывавшего великого князя не повиноваться богомерзкому и самозваному царю — хану Ахмату: мог ли православный государь подражать обычаям сарайских правителей, от власти которых он с таким трудом освободился?

О притязаниях главы Московского государства можно судить по генеалогической легенде, так называемому «Сказанию о князьях владимирских» (датируемому обычно первой четвертью XVI века), в котором род

Рюриковичей, а значит, и московских великих князей, возводился к самому римскому императору Августу! Тем самым заявлялись претензии московских государей на достойное место среди европейских монархов. Кроме того, великие князья, начиная с Ивана III, претендовали на все русские земли, некогда находившиеся под властью их предков — киевских князей. Но наследниками Чингисхана или Золотой Орды они, вопреки мнению прежних и нынешних евразийцев, никогда себя не ощущали.

Остается, однако, еще одна теоретическая возможность: когда-то введенные на Руси степными завоевателями порядки могли сохраняться еще какое-то время и после обретения Москвой государственного суверенитета. Действительно, два с лишним века монгольского владычества не могли пройти бесследно; эти следы до сих пор заметны в языке: такие слова, как «деньга», «тамга» (печать, а также торговая пошлина — отсюда наше слово «таможня»), «казна» имеют тюркские корни и указывают на финансовую сферу, в которой контакты Руси с Ордой были весьма интенсивны. Как известно, покоренные в середине XIII века русские земли были обложены данью, которая взималась монголами на основе проведенных ими в ряде городов поголовных переписей. В начале XIV века сбор дани был передан русским князьям, которые доставляли ее в Орду. Тогда же началась адаптация монгольской системы налогообложения к местным условиям. По-видимому, каждый князь самостоятельно проводил перепись в своих владениях с целью сбора

ордынского «выхода» (дани); переписи не охватывали всего населения: духовенство вместе с работавшими на их землях людьми было освобождено от податей. Таким образом, централизованного и систематического налогового учета не велось. По наблюдениям исследователей, важные перемены в этой системе наметились около середины XV века: во-первых, наряду с поголовным описанием появилось поземельное, его единицей стала соха; во-вторых, с 1460-х годов упоминаются писцовые книги некоторых уездов. Постепенно система налогообложения трансформировалась настолько, что к концу XV века она уже ничем не напоминала монгольскую: ее основу составили регулярные и проводившиеся по единым принципам описания, охватившие в 1490–1500-х годах всю страну. Результаты описаний тщательно фиксировались в писцовых книгах по каждому уезду, хранившихся у великокняжеских дьяков в Москве. Налогообложение окончательно стало поземельным.

Еще одна сфера, в которой длительное влияние монголов совершенно неоспоримо, — это военное дело; не случайно многие предметы снаряжения русских воинов еще и в XVI–XVII веках носили монгольские или тюркские названия: «колчан», «саадак» (футляр для лука), «тегилай» (стеганный доспех из толстого сукна), «бахтерец» (кольчато-пластинчатый доспех) и т. д. Сходной была и тактика, так что иностранные наблюдатели в XVI веке не видели разницы между московской конницей и татарской. По мнению американских историков Г. В. Вернадского и Ч. Хальперина,

обычное деление московского войска на пять полков (большой, передовой, правой и левой руки, сторожевой) также было заимствовано у монголов. Однако широкое внедрение с начала XVI века артиллерии, приглашение пушкарей и инженеров-фортификаторов из Западной Европы, а затем учреждение стрелецкого войска в 1550-х годах постепенно изменили облик русской армии. Поэтому можно сказать, что в военном деле, как и ранее в налогообложении, первоначальные монгольские образцы подверглись в Московском государстве значительной трансформации.

«По наследству» от монголов московским великим князьям досталась почтовая служба — ямская гоньба; она была встроена в централизованную систему нового государства: ямская повинность, т. е. обязанность поставлять подводы на ямские дворы, была возложена на крестьян.

Наконец, за несколько столетий вынужденного общения с татарскими ханами и мурзами русские князья и бояре научились всем тонкостям степной дипломатии, и этот опыт был использован московскими правителями при выстраивании отношений с Крымом, Казанью, ногайцами и другими политическими образованиями, возникшими после распада Золотой Орды.

Если монгольское влияние постепенно затухало по мере развития Московского государства, то византийское, наоборот, возрастало. И в этом нельзя не увидеть парадокс: до завоевания Византии турками в 1453 году связи с нею осуществлялись главным образом по церковной линии (митрополия киевская и вся Русь была

одной из многих епархий Константинопольского патриархата), а уже после того, как держава ромеев перестала существовать, ее имперский опыт оказался востребован в Москве.

Языковые заимствования указывают на раннее византийское влияние в сфере письменности и делопроизводства. Например, греческое слово «грамота» стало на Руси родовым обозначением для официальных посланий и документов: в Московском государстве различались грамоты жалованные и указные, правые и бессудные, кормленые и т. д. Вероятно, проводником этого влияния первоначально выступало духовенство: показательно, в частности, что для обозначения писца, а затем (со второй половины XV века) канцелярского служителя более высокого ранга использовалось слово «дьяк», т. е., по сути, чуть измененная форма греческого «*διάκονος*» («служитель»), обозначавшего младший церковный сан (дьякон).

Надо признать, впрочем, что мы плохо представляем себе начальный этап развития делопроизводства в Московской Руси. Некоторые исследователи полагают, что форма свитка, или столбца, в которой хранились пространные документы в московских приказах (каждый следующий лист подклеивался к нижнему краю предыдущего, и потом все они сворачивались в рулон), имела центральноазиатское происхождение. Однако многое здесь остается неясным. Можно заметить, например, что в рулонах (свитках) хранились документы и в некоторых других средневековых канцеляриях, в частности в канцелярии английских королей, хотя

монгольские завоеватели, как известно, так и не добрались до Британских островов.

Вторая волна византийского влияния в Московской Руси пришлась на конец XV и XVI век, когда сама Византия давно уже была поглощена Османской империей. На этот раз заимствования были «точечными» и целенаправленными; они призваны были повысить престиж православного государя всея Руси и в первую очередь коснулись придворных церемоний.

В 1498 году по воле Ивана III состоялась коронация его внука — князя Дмитрия Ивановича; сохранившееся описание этого обряда (так называемый «чин венчания») обнаруживает несомненное византийское влияние. Исследовавший этот вопрос еще в 1901 году В. И. Савва пришел к выводу, что при разработке сценария коронации Дмитрия-внука был использован чин венчания не самого византийского императора, а так называемая «кесарева хиротония» (рукоположение): титул кесаря в Византии часто давался наследникам и вообще родственникам императора.

Чин венчания Дмитрия-внука был положен в основу коронации Ивана IV, ставшего в январе 1547 года первым русским царем, но и после этого обряд венчания на царство продолжал дополняться и усложняться. Посильную помощь в этой работе оказали греческие церковные иерархи, приславшие в Москву в 1561 году книгу с описанием коронаций византийских императоров. Венчание на царство Федора Ивановича (сына Ивана Грозного) в мае 1584 года затмило своей пышностью все предыдущие подобные церемонии; в тот

раз впервые коронация русского государя сопровождалась миропомазанием, причем, в отличие от соответствующего византийского обряда, оно совершалось после венчания (т. е. возложения царского венца), а не предшествовало ему.

Еще одним новшеством, пришедшим в кремлевские палаты из Византии, стали смотрины царских невест. Впервые эта церемония была проведена в 1505 году, и тогда великий князь Василий III выбрал себе в жены Соломонию Сабурову. По свидетельству австрийского дипломата Сигизмунда Герберштейна, побывавшего в Москве через десять лет после этого события, совет провести смотрины подал государю Юрий Траханиот (греки Траханиоты прибыли в свите царевны Софьи Палеолог, вышедшей в 1472 году замуж за Ивана III): он надеялся стать тестем великого князя, выдав за него свою родственницу, но просчитался. Интересно, что в самой Византии обычай выбора императором невесты из нескольких претенденток существовал в VIII веке и впоследствии был прочно забыт; сведения о нем сохранились в средневековых хрониках. Таким образом, в Москве возродили не просто чужеземный, а давно умерший обычай, о котором можно было судить только по книгам. Тем не менее совет лукавого грека пришелся ко двору, и смотрины невест проводились в Кремле до самого конца XVII века.

Итак, на вопрос, вынесенный в название этой главы, следует ответить отрицательно: Московское государство не было подобием ни Золотой Орды, ни Византии; московские великие князья и цари не претендовали

на наследие хана Батгя или императора Константина, хотя во время придворных церемоний русский государь и пытался подражать византийским басилевсам. При этом в процессе формирования российской государственности адаптировались некоторые институты, оставшиеся от монгольского владычества, и заимствовались или даже воссоздавались кое-какие византийские традиции.

Но не стоит забывать и о влиянии соседнего Великого княжества Литовского. Этим влиянием, по наблюдениям венгерского слависта Андраша Золтана, объясняется обилие полонизмов в языке московской дипломатической службы XV–XVI веков. Литовское влияние некоторые исследователи усматривают также в названии первого свода законов — Судебника 1497 года. Наконец, твердо установленным фактом является использование Третьего Литовского статута (1588) при составлении Соборного уложения 1649 года.

Если вспомнить еще об итальянских архитекторах, построивших Московский Кремль, и о европейских мастерах разных специальностей, населявших возникшую в XVI веке в русской столице Немецкую слободу, то становится ясно, что иноземных влияний в Московском государстве было много, но ни одно из них не определяло в целом его развития. Как и в других государствах раннего Нового времени, внешние заимствования накладывались на местную основу, образуя причудливую амальгаму.

ГЛАВА 5. МОСКОВИЯ В 1517 И 1526 ГОДАХ ГЛАЗАМИ АВСТРИЙСКОГО ДИПЛОМАТА

Ивану III наследовал его старший сын от второго брака (с Софьей Палеолог) — Василий III (1505–1533). Во внешней и внутренней политике он продолжил курс, выработанный отцом. В ходе очередной войны с Великим княжеством Литовским ему удалось взять Смоленск (1514). Внутри страны Василий III покончил с автономией Пскова (1510) и некогда «великого» Рязанского княжества (1521).

Растущее могущество Московского государства привлекало к нему внимание европейских правителей и ученых. Первые контакты со Священной Римской империей возникли еще при Иване III. При его сыне и наследнике они заметно активизировались. Император Максимилиан в 1514 году даже заключил союз с Василием III, направленный против общего врага — Польши. Этот союз, правда, остался только на бумаге, и уже год спустя Максимилиан примирился со своим противником — польским королем Сигизмундом Старым, однако интенсивный обмен посольствами между императором и великим князем московским продолжался еще в течение ряда лет.

Тем временем европейские географы были озабочены определением места нового обширного государства на карте и сопоставляли информацию о расположении Московии с известиями античных авторов, а богословы интересовались религией и нравами московитов. В 1520-х годах появилось сразу несколько сочинений, посвященных далекой стране на востоке Европы: трактат Альберта Кампенского «О Московии», преподнесенный папе Клименту VII; брошюра Иоганна Фабри, советника австрийского эрцгерцога Фердинанда, «Религия московитов, [обитающих] у Ледовитого моря» и небольшая книга Павла Йовия (Паоло Джовио) «О посольстве Василия, великого князя Московского, к папе Клименту VII». Но все эти труды, авторы которых никогда не бывали в России и могли опираться в лучшем случае на рассказы приезжавших оттуда послов, оказались в тени замечательных путевых заметок австрийского дипломата Сигизмунда фон Герберштейна, дважды (в 1517 и 1526 годах) побывавшего при дворе Василия III. Его «Записки о московитских делах» (*Rerum moscoviticarum commentarii*), вышедшие первым изданием в Вене в 1549 году, стали самой цитируемой книгой о России в XVI веке и во многом определили представления европейцев об этой ранее почти не известной им стране.

Барон Сигизмунд фон Герберштейн (баронский титул он получил от императора за заслуги в 1532 году) родился в 1486 году в австрийской провинции Крайна (ныне Словения). С детства помимо немецкого и латыни

он владел словенским языком, и это помогло ему впоследствии освоить другие славянские языки, включая русский. В юности Сигизмунд изучал философию и право в Венском университете и был удостоен степени бакалавра искусств, но в 20-летнем возрасте ему пришлось отказаться от научной карьеры и поступить на военную службу, ибо надо было думать о материальном обеспечении семьи, оставшейся на его попечении. На ратном поприще Герберштейну удалось обратить на себя внимание кайзера Максимилиана, который посвятил его в рыцари в 1508 году, а с 1515 года способный молодой человек выполнял дипломатические поручения императора.

В конце 1516 года Максимилиан отправил Герберштейна в Польшу и Московию с посреднической миссией: имперский посол должен был помирить польского короля и великого князя литовского Сигизмунда I с великим князем московским Василием III, однако стороны выдвигали взаимонеприемлемые условия, и, несмотря на многомесячные усилия посредника, достичь мира не удалось. Спустя десять лет Герберштейн вновь посетил Московию. Теперь он представлял интересы австрийского эрцгерцога Фердинанда. Перед ним и перед его спутником, послом императора Карла V графом Леонардом Нугаролой, стояла задача добиться продления перемирия между Сигизмундом I и Василием III, и на этот раз миссия габсбургских дипломатов завершилась успехом: в ноябре 1526 года было подписано русско-литовское перемирие сроком на шесть лет.

В общей сложности за два своих визита (1517 и 1526 годы) Герберштейн провел в России более полутора лет, и он использовал это время не только для дипломатических переговоров, но и для тщательного сбора разнообразной информации о стране пребывания. Впоследствии в посвящении эрцгерцогу Фердинанду, которым открывалась его книга о путешествии в Россию, Герберштейн отмечал, что в описании «московитских дел» он полагался «преимущественно на два обстоятельства: кропотливость своих разысканий и свое знание славянского языка»: и то и другое, по признанию барона, очень помогло ему в написании этого трактата.

Говоря о кропотливости проведенных им разысканий, австрийский дипломат не лукавил: ему удалось собрать обширный материал об истории, географии, политическом строе, религии Московии, нравах и обычаях ее жителей. В своем повествовании Герберштейн неоднократно ссылается на русские летописи. Он не упускает случая процитировать старинный документ — канонические правила киевского митрополита Иоанна II (XI век), объясняя краткость своих выписок тем, что «смог достать их лишь на короткое время». Автор «Записок о московитских делах» познакомил своих читателей и с содержанием Судебника 1497 года, пересказав ряд его статей. Этот пересказ до 1819 года (даты первой публикации полного текста Судебника) оставался единственным источником сведений об изданном Иваном III своде законов.

Наряду с разнообразными документами Герберштейн в своем сочинении использовал рассказы людей, с которыми ему довелось общаться в России: по его собственному признанию, бóльшую часть сведений он почерпнул «от обитателей той земли, столь же сведущих, сколь и заслуживающих доверия». Кроме того, по словам барона, он «не довольствовался сообщениями одного или двух, а опирался на согласные сведения многих». Имена некоторых своих информаторов Герберштейн упоминает: среди них престарелый князь Семен Федорович Курбский, поведавший австрийскому послу о предпринятой им в свое время (1499) экспедиции в глубь Пермской земли, когда он достиг подножия гор (очевидно, Уральских), но за семнадцать дней подъема так и не смог добраться до вершины («столпа»).

Собранная информация позволила Герберштейну существенно уточнить научные представления о географии Восточной Европы. В частности, он окончательно определил, что Волга впадает в Каспийское море, «а не в Понт (Черное море. — *М. К.*), как кое-кто пишет». Не названный автором «Записок» по имени географ, допустивший подобную ошибку, — это польский ученый Матвей Меховский, чей «Трактат о двух Сарматиях» пользовался широкой известностью во времена Герберштейна.

Наибольший интерес для нашей темы представляет характеристика, данная австрийским дипломатом образу правления московского государя. «Властью, которую он имеет над своими подданными, — пишет

Герберштейн о Василии III, — он далеко превосходит всех монархов целого мира. Он довел до конца то, что начал его отец, именно: отнял у всех князей и прочей знати все крепости и замки. Даже своим родным братьям он не поручает крепостей, не доверяя им. Всех одинаково гнетет он жестоким рабством, так что если он прикажет кому-нибудь быть при дворе его или идти на войну или править какое-либо посольство, тот вынужден исполнять все это на свой счет».

В приведенном высказывании точные оценки соседствуют с явными преувеличениями. Несомненно, наблюдательный посол верно передал характер отношений Василия III с его братьями (в 1526 году, когда Герберштейн последний раз посетил Москву, их оставалось двое: Юрий и Андрей). Хотя оба «принца крови» сохраняли статус удельных князей (Юрий владел Дмитровом, а Андрей — Старицей) и у них были свои дворы, свой штат бояр и слуг, старший брат-государь им не доверял и держал под подозрением. Пока у Василия III не родились сыновья-наследники (в 1530 году — Иван, будущий Грозный, в 1532-м — Юрий), государевым братьям не было позволено жениться. Юрий Дмитриевский вообще так и не познал семейного счастья, а его младший брат Андрей Старицкий получил такое право только в январе 1533 года, незадолго до смерти Василия III.

Более того, московский государь установил систему слежки за своими братьями. До нас дошла челобитная одного из таких тайных осведомителей, некоего Ивана Яганова. Уже после смерти Василия III он

напоминал о своих заслугах в челобитной на имя нового великого князя — юного Ивана IV: «Наперед сего служил есми, государь, отцу твоему, великому князю Василью, что слышев о лихе и о добре, и яз государю сказывал. А которые дети боарские княж Юрьевы Ивановича приказывали к отцу твоему со мною великие, страшные, смертоносные дела, и яз, государь, те все дела государю доносил, и отец твой меня за то ялся (обещал. — М. К.) жаловати своим жалованьем». Тайный агент считал доносительство первейшей обязанностью подданного: «А в записи твоей, государь, целовальной написано: слышев о лихе и о добре, сказати тебе, государю, и твоим бояром. Ино, государь, тот ли добр, которой что слышев да не скажет?» — риторически вопрошал Яганов.

Но была ли описанная ситуация уникальной особенностью Московии того времени? Достаточно перечитать драму Шекспира «Ричард III» или мемуары советника Людовика XI Филиппа де Коммина, чтобы понять, что свои зловещие тайны существовали и при других королевских дворах Европы и что отношения королей с их родственниками и придворными были весьма далеки от идиллии. А что касается случаев несения сановниками государственной службы, будь то военные походы или посольства, за свой счет (на что, по всей видимости, приближенные Василия III жаловались Герберштейну), то это была самая обычная практика той эпохи, когда жалованье повсеместно выплачивалось нерегулярно, и бедный человек просто не мог занимать высокий государственный пост.

Поэтому в словах австрийского дипломата, утверждавшего, что своей властью над подданными Василий III превосходил «всех монархов целого мира», несомненно, есть преувеличение. Хотя за свою долгую карьеру Герберштейн принял участие в 69 посольствах, даже в Европе он посетил не все королевские дворы, не говоря уже об Азии. Интересно, изменились ли бы представления автора «Записок» о власти московского государя, если бы ему довелось побывать при дворе Генриха VIII Английского — того самого, который казнил двух своих жен, а также канцлера — знаменитого гуманиста Томаса Мора, отказавшегося принести присягу королю как главе англиканской церкви?

Среди современных Герберштейну монархов был один, с которым ему удалось познакомиться лично и который по своему могуществу уж точно не уступал московскому государю. Речь идет о турецком султানে Сулеймане Великолепном. В 1541 году, в разгар военного противостояния Габсбургов и Османов из-за обладания Венгрией, австрийский дипломат побывал в ставке Сулеймана и вел с ним переговоры. Однако этот опыт никак не повлиял на восприятие Герберштейном московских реалий: в отличие от позднейших путешественников, посещавших Россию, он ни разу не сравнивает правителя Московии с турецким султаном. Для него эта страна, несомненно, принадлежала к числу христианских государств, несмотря на особенности церковных обрядов, отличавших православных «москвитов» от католического Запада. Поэтому все сравнения Московии с другими странами,

которые прямо или косвенно проводил Герберштейн в своих «Записках», оставались в рамках христианского мира.

Для того чтобы адекватно оценить характеристики, которые австрийский дипломат дал людям и обычаям, виденным им в Московии, важно также учесть его собственное происхождение и жизненный опыт. Барон Сигизмунд фон Герберштейн был аристократом до мозга костей. Его родная Австрия, как и Священная Римская империя в целом, была сословным обществом, где права знати были надежно защищены. И поэтому барон был явно шокирован, когда увидел, в какой зависимости от своего государя находились московские князья и бояре.

Интересно, что другой советник эрцгерцога Фердинанда — Иоганн Фабри, сын кузнеца, сделавший ученую и церковную карьеру и к концу жизни ставший венским епископом, в своей книжке «Религия москвитов...» (1526), которую Герберштейн взял с собой в дорогу во время второго путешествия в Московию, напротив, полностью одобрял покорность русской знати своему государю. «Князь Московский, — писал Фабри, — имеет под своей рукой многочисленных князей провинций, весьма могущественных. <...> Замечательно и заслуживает высшей похвалы у них то, что всякий из них, как бы ни был он знатен, богат и могущественен, будучи потребован [великим] князем хотя бы через самого низкого гонца, тотчас спешит исполнить любое повеление своего императора, яко повеление Божье, даже тогда, когда это, казалось, сопряжено с риском или

опасностью для жизни. Более того, величайшим проступком и бесчестьем считается у них, если кто-то по своей воле не услужит во всем [своему] герцогу. И, напротив, весьма славна в муже покорность [государю]».

Герберштейн же называет такое поведение «московитов» «рабством». По его словам, «свою власть он (Василий III. — М. К.) применяет к духовным так же, как и к мирянам, распоряжаясь беспрепятственно по своей воле жизнью и имуществом каждого из советников, которые есть у него; ни один не является столь значительным, чтобы осмелиться разногласить с ним или дать ему отпор в каком-нибудь деле. Они прямо заявляют, что воля государя есть воля Божья и что бы ни сделал государь, он делает это по воле Божьей». Этот пассаж австрийский дипломат завершил фразой, которую позднее часто цитировали авторы последующих описаний Московии: «Трудно понять, то ли народ по своей грубости нуждается в государе-тиране, то ли от тирании государя сам народ становится таким грубым, бесчувственным и жестоким».

В этом месте «Записок», как и во многих других, ценность конкретных наблюдений Герберштейна гораздо выше тех моральных сентенций, которые он к ним присоединяет. Слова путешественника о том, что никто из советников великого князя не осмеливается перечить ему, прямо перекликаются с крамольными речами одного из придворных — Ивана Никитича Берсеня Беклемишева, поплатившегося жизнью за свои неосторожные высказывания. На следствии по его делу в феврале 1525 года (т. е. за год до второго

приезда Герберштейна в Москву) один из свидетелей припомнил такие крамольные слова Берсенья о Василии III: «Государь-де и упрям и въстречи против себя не любит, кто ему въстречю говорит, и он на того опалается (гневаётся. — *М. К.*); а отец его князь велики (Иван III. — *М. К.*) против себя стречю любил и тех жаловал, которые против его говаривали».

Таким образом, в словах Герберштейна о «народе», страдающем от «тирании» государя, можно услышать глухой ропот придворных, жаловавшихся на перемену своей участи при новом великом князе. Некоторые из них еще помнили о временах, когда их предки были независимыми правителями собственных княжеств. На страницах «Записок» упоминаются, например, представители рода князей Ярославских: Семен Федорович Курбский, Василий Данилович Пенков и особенно часто — Иван Иванович Засекин-Ярославский, который возглавлял посольство Василия III к императору Карлу V и обратный путь до Москвы проделал вместе с послами Габсбургов — графом Нугаролой и Сигизмундом Герберштейном. Вполне вероятно, что именно князь Иван Иванович или его родичи снабдили австрийского дипломата сведениями о своем наследственном достоянии — Ярославской земле, о которой в «Записках» сказано, что тамошних князей монарх покорил силой. «И хотя доселе еще остаются герцоги этой области, — продолжает Герберштейн, — которых они называют князьями (*Knesos*), титул, однако, государь присваивает себе, предоставив страну князьям как своим подданным».

И все же, хотя под «народом», как выясняется, Герберштейн понимал придворную аристократию, а Василий III на фоне таких монархов, как Генрих VIII Английский или датский король Кристиан II, устроивший «кровавую баню» в Стокгольме (1520), отнюдь не выглядел жестоким тираном, проблема пределов власти московского государя, поставленная австрийским дипломатом в его «Записках», заслуживает серьезного внимания. Эта проблема, выражаясь языком современной политологии, заключается в отсутствии институциональных ограничений монаршего произвола.

Каким бы жестоким и властолюбивым ни был тот или иной король, но во многих европейских странах он вынужден был считаться с законами, с привилегиями тех или иных провинций (как в Испании), с Парламентом (как это было в Англии) или Сеймом (как в Польше и Литве). Во Франции высший судебный орган — Парижский парламент — обладал правом ремонстрации, т. е. протеста против незаконных (по мнению судей) действий короля: Парламент мог отказаться зарегистрировать подобный акт, и тогда, чтобы преодолеть вето, королю необходимо было лично явиться на заседание высшей судебной палаты (такая процедура называлась «ложем правосудия» — *le lit de justice*).

Но и там, где, как в Дании и Швеции, сильные парламентские учреждения в описываемое время еще не сложились, королевский произвол наталкивался на сопротивление высших сословий. Например, упомянутый выше Кристиан II потерял власть сначала над

Швецией, а потом и над родной Данией (1523) именно вследствие восстаний знати.

В России власть великих князей (а с 1547 года — царей) не была ограничена ни законом, ни каким-либо учреждением. Не грозила монарху и серьезная оппозиция со стороны аристократии, состав которой после перехода на русскую службу ряда литовских и татарских знатных семейств стал очень пестрым. В первой трети XVI века возникло местничество, т. е. соперничество отпрысков первостепенных родов за место при дворе и в армии. Арбитром в местнических спорах выступал сам государь, что еще больше возвышало его над придворной аристократией.

Единственным ограничителем государевой воли выступали нормы христианского благочестия и позиция главы Русской церкви — митрополита московского и всея Руси, пользовавшегося старинным правом «печалования» за опальных. Но, как показали впоследствии годы опричного террора в царствование Ивана Грозного, моральных и религиозных ограничений было недостаточно, чтобы удержать монархию от скатывания к безудержному произволу, деспотизму и насилию.

ГЛАВА 6. БЮРОКРАТИЗАЦИЯ УПРАВЛЕНИЯ. ФОРМИРОВАНИЕ ПРИКАЗОВ

Родовой чертой государств Нового времени исследователи считают постепенную деперсонализацию власти и формирование постоянных и безличных структур управления. Между тем Герберштейн, казалось бы, поведавший обо всех сторонах жизни Московии первой четверти XVI века, ни словом не упомянул о каких-либо бюрократических учреждениях. Конечно, можно попытаться объяснить этот факт тем, что все передвижения габсбургского дипломата по российской столице находились под строгим контролем и у него просто не было возможности заглянуть в ту или иную канцелярию. Но ведь и многое другое, о чем говорится в «Записках о московитских делах», автор не мог видеть сам: об этом ему рассказывали многочисленные собеседники. Следовательно, придворные Василия III, с которыми общался Герберштейн, по всей вероятности, не считали достойными упоминания какие-то избы, где корпели над бумагами дьяки и подьячие.

Однако уже к середине XVI века роль подобных учреждений в жизни страны возросла настолько, что далее их уже невозможно было не замечать. Немецкий авантюрист Генрих Штаден, служивший во второй половине 1560-х годов в опричнине Ивана Грозного, подробно описал более десятка центральных органов управления, которые он называл привычным для себя словом «канцелярии» (*Canzeleyenn*). Под этим названием у него фигурируют и учреждения старого, вотчинного типа, вроде Большого дворца (Штаден именует его «Дворцовой канцелярией»: *Hoffcanzeley*), и недавно созданные ведомства, организованные по функциональному принципу, например Посольский приказ (*gesantenn Canzeley*) или Поместный приказ (*landt Canzeley*, буквально: «канцелярия по земельным делам»).

Штаден застал московскую приказную систему уже в относительно развитом виде, но ее истоки восходят к эпохе Ивана III. Прообразом государственных структур в Московии, подобно другим европейским странам, стали службы, управлявшие княжеским хозяйством.

С 60-х годов XV века известна должность дворецкого, который ведал великокняжескими землями, а также проживавшими на этих землях группами служилых людей, обеспечивавших потребности великокняжеского двора. К ним относились бобровники, бортники, рыболовы, сокольники, конюхи и т. д. Постепенно функции дворецкого расширились, и, помимо хозяйственных забот, в его компетенцию стали входить суд по земельным делам, выдача жалованных грамот

и иные административные дела. К началу XVI века Дворец (или, как его стали впоследствии называть, Большой дворец) представлял собой особое учреждение, со своим штатом дьяков и подьячих, и помещался в отдельном здании (в 1501 году впервые упоминается Дворцовая изба).

По мере роста государственной территории расширялось и дворцовое ведомство: в дополнение к Большому дворцу стали появляться областные. Первым из них возник Новгородский дворец, он располагался в покоренном Великом Новгороде. В 1504 году впервые упоминается тверской дворецкий. В 1530-х годах областных дворцов стало пять. К Новгородскому и Тверскому добавились еще Рязанский (для управления поглощенным в 1521 году одноименным княжеством), Дмитровский (после ликвидации существовавшего там удела) и Угличский. В середине XVI века существовал еще и Нижегородский дворец — ему была подчинена Казанская земля после покорения ханства войсками Ивана IV (1552).

Все областные дворцы, за исключением Новгородского, находились в Москве. Это сделало возможным, например, подчинение рязанскому дворецкому не только Рязани, но и Вологды, а тверскому — не только Твери, но и Ростова, Волоколамска, Клина и ряда других территорий. Но самый обширный круг земель контролировал «большой» дворецкий, т. е. глава Большого дворца. В его юрисдикцию входили Белозерский, Владимирский, Каширский, Коломенский, Московский, Нижегородский, Переславский,

Серпуховской, Суздальский, Тульский и Ярославский уезды.

Так дворцовое ведомство, по форме и названию сохраняя связь с вотчинным хозяйством, к середине XVI века, по сути, приобрело уже общегосударственные функции, став первой моделью управления разнородными территориями, вошедшими к тому времени в состав Московского царства.

С начала 1490-х годов от Дворца обособилась государственная Казна, соединявшая функции великокняжеской сокровищницы и канцелярии. Казначей и казенные дьяки играли все возрастающую роль в управлении страной в конце XV — первой половине XVI века.

В недрах дворцово-вотчинного аппарата зародился ряд важных функций, которые лишь значительно позднее, во второй половине XVI века, были выделены в особые ведомства, получившие название «приказов». Это относится, в частности, к дипломатической службе (приему и отправке посольств) и организации регулярной воинской службы — росписи воевод по полкам. Соответствующая документация известна с 70-х годов XV века, между тем как Посольская изба (впоследствии Посольский приказ) впервые упоминается только в 1562 году, а военное ведомство (Разрядная изба) — в 1566-м.

До того как в организации центральных ведомств восторжествовал принцип специализации, канцелярским служащим приходилось быть «специалистами широкого профиля». Так, обычной практикой первой половины XVI века было выполнение казенными

дьяками множества функций: от сбора в великокняжескую казну оброка, ямских денег и иных платежей и выдачи кормленных грамот* — до участия в переговорах с иностранными послами. В дипломатических приемах участвовали и дворцовые дьяки, которые, кроме того, выдавали жалованные грамоты монастырям и иным привилегированным землевладельцам, а также осуществляли функции будущих разрядных дьяков, т. е. учет и контроль полковой службы государевых воевод.

В 50–60-е годы XVI века произошла существенная трансформация центрального государственного аппарата: почти все областные дворцы прекратили свое существование, и одновременно одно за другим стали возникать учреждения, ведавшие определенной отраслью управления. К 1550 году относится первое упоминание Ямской избы, в которой было сосредоточено управление почтовой службой Московского государства; к 1552 — Разбойной избы (прообраз будущего уголовного розыска); к 1554/55 — Поместной; к 1562 — Посольской. К концу правления Ивана Грозного относится возникновение Стрелецкой избы (1571), Пушкарского приказа (1577) и Судной избы (1581).

Термин «приказ» в качестве родового обозначения всех подобных учреждений окончательно утвердился в следующем столетии. В XVI веке в этом значении чаще использовались слова «изба» или «палата».

* Кормленные грамоты выдавались служилым людям, имевшим право на кормление, т. е. получение дохода с определенной территории в течение ограниченного времени (обычно года или двух).

«Приказ» в смысле поручения упоминается уже в Судебнике 1497 года. Установив обязанность должностного лица («боярина») давать управу всем жалобщикам, которые к нему придут, закон далее оговаривает: «А которого жалобника непригоже управити, и то сказати великому князю, или к тому его послати, которому которые люди приказаны ведати» (ст. 2).

Коллизия, обозначенная в процитированной статье, на современном нам юридическом языке называется проблемой подсудности. В Московском государстве конца XV—XVI века, как и в большинстве средневековых обществ, любая административная власть включала в себя и право суда. Бояре, дворецкие, казначеи — все могли вершить суд, но им подчинялись (в зависимости от государева «приказа» — поручения) разные категории населения. Так на заре существования Российского государства возникла проблема, свойственная всем бюрократическим системам, — проблема разграничения полномочий.

Идея делегирования власти, т. е. «приказа» (поручения) на языке того времени, получила дальнейшее развитие в царском Судебнике 1550 года. Уже первая статья нового кодекса гласила: «Суд царя и великаго князя судити боаром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком». Таким образом, осуществление царского правосудия поручалось должностным лицам высокого ранга.

Существенной переработке подверглась норма прежнего закона об обязанности должностного лица дать каждому жалобщику «управу», т. е. обеспечить

справедливое разбирательство. В статье седьмой Судебника 1550 года уточнялось, что боярин или иной сановник должен давать «жалобником своего приказу всем управа, который будет жалобник бьет челом по делу; а которому будет жалобнику без государева ведома управы учинити не мочно, ино челомбитье его сказати царю государю».

Помимо указания на то, что обязанность вершить правосудие ограничивалась рамками юрисдикции данного должностного лица (челобитчики «своего приказу»), обращает на себя внимание стремление вывести особу царя за пределы стандартного судебного или административного процесса: челобитье следовало довести до сведения государя лишь в том случае, если обычным путем решить дело было «не мочно». Эта мысль еще рельефнее выражена в окончании той же статьи Судебника: «А которой жалобник бьет челом не по делу и бояре ему откажут, и тот жалобник учнет бити челом, *докучати государю* (выделено мной. — М. К.), и того жалобника вкинути в тюрьму».

Итак, царю не следовало «докучать» понапрасну: судебно-административный аппарат должен был работать в автономном режиме. Таков, как мы уже знаем, был базовый принцип всех раннемодерных государств. Парадокс, однако, состоял в том, что в России XVI века, как и в других монархиях того времени, *любые* законные действия предпринимались от имени государя. Это относилось не только к таким вопросам государственной важности, как объявление войны или заключение мира, которые действительно

требовали санкции монарха (см. следующую главу), но и к канцелярской рутине: выдаче грамот на те или иные льготы и привилегии, текущим распоряжениям и т. д. Поэтому, когда мы читаем официальный документ, начинающийся словами: «Се аз царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руси», мы не можем быть уверенными в том, что государь действительно распорядился выдать эту грамоту, — зачастую это лишь фикция, соблюдение установленного формуляра.

В отличие от монархов Западной и Центральной Европы, московские великие князья и цари никогда не скрепляли даже самых важных документов своими подписями. Подлинность грамоты удостоверялась печатью: к жалованным грамотам прикладывалась или привешивалась красновосковая печать, а к указным — более скромная печать на черном воске. На обороте жалованной грамоты дьяк выводил титул и имя государя. Таким образом, с технической точки зрения участие монарха в выдаче официальных документов вовсе не требовалось. Грамоты продолжали издаваться и во время несовершеннолетия, болезни или длительного отсутствия в столице государя, от имени которого они были составлены.

Более того, в ряде случаев мы точно знаем, кто на самом деле распорядился выдать тот или иной документ. С начала великого княжения Василия III на обороте многих грамот встречаются надписи типа: «Приказал Дмитрий Володимирович» (имеется в виду казначей Д. В. Овца) или «Приказал дворецкой

Василей Андреевич» (Челяднин). Эта практика получила широкое распространение в период малолетства Ивана IV, когда грамоты от имени юного государя издавали казначей И. И. Третьяков, боярин князь И. В. Шуйский, дворецкий князь И. И. Кубенский и другие сановники, но она не прекратилась и после достижения великим князем совершеннолетия и венчания его на царство.

Едва появившись на свет, приказная бюрократия быстро вызвала к себе негативное отношение по причине своей алчности и мздоимства. Знаменитое выражение «московская волокита» встречается в источниках уже в 40-е годы XVI века. Но провинция в этом плане не отставала от столицы: после смерти в 1528 году псковского великокняжеского дьяка Мисюря Мунехина в его бумагах были найдены «книги вкратце написаны, кому что дал на Москве бояром или дьяком или детем боярским». Имущество дьяка-взяточника было конфисковано, но и при его преемниках псковичам не стало легче: по словам местного летописца, «быша по Мисюри дьяки частые, милосердый Бог милостив до своего создания, и быша дьяки мудры, а земля пуста».

Судебник 1550 года запрещал просить и брать «посулы», т. е. взятки. Но запреты мало помогали. Генрих Штаден, живший в Москве во второй половине 60-х — начале 70-х годов XVI века, нарисовал впечатляющую картину приказных нравов. Вот как он описал Челобитный приказ: «В канцелярии, где зачитывали все прошения, удостоенные милости великого князя

и подписанные им*, только тот получал свою подписанную челобитную, у кого были деньги. А у кого не было денег, кто был посадским человеком или простолюдином, тот не мог получить решения, пока не заплатит. Только тогда их прошения подписывались и прочитывались: „Рука руку моет“» (последнее выражение Штаден привел по-русски, сопроводив эту поговорку немецким переводом).

Пороки, которые Штаден обнаружил в кремлевских канцеляриях, были хорошо известны и на его родине, в Германии. Но дьяки и подьячие, составлявшие штат московских приказов, по происхождению и образованию во многом отличались от своих собратьев в странах Западной и Центральной Европы.

Чиновники, находившиеся на службе у королей и других владетельных особ в XV–XVI веках, как правило, были юристами, зачастую с университетскими степенями. Среди них преобладали выходцы из городского сословия (бюргеры), но было немало и клириков, т. е. лиц духовного звания (широко распространенное ныне английское слово «клерк», которым обозначают офисных служащих, восходит к латинскому *clericus*, т. е. «клирик», церковнослужитель). В России до конца XVII столетия не было университетов или академий, поэтому приказные дельцы, выучившись дома грамоте у какого-нибудь дьячка из ближайшей церкви, постигали премудрости

* Государь, разумеется, не подписывал сам никаких челобитных, он только их выслушивал, а дьяк делал на них пометы (что-то вроде резолюции) в соответствии с царскими указаниями.

канцелярской работы прямо в приказах под руководством старших товарищей.

Этимология слова «дьяк» (от греч. *διάκονος*, «служитель») также указывает на церковное происхождение этой должности (подобно английскому «клерк»), но первые известные нам по именам дьяки московских князей XIV века были людьми несвободными (холопами), а следовательно, не имели связи с церковной средой (духовенству было запрещено иметь рабов). Дальнейшая судьба дьячества в Московской Руси — это яркий пример восходящей мобильности, проявлявшейся и в увеличении численности этой группы канцелярских служащих, и в повышении их статуса.

Дьяки середины и второй половины XV века — люди не только свободные, но и влиятельные. Среди них выделяются такие опытные администраторы и дипломаты, как Василий Мамырев, Василий Долматов, Федор Курицын, выполнявшие ответственные поручения Ивана III.

Та же тенденция получила продолжение и в XVI столетии. Дьяки Афанасий Курицын, Григорий Меньшой Путятин, Федор Мишуринов пользовались полным доверием Василия III и сохранили влияние после смерти великого князя при дворе его малолетнего наследника Ивана IV. Ф. Мишуринов вошел было в такую силу, что пытался даже влиять на пожалование думных чинов (бояр и окольничих). Это стоило ему жизни: в результате дворцового переворота в октябре 1538 года чересчур амбициозный дьяк был убит. Но личная катастрофа одного из приказных дельцов не остановила

дальнейшего возвышения этой группы в целом. Свидетельством возросшего значения придворной бюрократии стало возникновение в конце правления Ивана Грозного чина думного дьяка, входившего, наряду с боярами и окольничими, в состав государева совета — Думы. Этот чин, в частности, носили братья Андрей и Василий Щелкаловы, один за другим возглавлявшие Посольский приказ в конце XVI века.

В численном отношении нарождающаяся московская бюрократия была относительно невелика, намного уступая чиновничеству Западной Европы. За более чем сорокалетнее правление Ивана III (1462–1505) нам известны по именам 65 дьяков и 57 подьячих. Эти данные, безусловно, неполны, но они, по крайней мере, дают представление о порядке чисел. За 28 лет великого княжения Василия III (1505–1533) в источниках упомянут 121 человек с чином дьяка или подьячего. За следующие 15 лет, пришедшихся на время малолетства Ивана IV, таких известно уже 157.

Таким образом, рост налицо, даже если принять во внимание неполноту имеющихся данных. Но в абсолютных цифрах картина выглядит не слишком впечатляющей, особенно если оценивать численность правительственного аппарата не за длительные периоды, а одномоментно. Так, например, в составленном в конце января 1547 года списке дьяков Ивана IV перечислено всего 33 человека. По значительно более полным данным 1588/89 года (при царе Федоре Ивановиче) дьяков в столице и других городах страны насчитывалось не менее 70.

Сложнее оценить численность рядовых работников приказов — подъячих. Если верить Г. Штадену, утверждавшему, что в каждой канцелярии трудилось от 20 до 50 подъячих, то можно предположить, что штаты столичных приказов при Иване Грозном насчитывали в общей сложности порядка 500 человек.

Эти цифры, однако, не идут ни в какое сравнение с той армией чиновников, которой располагала самая бюрократизированная монархия того времени — Французское королевство. Например, при вступлении на престол Франциска I (1515) на гражданской службе состояло 4 тыс. человек, а в 1573 году это число достигло 20 тыс. И даже если учитывать только королевских секретарей, по рангу примерно сопоставимых с московскими дьяками, то и в этом случае контраст будет разительным: в одной только королевской Большой канцелярии (*la Grande Chancellerie*) в 1589 году насчитывалось 200 секретарей, т. е. в три раза больше, чем дьяков во всем Московском государстве! А ведь помимо Большой канцелярии в Париже (не говоря уже обо всей Франции!) имелись и другие учреждения (в частности, Парижский парламент) со своим штатом чиновников...

Но все относительно: Французская монархия, активно практиковавшая продажу государственных должностей, не может считаться универсальным мерилom европейской бюрократизации. Англия на этом фоне выглядела гораздо скромнее: при Елизавете Тюдор (1558–1603) во всем королевстве насчитывалось не более 1 тыс. чиновников, получавших жалованье из казны. Из них лишь несколько сот находилось за пределами

столицы. При всех различиях, которые разделяли Англию и Россию конца XVI века, *в этом отношении* две монархии оказываются близки. И это сходство не столь поверхностно, как может показаться на первый взгляд, поскольку слабое развитие бюрократии в обеих странах компенсировалось активным вовлечением местного населения (особенно дворянства) в управление государством. Но об этом речь впереди.

ГЛАВА 7.

ЦАРСТВО ИВАНА ГРОЗНОГО

Иван IV, прозванный потомками Грозным, провел на престоле почти всю свою жизнь, более 50 лет (1533–1584). Его долгое царствование вместило в себя множество войн (включая завоевание Казани и Астрахани, отражение крымских набегов и борьбу с Польшей и Швецией за прибалтийские земли), административные преобразования и кровавый опричный террор. Биографии первого русского царя и событиям его царствования посвящено немало книг и статей. В этой главе я коснусь лишь некоторых эпизодов той бурной эпохи, а именно тех из них, в которых отразился интересующий нас процесс — становление государства раннего Нового времени.

ТРУДНОЕ ДЕТСТВО, ИЛИ ПРЕРОГАТИВЫ МОНАРХА В МОСКОВСКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Иван Васильевич стал великим князем в трехлетнем возрасте, когда в декабре 1533 года внезапно умер его отец Василий III. Умиравший государь поручил сына-наследника опеке трех доверенных лиц. Одним из первых шагов опекунов стал арест брата покойного

правителя — удельного князя Юрия Дмитровского (неясно, действительно ли Юрий помышлял о великокняжеском престоле или его арест носил превентивный характер). Летом 1534 года в результате новой вспышки борьбы при московском дворе назначенные Василием III «триумвиры» были отстранены от власти, а бразды правления перешли к вдове покойного государя Елене Глинской, которая стала титуловать себя «государыней», т. е. соправительницей своего сына Ивана.

Однако последний оставшийся в живых брат Василия III — князь Андрей Старицкий, — признавая на словах невестку своей государыней, не доверял ей и, опасаясь повторить судьбу брата Юрия, уклонялся от приезда в Москву по вызову правительницы. Конфликт привел к попытке мятежа удельного князя, его аресту и скорой гибели в темнице (1537). Но правительница не надолго пережила свою жертву — в апреле 1538 года она умерла (существует версия о ее отравлении), оставив двух малолетних сыновей, Ивана и Юрия, круглыми сиротами.

Смерть великой княгини Елены привела к новой вспышке насилия в придворной среде. Яростная междоусобная борьба, сопровождавшаяся дворцовыми переворотами, бессудными расправами с соперниками и гибелью полутора десятков самых знатных лиц, продолжалась еще почти десять лет, и лишь в 1548–1549 годах стали заметны признаки стабилизации.

Острый политический кризис, который страна пережила в 30–40-х годах XVI века, высветил ряд институ-

циональных слабостей молодого Русского государства. Малолетство государя в любой монархии того времени таило в себе опасность внутренних неурядиц, однако в королевствах Западной и Центральной Европы на этот случай были выработаны некоторые защитные механизмы, прежде всего институт регентства.

С начала XIV века в Кастилии и Франции стали выдаваться официальные акты от имени регентов этих королевств. С середины того же столетия в некоторых европейских странах стали предприниматься попытки законодательно определить порядок управления на время несовершеннолетия монарха. Так, на землях Священной Римской империи, согласно «Золотой булле» Карла IV (1356), действовал принцип, по которому, в случае перехода престола к несовершеннолетнему сыну курфюрста, старший брат покойного назначался «опекуном и правителем». Возрастом совершеннолетия там считалось завершение 18-го года жизни. Во Французском королевстве, согласно ордонансам 1374 и 1393 годов, юный монарх считался совершеннолетним по достижении им полных 13 лет. При этом проводилось различие между управлением королевством и опекой над наследником престола — эти функции поручались разным лицам.

Впоследствии эдиктами 1403 и 1407 годов норма, устанавливавшая возраст наступления совершеннолетия короля, была отменена — отныне французский король считался совершеннолетним независимо от возраста. Но, несмотря на эту юридическую фикцию, институт регентства во Франции продолжал

существовать. В XVI веке он считался необходимым средством поддержания общественного порядка во время малолетства царствующего монарха.

В России той же эпохи не существовало ни понятия регентства, ни каких-либо правовых норм, регламентировавших полномочия временного правителя страны. Юный Иван IV оставался единственным носителем государственного суверенитета: все официальные акты издавались только от его имени. Вдовствующая великая княгиня Елена в них не упоминалась. Ребенок, не достигший еще четырехлетнего возраста, вынужден был присутствовать на утомительных посольских приемах. Посольская книга бесстрастно описывает, например, аудиенцию, которую великий князь дал 2 июля 1534 года крымскому гонцу Будалью-мурзе, прибывшему поздравить московского государя со вступлением на престол от имени своего господина — царевича Ислам-Гирея. Мурза «здоровал (поздравлял. — М. К.) великого князя на государстве и подавал великому князю грамоту, и князь великий его звал карашеваться* <...> а подавал ему мед и пожаловал — дал ему платно**». Пять лет спустя юный государь, которому шел всего лишь девятый год, не только приветствовал послов, но и произносил в их присутствии пространные речи, поднимал заздравную чашу на пиру и скреплял крестоцелованием договор с крымским

* «Карашеваться» — букв. «здороваться»: обряд приветствия, практиковавшийся в русско-крымских дипломатических отношениях; «карашеванье» государя с послом или гонцом было большой честью для последнего.

** Платно — платье из дорогой ткани.

ханом. Так с раннего детства Иван Васильевич приучался играть первую роль в этом театре власти, пусть на первых порах слова ему подсказывали стоявшие рядом советники.

Придворные Ивана IV наверняка согласились бы с доктриной французских юристов начала XV века (будь они с нею знакомы), согласно которой король считался совершеннолетним независимо от своего фактического возраста. Боярин князь Иван Федорович Овчина Оболенский в 1536 году сформулировал аналогичную мысль в письме литовскому гетману Юрию Радзивиллу, позволившему себе намекнуть на то, что правитель Польши и Литвы король Сигизмунд Старый уже по своему возрасту имеет преимущество перед московским государем, который еще «у молодых летех». Боярин писал гетману:

Ино, пане Юрьи, ведомо вам гораздо: с Божиєю волею от прародителей своих великие государи наши великие свои государства держат; отец великого государя нашего Ивана, великий государь блаженныя памяти Василей, был на отца своего государствех и на своих; и ныне с Божиєю волею сын его, государь наш, великий государь Иван на тех жо государствех деда и отца своего; и государь наш ныне во младых летех, а милостью Божиєю государтвы своими в совершенных летех.

Пан Юрий, вам ведь хорошо известно: по Божьей воле от прародителей своих наши великие государи

великие свои государства держат; отец великого государя нашего Ивана, великий государь блаженной памяти Василий, был на отца своего государствах и на своих. И ныне по Божьей воле сын его, государь наш, великий государь Иван на тех же государствах деда и отца своего. И государь наш ныне в юном возрасте, а милостью Божьей государствами своими совершеннолетний.

Таким образом, по мысли московских дипломатов, физически Иван оставался, конечно, еще ребенком, но политически — через принадлежность его к династии государей, «от прародителей» державших «свои великие государства», он считался совершеннолетним. Но отсюда следовало, что передача властных полномочий юного государя кому-либо (даже родной матери), как и учреждение официальной опеки над ним, были невозможны. Вот почему имя маленького Ивана значилось на всех монетах и документах и почему он, невзирая на свой нежный возраст, принимал посольства.

Но если одни прерогативы монарха (вроде чеканки монеты или выдачи грамот) можно было осуществлять виртуально, а другие (например, прием иностранных послов) — ритуально, то оставалась еще одна важнейшая функция, которую мог исполнять только взрослый и дееспособный государь. Речь идет о контроле над придворной элитой. На протяжении конца XV — первой трети XVI века на службу к великим князьям московским перешло немало отпрысков знатных родов из Великого княжества Литовского, как Гедиминовичей, так

и Рюриковичей. Это вызвало соперничество со стороны князей Северо-Восточной Руси (суздальских, ярославских, ростовских и др.) и старинного московского боярства (Захарьиных-Юрьевых, Воронцовых и др.). Расколота взаимной враждой придворная аристократия остро нуждалась в верховном арбитре, каковым никак не мог быть ребенок на троне. Не обладала всей полнотой власти, несмотря на присвоенный ею титул государыни, и мать маленького Ивана великая княгиня Елена: многие при дворе ее ненавидели и лишь терпели до поры до времени, стиснув зубы. Вероятно, весной 1538 года этому терпению пришел конец, и молодая женщина внезапно умерла. Но те самозванные «опекуны», вроде князей Василия и Ивана Шуйских, которые пытались занять место умершей правительницы, имели еще меньше шансов удержать власть и подчинить себе соперничавшие группы знати.

Так обнаружилась ахиллесова пята неограниченной (самодержавной) монархии: пока на престоле был взрослый и дееспособный государь, никто не смел ему перечить, но его малолетний наследник не мог держать придворную элиту в узде, что, при отсутствии официально признанного регентства, приводило к длительной политической нестабильности и частым вспышкам насилия.

Однако политический кризис 30–40-х годов XVI века не привел к параличу государственного управления: основные службы и ведомства работали исправно. Именно автономия приказного аппарата обеспечивала жизнеспособность государства в периоды серьезных

потрясений. Фактически государство могло уже существовать и при малолетнем государе (как в 1530–1540-х годах), и даже при его отсутствии (как в годы Смуты начала XVII века), но самодержавная идеология долгое время словно не замечала этого положения вещей.

ПЕРВЫЕ МОСКОВСКИЕ СОБОРЫ

Выход из кризиса эпохи малолетства Ивана IV происходил путем постепенной консолидации придворной элиты. При этом все бóльшую роль играли коллективные решения, принимаемые на совещаниях различного состава.

16 января 1547 года по инициативе митрополита Макария, пользовавшегося большим влиянием на молодого государя, Иван Васильевич венчался на царство, а в начале февраля состоялась его свадьба с Анастасией Романовной Захарьиной-Юрьевой. Первое событие призвано было поднять авторитет главы Русского государства внутри страны и за ее пределами, а второе не только ознаменовало вступление 16-летнего Ивана во взрослую самостоятельную жизнь, но и повлекло за собой серьезные перестановки в правящей элите. Новые царские родственники — Захарьины-Юрьевы — заняли почетное место при дворе, трое из них в 1547–1548 годах вошли в государеву Думу. Ее состав заметно расширился: осенью 1547 года она насчитывала двадцать бояр и пять окольничих. Наряду с Захарьиными-Юрьевыми

в Думу вошли представители других влиятельных кланов. Там сложился своего рода баланс между старинной ростово-суздальской знатью, потомками литовских князей и старомосковским боярством. Тем самым возникла основа для консолидации придворной элиты.

Этому способствовала также тенденция к принятию коллективных решений, зародившаяся в разгар боярских распрей в начале 1540-х годов. В условиях раскола придворной элиты и отсутствия верховного арбитра легитимными стали считаться решения, принятые с всеобщего согласия — «со всех бояр приговору»*. Эта формула позднее была закреплена в нескольких статьях Судебника 1550 года.

Процесс примирения в придворной среде ускорился после страшных пожаров апреля — июня 1547 года, приведших к восстанию московского «черного люда», в ходе которого был убит дядя царя по матери князь Юрий Васильевич Глинский; погибли и многие его слуги. Эти бедствия современники однозначно восприняли как проявление Божьего гнева за грехи нечестивых правителей.

Именно так — «Божьим гневом и наказанием за умножение грехов наших» — объяснил один из летописцев июньский пожар 1547 года:

Наипаче же в царствующем граде Москве умножившия неправде, и по всей Росии, от велмож, насилствующих к всему миру и неправе судящих, но по мзде,

* Под «приговором всех бояр» имелось в виду не наличие кворума (в нашем понимании), а единодушие всех участников заседания Думы.

и дани тяжкые, и за неисправление правые веры пред Богом всего православнаго христианства, понеже в то время царю и великому князю Ивану Васильевичу уну суццу, князем же и бояром и всем властелем в бесстрашии живущим.

Более же всего в царствующем граде Москве умножилась неправда и по всей России — от вельмож, творящих насилие над всем миром и неправедно судящих, но по мзде; и дани тяжкие, и за несоблюдение истинной веры перед Богом всего православного христианства, ибо в то время царь и великий князь Иван Васильевич был юн, князья же и бояре и все властители без страха жили.

Покаянное настроение охватило и самого царя. Спустя несколько лет, обращаясь к митрополиту Макарию и другим владыкам, съехавшимся в Москву на церковный собор, он вспоминал о своем душевном потрясении:

И посла Господь на ны тяжкия и великия пожары, вся наша злаа собрания потреби и прародительское благословение огонь пояде, паче же всего святыя Божия церкви и многия великия и неизреченныя святыни, и святыя мощи, и многое безчисленное народа людска. И от сего убо вниде страх в душу мою и трепет в кости моя. И смирися дух мой и умилхся, и познах своя съгрешения, и прибегах к святей соборной апостольстей Церкви.

И послал Господь на нас тяжкие и великие пожары, все наше неправедно нажитое богатство истребил и завещанное предками [имущество] огонь пожрал; более же всего — святые Божие церкви и многие великие и невыразимые словами святыни, и святые мощи, и бесчисленное множество народа. И вот от этого вошел страх в душу мою и трепет в кости мои. И смирился дух мой и умилится, и познал свои прегрешения и прибег к святой соборной апостольской Церкви.

Встав на путь покаяния, царь сделал щедрые пожертвования в крупнейшие монастыри. Прекратились опалы и бессудные расправы. В такой обстановке в феврале 1549 года в кремлевских палатах собрались члены государственной Думы (бояре и окольные) и Освященного собора (церковные иерархи) в полном составе, а также некоторые дворяне и дети боярские. Историки называют это многолюдное собрание «собором примирения» и считают первым в истории России земским собором.

Здесь необходимы, однако, некоторые уточнения. Во-первых, термин «земский собор» является позднейшим изобретением: его предложил славянофил К. С. Аксаков в середине XIX века, после чего это понятие стало активно использоваться в общественной и исторической мысли. При своем появлении в середине XVI века подобные собрания еще не имели обобщающего названия. В XVII столетии, когда они созывались сравнительно часто, их стали именовать «соборами» — выражение «на соборе» («а на соборе

были») применительно к подобному заседанию впервые употреблено в 1598 году. Использовались также слова «совет», «земский совет» и др. Слово «собор» имело, несомненно, церковное происхождение: до начала XVII века так назывались обычно собрания высшего духовенства («освященный собор»). В этом, как и во многом другом, проявилось влияние богатой церковной традиции на формирование российской государственности.

Во-вторых, собор 1549 года можно считать первым только условно. Ключевым моментом в появлении подобных совещаний расширенного состава стало приглашение государем на совет не только своих думцев (бояр, к которым позднее добавились окольные, а еще позднее — думные дьяки и думные дворяне), но и членов церковного (Освященного) собора во главе с митрополитом. Эпизодически такие совместные совещания светских и церковных сановников проводились еще в XV веке.

Так, Дмитрий Шемяка в 1446 году, став временно великим князем и нуждаясь в поддержке, созвал епископов, архимандритов и игуменов «со всей земли». На этом импровизированном церковном соборе присутствовали и великокняжеские бояре.

В 1471 году Иван III, задумав поход на Великий Новгород, совещался не только с митрополитом Филиппом и своими боярами, но и «розосла по братию свою и по все епископы земли своея и по князи и по бояря свои, и по воеводы, и по вся воа своа (т. е. все свое воинство. — М.К.). И яко же вси снисдошася к нему, —

продолжает летописец, — тогда всем возвещает мысль свою, что ити на Новъгород ратью». Великий князь был уверен в своей правоте, но сомневался в успешности задуманного похода ввиду наступления летнего времени, когда многочисленные реки, озера и болота делали Новгородскую землю труднопроходимой для войска. Именно этот вопрос он и предложил для обсуждения собравшимся. «И мыслившие о том немало, и конечное упование положиша на Господа Бога и Пречистую Матерь Его, и на силу честнаго и животворящего креста». В итоге решение о походе было принято.

«Собор примирения» 1549 года отличался от предшествовавших церковно-государственных совещаний более широким составом участников: там помимо митрополита Макария, членов Освященного собора, бояр, окольничих и прочих сановников присутствовали также воеводы, дети боярские и «большие дворяне». Перед собравшимися с прочувствованной речью выступил царь, причем, судя по летописному рассказу, сначала он обратился к боярам и, в присутствии высшего духовенства, напомнил им о злоупотреблениях («продажах и обидах великих»), которые они творили по отношению к детям боярским и простым людям в период малолетства государя, и потребовал впредь так не поступать под страхом опалы и казни. Бояре в ответ, естественно, заверили царя в своем намерении служить ему «во всем вправду, безо всякия хитрости». Милостивое прощение было им даровано, а затем (возможно, на следующий день) Иван Васильевич обратился отдельно с аналогичной речью

к воеводам, детям боярским и дворянам: им он «то же говорил, и пожаловал их, наказал всех (т. е. дал всем наказ. — *М. К.*) с благочестием умилне».

Есть основания полагать, что повестка дня собора 1549 года не ограничивалась «умильными» речами и всеобщим примирением: судя по последующим упоминаниям, именно тогда было объявлено о подготовке нового Судебника. Кроме того, сразу после окончания собора состоялось заседание Думы, на котором было принято решение о выводе из юрисдикции наместников детей боярских по большинству видов преступлений, за исключением самых опасных: душегубства (убийства), татьбы (кражи) и разбоя с поличным. Так была продолжена линия на ослабление социальной напряженности между столичной верхушкой (из которой в основном происходили наместники) и уездным дворянством.

В 1551 году в Москве заседал церковный собор, который по сборнику его постановлений, разделенному на 100 глав, получил в исторической традиции название «Стоглавого». Центральное место в его работе заняла регламентация всех сторон церковной жизни, но в речи царя на соборе поднимались и вопросы государственного управления, и на рассмотрение иерархов был представлен текст нового Судебника.

Вообще трудно провести четкую грань между церковными соборами того времени и собраниями более широкого состава: все они созывались по царской воле и проходили с участием государя; на них непременно присутствовали церковные иерархи, а также бояре

и дьяки; повестка дня даже церковных соборов нередко включала в себя также вопросы светского характера.

Самый многочисленный собор в царствование Ивана Грозного состоялся летом 1566 года и был посвящен единственному вопросу — об условиях перемирия или продолжении войны с Польшей и Литвой. У нас есть редкая возможность судить о ходе обсуждения этого вопроса и о составе участников по сохранившемуся подлинному документу — грамоте, излагающей все высказанные мнения и скрепленной подписями ряда духовных лиц, бояр и приказных людей.

Собор был созван в разгар борьбы за Прибалтику (Ливонию) с польским королем и литовским великим князем Сигизмундом Августом. Царь просил у собравшихся совета: стоит ли заключить перемирие с королем на условиях, предложенных литовскими послами, а именно сохранения за каждой из сторон тех ливонских городов, которыми она владела на данный момент. Участники совещания единодушно высказались за отказ от предложенных королем условий и за продолжение войны. При этом наибольший интерес представляют аргументация и сама манера изложения своей позиции, продемонстрированные разными группами, на которые были разделены участники собора.

Так, архиепископы, епископы, игумены и другие члены Освященного собора дали царю такой «совет»: «что государю нашему тех городов ливонских, которые взял король во обереганье, отступитьися непригоже, а пригоже государю за те города стояти. А как ему, государю, за те города стояти, и в том его государская

воля, как его, государя, Бог вразумит; а наша должная (наш долг. — М. К.) за него, государя, Бога молити, о том советовати нам непригоже».

Бояре, казначеи и дьяки, как и положено государственным мужам, дали на царский вопрос очень обстоятельный ответ, демонстрируя детальное знание военно-политической обстановки. Они особо подчеркнули, что литовская сторона, предлагая съезд бояр и панов на границе, надеялась тем самым выиграть время и усилить свое войско в Ливонии. Конечный вывод царских советников сводился к тому, что на предложенных королем условиях мириться «непригоже». «А во всем ведает Бог да государь наш царь и великий князь, — резюмировали они, — а нам ся как показало, и мы государю своему изъявляем свою мысль».

Отдельно высказался по обсуждаемому вопросу печатник (т. е. хранитель государевой печати) и глава Посольского приказа Иван Михайлович Висковатый. Он изложил условия, на которых, по его мнению, можно было бы продолжить с литовскими послами переговоры о перемирии (если бы у послов возникло такое желание), а вместо съезда сановников двух стран на границе предложил то, что в наше время называется «встречей в верхах»: пусть-де король, если желает вести переговоры с царем, съедется с ним на рубеже, и там «государя сами <...> о всех делех договор учинят».

Самая многочисленная группа участников собора, дворяне и дети боярские, была значительно лаконичнее в изложении своего мнения: подчеркнув «королеву великую неправду» и права царя на всю Ливонию,

они заявили, что «государю нашему пригоже за то за все стояти, а наша должная, холопей его, за него, государя, и за его государеву правду служитьи ему, государю своему, до своей смерти».

Очень колоритно отдельно сформулированное мнение торопецких помещиков, отражавшее, вероятно, настроения дворянства западных уездов Русского государства, близких к театру военных действий: «мы, холопи его государевы, за одну десятину земли Полотцкого и Озерищского повету головы положим, чем нам в Полотцке помереть запертым, а мы, холопи его государские, ныне на конех сидим, и мы за его государское с коня помрем».

Наконец, купцы (впервые присутствовавшие на соборе!) выразили свою полную поддержку царской политике в Ливонии, но от обсуждения деталей уклонились, сославшись на свою неосведомленность в военном деле: «А мы молим Бога о том, — заявили они, — чтобы государева рука была высока, а мы люди неслужилые, службы не знаем, ведает Бог да государь, не стоим не токмо за свои животы (имущество. — *М. К.*), и мы и головы свои кладем за государя везде, чтобы государева рука везде была высока».

В общей сложности в соборной грамоте перечислено по именам 374 человека, которые приняли участие в созванном царем совещании. Более ста лет назад великий русский историк В. О. Ключевский, проанализировав состав представительства на соборе 1566 года, пришел к неутешительным выводам о характере земских соборов.

Полагая, что несколько десятков духовных лиц и столько же бояр и приказных людей, участвовавших в упомянутом совещании, уже по своему положению не могли быть выборными представителями, ученый сосредоточил основное внимание на двух социальных группах: служилых людях и купцах. Однако и эти категории участников собора 1566 года, по мнению ученого, не представляли интересов населения: столичные дворяне, по словам Ключевского, были «военными губернаторами и военными предводителями уездного дворянства», а столичные купцы — «финансовыми агентами правительства». «Таким образом, — подытожил свои наблюдения историк, — собор 1566 года был в точном смысле *совещанием правительства со своими собственными агентами*» (выделено Ключевским. — М. К.).

Изучив материалы собора 1598 года, избравшего на царство Бориса Годунова, Ключевский пришел к выводу, что к концу столетия характер этих учреждений принципиально не изменился. Поэтому общий вывод ученого гласил: «Собор XVI в. был, конечно, совещательным, но не был вполне народным представительным собранием: это был <...> не столько законодательный совет власти с народом, сколько административно-распорядительный уговор правительства со своими органами, уговор, главною целью которого было обеспечить правительству точное и повсеместное исполнение принятого решения». Такой характер собора, по мнению историка, объяснялся его происхождением: в отличие от парламентов Западной Европы,

«он родился не из политической борьбы, а из административной нужды».

Зарубежные исследователи до сих пор охотно цитируют эти афористичные суждения Ключевского, считая их весомым аргументом в пользу тезиса о принципиальных отличиях московских соборов от европейских парламентов. Советские историки, напротив, видели в соборах органы сословного представительства, вполне однородные с европейскими учреждениями парламентского типа. Какая же из этих полярных точек зрения ближе к истине?

Применительно к ранним соборам (до начала XVII века) характеристика, данная им В. О. Ключевским, отчасти справедлива. Действительно, они выполняли тогда почти исключительно совещательную функцию, а процедуры выборов соборная практика XVI века не знала. Нет оснований говорить и о сословно-представительном характере этих созываемых от случая к случаю совещаний, еще даже не имевших постоянного обозначения. Сословия в России XVI века находились в стадии формирования. Разрозненным группам служилых людей еще предстояло осознать свое единство и научиться коллективно отстаивать сословные интересы (как это было продемонстрировано провинциальным дворянством в XVII столетии). То же относится к купечеству и посадским людям (горожанам).

Но переносить оценки ранних форм политического института на всю его последующую историю, как это делает Ключевский, и утверждать, будто «земские

соборы являются крайне скудными и бесцветными даже в сравнении с французскими генеральными штатами, которые из западноевропейских представительных учреждений имели наименьшую силу», совершенно неправомерно. Хотя московские соборы, подобно шведскому риксдагу, сравнительно поздно появились на исторической арене, они, как и этот последний, обнаружили способность к быстрой эволюции. Уже в первые десятилетия XVII века полномочия соборов значительно расширились, включив в себя избрание царя, вотирование чрезвычайных налогов, а в конце 1640-х годов — и принятие законов (я имею в виду знаменитое Соборное уложение 1649 года). Одновременно формировалась система выборов для участия в соборах. В середине XVII столетия норма представительства для провинциального дворянства составляла два человека от большого города с уездом (от небольшого города — один человек), а для посадских людей — один человек от города.

Ошибочно и противопоставление происхождения европейских представительных учреждений, вызванных к жизни, по словам Ключевского, «политической борьбой», и московских соборов, созданных будто бы просто для удовлетворения «административных нужд». На самом деле описанная выше предыстория соборов как нельзя лучше иллюстрирует тот факт, что именно политические кризисы и противоборство разных социальных групп повсеместно служили питательной почвой для зарождения и развития совещательных и представительных учреждений. Напомню, что

первое упоминание о некоем прообразе будущих соборов относится к периоду соперничества Дмитрия Шемяки и Василия Темного за великокняжеский престол в 1446 году, а «собор примирения» 1549 года был созван юным Иваном IV для преодоления последствий острого политического кризиса, разразившегося во время малолетства государя. Новый толчок развитию соборной практики был дан в эпоху Смуты начала XVII века.

Если уж сравнивать представительные учреждения в разных странах Европы, то ни в коем случае не стоит ограничиваться двумя-тремя общеизвестными примерами, вроде английского Парламента, французских Генеральных штатов или польского Сейма. Реальная картина была намного богаче и разнообразнее. На этом фоне московские соборы отнюдь не выглядят каким-то экзотическим явлением, обнаруживая уже на ранней стадии своего развития ряд характерных «фамильных» черт.

Нет ничего удивительного в том, что соборы в течение примерно полувека после своего появления ограничивались совещательной функцией: точно так же обстояло дело и с «новорожденными» парламентами, кортесами, штатами и т. д. в других странах (но только в более ранние столетия). Ведь все они появились на свет в результате расширения королевского совета (курии), подобно тому как московские соборы возникли благодаря расширению государевой Думы, заседания которой стали проводиться совместно с Освященным собором, а затем и с приглашенными на совещания дворянами, посадскими людьми и купцами. Состав

и функции соборов расширялись (как это происходило и с парламентами) по мере изменения социально-политической обстановки.

Важно также правильно понимать природу представительства в изучаемую эпоху. Избирательная система формировалась медленно и, по нашим меркам, была весьма далека от идеала. Даже применительно к английскому Парламенту XVI века исследователи говорят не об «элекции» (конкурентных выборах), а о «селекции» — отборе подходящих кандидатов. И тем не менее депутаты Парламента считались полномочными представителями английской нации, всего королевства. Участники ранних московских соборов, хотя они не были избраны населением, а приглашены от имени царя или отобраны каким-то образом, говорили уверенно и не по шаблону, чувствуя за собой поддержку своей «братии», — именно такое впечатление производят речи торопецких или луцких помещиков на соборе 1566 года.

Уже самые первые московские соборы представляли собой государственные совещания. Они приобщали к вопросам внешней и внутренней политики сотни людей — вплоть до рядовых помещиков и купцов. Тем самым резко расширялась сфера публичной политики. Это уже не были совещания «сам-третей» у постели, за которые упрекал Василия III строптивый сын боярский Берсень Беклемишев*. Формирование

* В сохранившемся отрывке следственного дела Ивана Никитича Берсения Беклемишева, попавшего при Василии III в опалу, приводятся крамольные слова, которые он будто бы сказал о великом князе: «лутче старых

публичной политики, вовлечение в нее не только царских советников и бюрократов, но и представителей духовенства, дворянства и других влиятельных социальных групп — одна из примет возникающего современного государства, которое строилось не только «сверху», но и «снизу».

«СУДЕБНИК ИСПРАВИТИ ПО СТАРИНЕ»: СПЕЦИФИКА РЕФОРМАТОРСТВА XVI ВЕКА

50-е годы XVI века принято считать эпохой реформ и связывать их с влиянием на царя кружка его ближайших советников, так называемой «Избранной рады» (термин восходит к сочинению знаменитого оппонента Ивана IV — князя Андрея Курбского, бежавшего от царского гнева в Литву и оттуда обличавшего тиранию Грозного)*. Предположительно в этот кружок, помимо самого Курбского, входили священник Сильвестр (духовник царя) и дворянин Алексей Адашев. Некоторые историки сомневаются в правительственной роли «Избранной рады», но для нас в данном случае важнее то, что нет никаких документальных подтверждений

обычаев держатися и людей жаловати, а старых почитати; а ныне деи государь наш, запершыся сам-третьей у постели, всякие дела делает». Выражение «сам-третьей» означает, что великий князь Василий Иванович совещался в спальне с двумя доверенными людьми, а сам был третьим в этом секретном совете.

* Само слово «рада» (буквально «совет») представляет собой полонизм, характерный для творчества Курбского в бытность его в Великом княжестве Литовском. Выражение «избранная рада» примерно соответствует «ближней думе» московских государей.

связи упомянутых деятелей с преобразованиями середины XVI века. Неясна и роль самого царя в этих преобразованиях.

Анонимность правительственных мер — примета средневековой администрации. Неизвестны, например, имена составителей статуты короля Казимира Великого (40-е годы XIV века) — важнейших памятников польского права. Но в раннее Новое время, с ростом государственного аппарата и соответствующей документации, действия властей в большинстве европейских стран становились прозрачнее. И то, что мы, наверно, никогда не узнаем имена составителей Судебника Ивана Грозного (1550), говорит о слабой бюрократизации управленческого аппарата в России той эпохи.

Но дело не только в недостатке информации о переменах в жизни страны, которые историки, по аналогии с известными преобразованиями XIX века, называют «реформами». Важно также обратить внимание на официальное изложение и мотивацию предлагаемых мер. Вот как царь Иван, обращаясь на Стоглавом соборе к митрополиту Макарию и другим владыкам, говорил о принятом незадолго до того новом Судебнике:

Да благословился есми у вас <...> Судебник исправити по старине и утвердити, чтобы суд был праведен и всякие дела непоколебимо вовеки. И по вашему благословению и Судебник исправил, и великие заповеди написал, чтобы то было прямо и брежно, суд был праведен и беспосулно во всяких делех.

Деньга Дмитрия Донского

Фотография предоставлена сайтом <http://rus-moneta.ru>

Великое княжество Владимирское и Московское в первой четверти XV века

составлена И. Кудряшовым на основе карты в изд.:
Полный исторический атлас России. М., 2010. С. 20

УДЕЛЫ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ

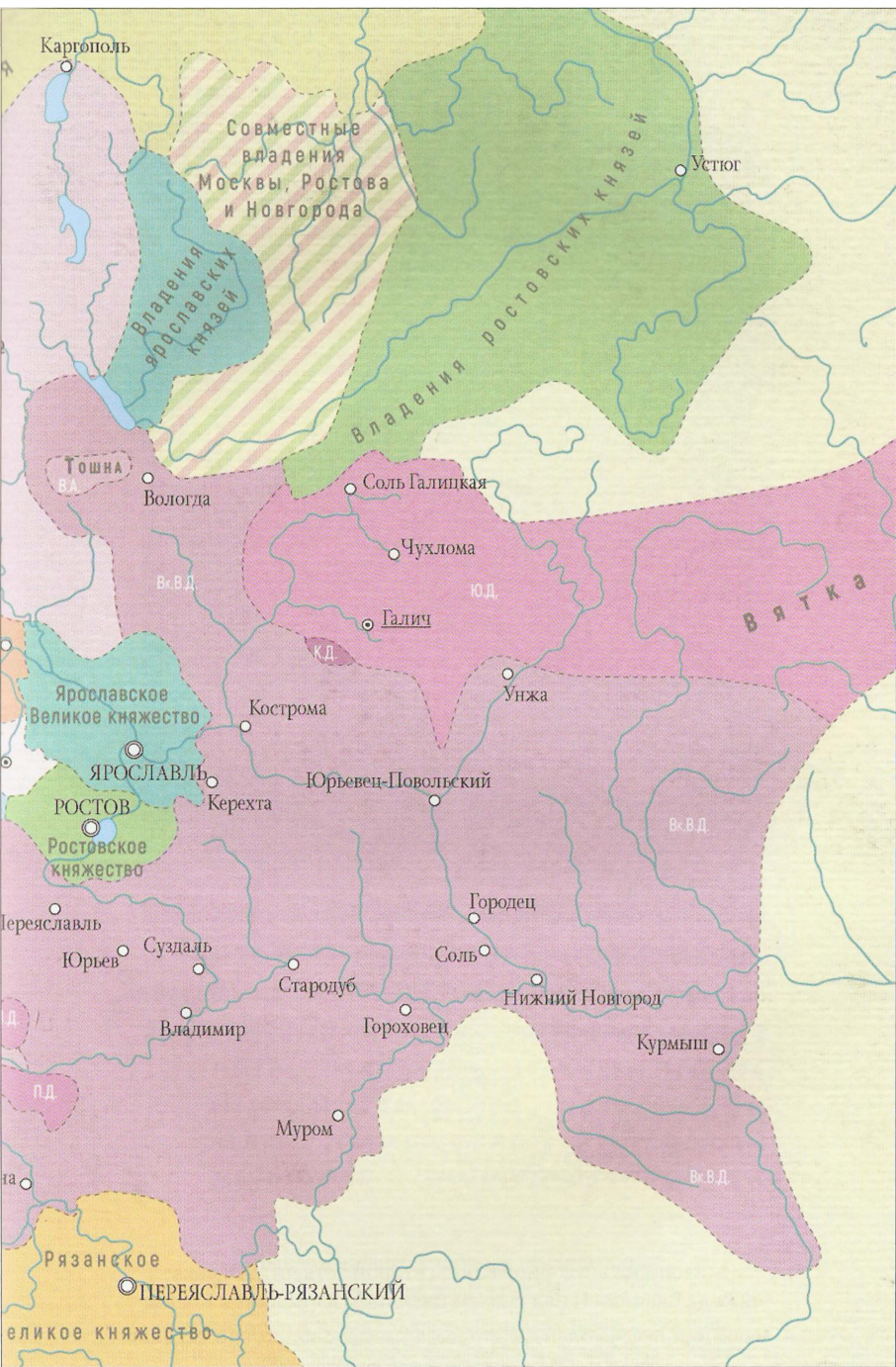
	Совместные владения Москвы, Ростова и Новгорода
	Совместные владения Москвы и Новгорода
	Великое княжество Литовское
	Владения моложских князей (из рода ярославских князей)
	Удел князя Петра Дмитриевича
	Удел князя Константина Дмитриевича
	Удел князя Владимира Андреевича Серпуховского и его потомков
	Удел Вел. князя Василия Дмитриевича
	Удел князя Юрия Дмитриевича
	Удел князя Андрея Дмитриевича
	Углицкий удел (до 1405 г. принадлежал кн. Петру Дмитриевичу, затем перешел к кн. Владимиру Андреевичу Серпуховскому, которому наследовал в 1410 г. его сын Василий)

ТВЕРЬ Центры княжеств

Галич Центры уделов

Верея Прочие города

Нбысть бо и меж нихъ . и поможеть
 целіи сомоу і кнзю пашю пашю льбичю .
 а і кнзь пашю ленюрь едичю сои оубе
 жавка
 шй

Эпизод междоусобной войны второй четверти XV века:
 победа Василия II над князем Василием Юрьевичем Косым
 Миниатюра Лицевого летописного свода. Голицынский том (РНБ, F.IV.225),
 лист 447. Российская национальная библиотека

Апослѣе бѣла пелѣ клѣкъ съ пелікѣи
 изъ новгорода колоколѣ таи пѣунои
 при пѣстниа москѣѣ . и при пѣзѣнѣ
 бѣсть . и пѣзъ несли его на колоко
 лницѣ на площади спрочѣни коло
 колѣ зъ понити . а къ кѣстѣмъ
 пѣхикѣи новѣгоро . и роукаѣ зе
 маѣ . тако понанѣ изъ не поленіе
 не бѣвало . ни въ которѣ годѣ пелікѣ

Вывоз вечевого колокола из Новгорода
 по приказу Ивана III

Я хъ мѣтѣже прѣиде къ воугрѣ соде къ мнѣ и ламнѣ .
 хотѣ перенѣти реку . и прѣидоша тѣ рѣ
 роде на чѣша стрѣлы тѣи на шѣхъ а на шѣ
 на шѣ . и нѣиже прѣидоша противѣ дѣнѣ
 а нѣ рѣка а нѣи противѣ дѣнѣ ко фѣнѣ
 мнѣ шѣ . а шѣи противѣ воугрѣ по дѣ дѣ рѣ
 прѣстѣднѣша :

Стояние на Угре 1480 г.

Портрет Ивана III. Гравюра А. Теве

La cosmographie universelle d'André Thevet,
cosmographe du roy. Tome second. Paris, 1575. P. 853

Дѣ. С. С. го, мца, гетерія. оуложи кизье
лишда, да нешише сархси. сѣтъ миспои,
исвойршо сѣдѣ. клсхди войрш, иоколнич.
схдипи соубоирш, иоколнич. Анаст
дѣвы оубоирш, иоушколнич. діакс.
шсхдл, ишпечалошанія неимати, та
ко ишсди коу соуе, по схдл шсхдн сша
никоу. асхдомъ неместити, ни
држжипиникоу. Акако шжлоб
никъ квоиринх приде, иему жа
ловнико шсвене шсшлати. да
пати шсѣмъ жалобнико оупрадаш
шсемь, которы мь пригоже.
А которого жалобника, а не пригоже
оупрадити, ишо сказы шселикоу
кизю. или кшому его послати. кото
роу которы елюди приказаны шбда.
А имати войринх и діакх шсхдѣ,
шрхелсца годла на шино шато, кто
вхдс шино ш, ище айли шшѣтчи кш.
и войринх на шино шато, да шлшныи,
да діакх шсемь денеть. а шхдѣ шѣло

Сигизмунд Герберштейн в русском одеянии,
пожалованном ему Василием Ивановичем в 1517 г.

Гравюра. Сигизмунд Герберштейн. Записки о Московитских делах. СПб., 1908

Великое княжество Московское в 1462 г.

Территории княжеств (Ярославского, Ростовского и Вел. княж. Тверского), присоединенных к Москве в 1460–1480 гг.

Части Новгородской земли, присоединенные к Вел. княж. Московскому по Коростынскому договору 1471 г.

Новгородская земля

Совместные владения Великих князей Московского и Рязанского

Дата присоединения земель к Великому княжеству Московскому

Номинально самостоятельные, но фактически зависимые от Москвы территории: Вел. княжество Рязанское и псковская земля

Граница Великого княжества Московского в 1462 г.

Граница Великого княжества Московского в 1490 г., включая зависимые от него Рязань и Псков

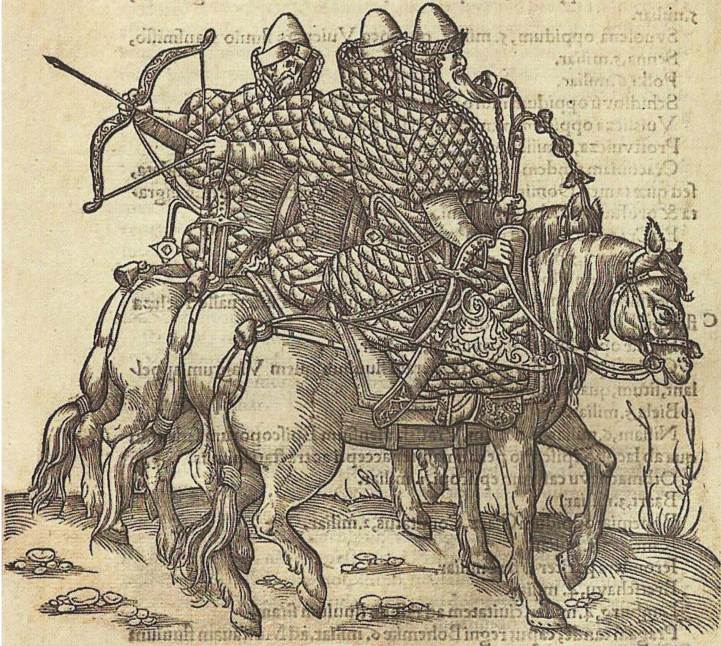

Портрет Василия III

fitam, p̄ueni, meumq; Principem iam Bohemorum Regem electum, A
 eoq; ad coronationem uocatum reperi: cui equidē coronationi uicissima
 quarta Feb. interfui. Porro Oratores Mosci, qui me sequebantur, & qui
 bus officij atque honoris gratia obuiam processeram, dum arcis & urbis
 magnitudinem intuerentur, non esse castrum, aut ciuitatem, sed regnum
 potius dicebant, quod sine sanguine acquiri permagnum esset.

Cæterum rex clemens & pius, audita ac cognita relatione mea, consul-
 tationeq; de rebus tum imminentib. finita, grata habuit que gesseram, de
 diligētī mandatorū suorū expeditione, deq; his que præter mandata pro-
 futura tum effeceram: & quod me ægrotum quidem, ad omnes labores
 obeundos obtuleram; gratiam suo ore pollicebatur. Que omnia
 cum Regi grata essent, mihi iucundissima fuere.

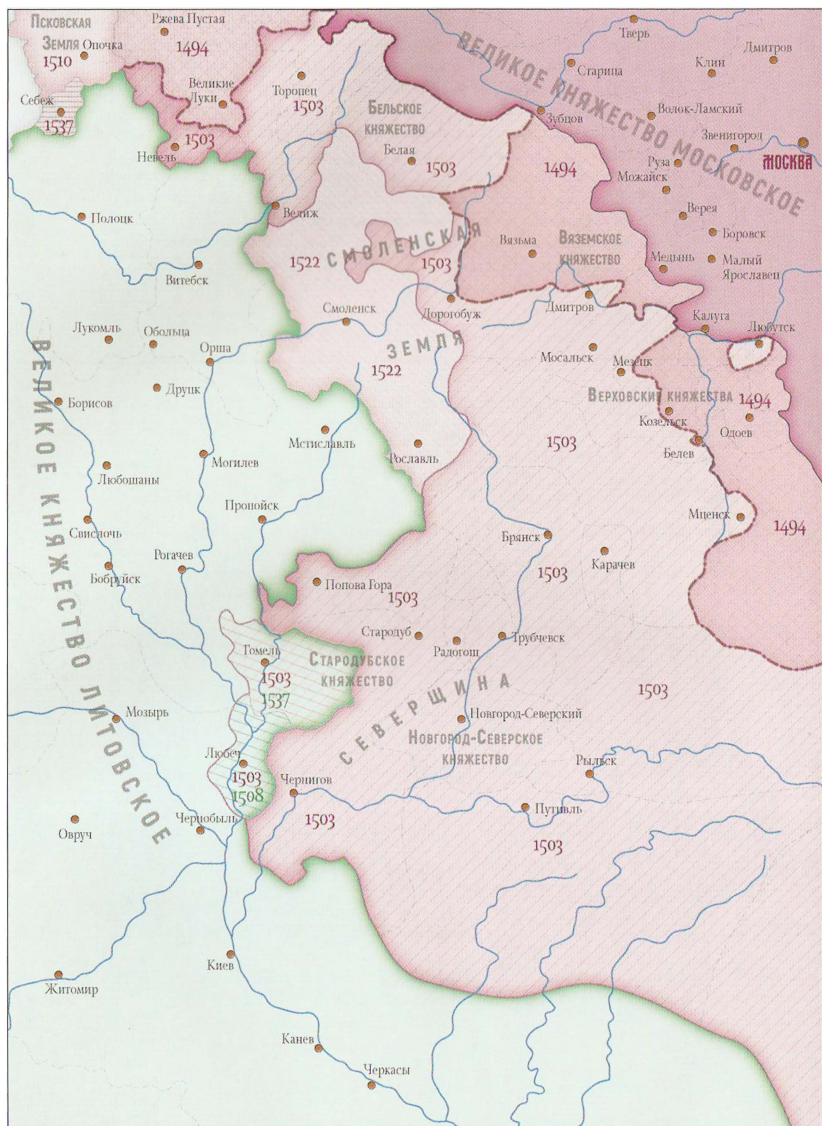
F I N I S.

Вооружение русских всадников

Российско-литовская граница в конце XV — первой трети XVI века

составлена И. Кудряшовым на основе карты В. Н. Темушева в изд.:
Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 т. М., 2008. Т. II, прил.

Иван Грозный

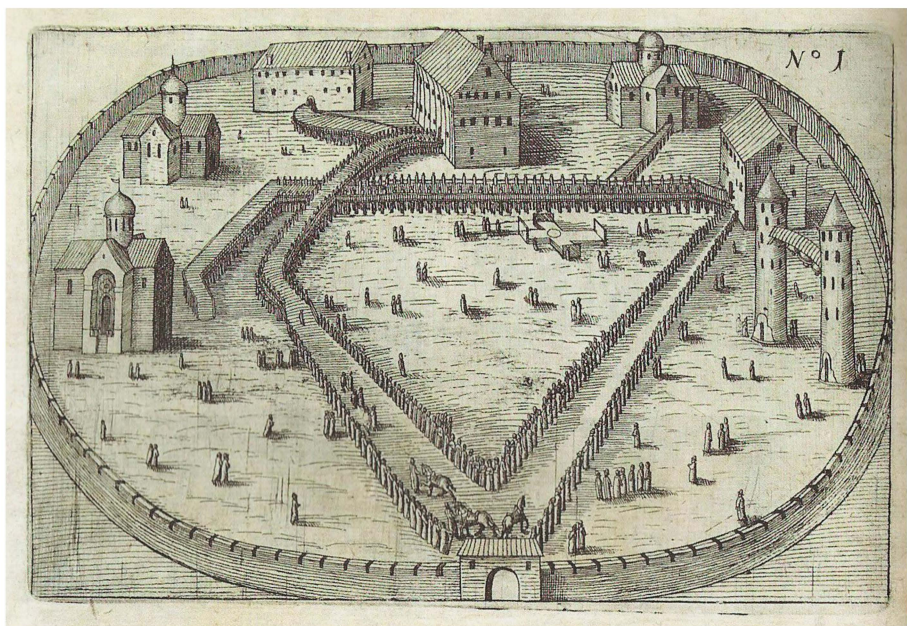
Реконструкция М. М. Герасимова.
Музей-заповедник «Александровская слобода»

Посольство князя Сугорского к германскому императору Максимилиану II в 1576 году

Гравюра. Д. А. Ровинский. Достоверные портреты московских государей Ивана III, Василия Ивановича и Ивана IV Грозного и посольства их времени. СПб., 1882 г. Из коллекции Музея Москвы

Александрова слобода в годы опричнины

Гравюра. Ulfeldt, Jacob. Jacobi, Nobilis Dani, Frederici II. Regis legati,
Hodoeporicon Ruthenicum, nunc primum editum cum figuris aeneis,
ex bibliotheca Melchioris Heiminsfeldi Goldasti. Francofurti, 1608

Российское царство во второй половине XVI века

сост. И. Кудряшов на основе карты В. Н. Темушева в изд.:
Герберштейн С. Записки о Московии. В 2 т. М., 2008. Т. II, прил.

	Российское царство в середине XVI века		Территории, присоединенные к Российскому царству во второй половине XVI в.			Присоединенные в результате Ливонской войны (1558–1583 гг.)
● Вязьма ● Варюга	Города и села, взятые в опричнину		Покоренные ханства, вошедшие в состав Российского царства, с указанием года присоединения			Присоединенные к Речи Посполитой территории в результате Ливонской войны (1558–1583 гг.)
○ Ростов	Прочие города		Граница в середине XVI в.		Граница в конце XVI в.	
● Кемь	Села, волости и слободы					

КРЕМЪ
KREMLIN
CASTELLVM

МОСКВА РЕКА . MOSCVA FLVIVVS .

НЕГЛИНА РЕКА

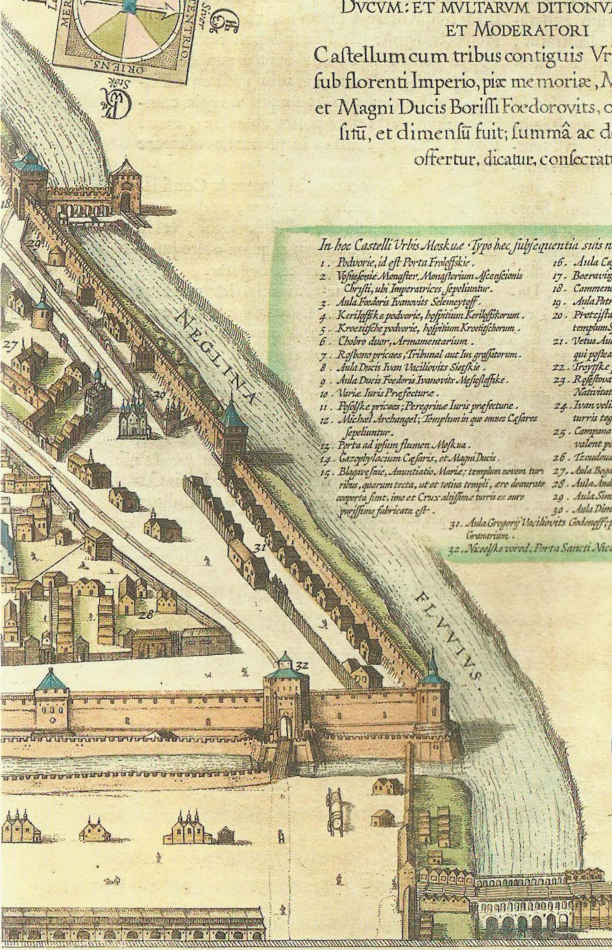
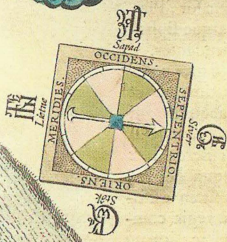
ГРД.
 АГРАД,
 РБИС МОСКВѢ

MAGNO DOMINO CÆSARI, ET MAGNO DVCI
 ALEXIO MICHAELOVITS,

DEI GRATIA,

OMNIYV RVSSORVM AVTOKRATORI, VLADIMERSKII, MOSKOFKII
 NOVOGORODSKII: TZAR KAZANSKII, TZAR ASTOROHANSKII, TZAR
 SIBIERSKII: DOMINO PLESKOFKII: MAGNO DVCI SMOLENSKII, IVERSKII
 OVGORSKII, PERMSKII, VEATSKII, BOLGARSKII: ETIAM DOMINO, ET MAG
 NO DVCI NOVOGORODI IN TERRIS INFERIORIBVS, TZERNIGOFKII,
 REZANSKII, POLOTZKII, ROSTOFKII, IAROSLAFKII, BÉLOZERSKII,
 OVDORSKII, OBDORSKII, KONDINSKII ET TOTIVS SEPTENTRIONALIS
 REGIONIS MANDATORI; ET DOMINO TERRARVM IVERSKYE,
 KARTALINSKICHI, ET GRVZINSKICH CÆSARVM ET
 TERRARVM KABARDINSKIES, TZERKASKICHI, IGORSKICH
 DVCVM: ET MVLTARVM DITIONVM DOMINO
 ET MODERATORI

Castellum cum tribus contiguis Vrbibus Moskvæ, prout
 sub florenti Imperio, piæ memoriæ, Magni Domini Cæsaris.
 et Magni Ducis Borissii Fœdorovits, omnium Russorum, &c.
 sibi, et dimensu fuit; summâ ac debitâ observantiâ,
 offertur, dicatur, consecratur.

In hoc Castellis Urbis Moskvæ Typo hæc subsequencia suis numeris notata designantur ordine.

1. Polverie, id est Porta Fratellitica.
2. Vespertinae Monasterii, Monasterium & collegiis Christianis, ubi Imperatrix, sepelitur.
3. Aula Ducis Ivanovici Solennitatis.
4. Kersiltskha palatium, hospitium Kersiltschorum.
5. Kretsitskha palatium, hospitium Kretsitschorum.
6. Chobro davor, Armentarium.
7. Regiorum priores, Tribunal aut Im. pssatorum.
8. Aula Ducis Ivan Vasilievici Stashe.
9. Aula Ducis Fœderici Ivanovici, Vespertinae.
10. Morie, Iuris Prefectura.
11. Papskha priores, Peregrinae Iuris prefectura.
12. Michæl Archangel, Templum in quo omnes Cæsares sepeliantur.
13. Porta ad ipsius flumen Moskvæ.
14. Gerozyskacium Cæsaris, et Magni Ducis.
15. Blasgavasi, Amnitiatio, Morie; templum novum turribus, quarum tredecim, ut de totius templi, esse dicuntur scripta sunt; in ea et Crux altissime turris et auro purpureis fabricata est.
16. Aula Cæsaris.
17. Bozravitskhevord, Porta alba, Urbis.
18. Cameracensis, Porta sexta vocata lapideis.
19. Aula Patriarche.
20. Pretzissia, Beate Marie Virginis, Soborom teatke, templum Synodale, quo Ecclesiasticis omnes conveniunt.
21. Verua, Aula Domini, scilicet Borissii Fœderovici Goloff qui papsas Cæsaris fuit.
22. Papskha palatium, hospitium Papschorum.
23. Regiorum Christianorum, templum in quo Cæsaris filii Nativitatis, sacrum audit.
24. Ivon velikiy, magnam Divi Iovani templum, cuius turris tagmen decuratum est, campanisq; abundat.
25. Campana magna, pondere pene 2200 pedis, que valent ponderum nostratorum 60000 libris.
26. Izvudna Monasterii, Monasterium miraculorum.
27. Aula Regium Iulievici Nizkiy.
28. Aula, huiusmodi Petrovici Kofins.
29. Aula Simonis, Mchitovici Goloff.
30. Aula Dimentri Ivanovici Goloff.
31. Aula Gregorij Vasilievici Goloff, papsas fuit Constantin.
32. Nizskhe vored, Porta Sancti Nicolai.

Privilegio Nobilitatis
 civitatum et Preceptorum
 D.D. Ordinum Generalium
 Confederatarum Regionum
 cautum est, ne quis hæc
 Tabulas Civitatis et Castellis
 Moskvæ aliquo modo im-
 primat, aut alibi im-
 pressas vendat.

Поддон подсвечника с изображением опричника. XVII в.

Музей-заповедник «Александровская слобода»

На предыдущем развороте:

План «Кремленаград» (начало XVII века). Здание приказов — в виде перевернутой буквы П слева (на юге) от Ивановской площади в центре Кремля

Blaeu, Joannes. Atlas major, sive, Cosmographia Blaviana: qua solum, salum, coelum, accuratissime describuntur. Vol II. Amsterdam, 1662. Национальная библиотека Финляндии

Да получил я у вас благословение <...> Судебник исправить по старине и утвердить, чтобы суд был праведен и всякие дела непоколебимо вовеки. И по вашему благословению я Судебник исправил и великие правила написал, чтобы было верно и надежно, суд был праведен и неподкупен во всяких делах.

Характерно, что царь отнюдь не назвал Судебник «новым»: напротив, речь шла только об «исправлении» законов «по старине», т. е. о возвращении к прежним добрым нормам. И это не была лишь фигура речи: сравнение с предыдущим кодексом 1497 года показывает, что из 100 статей Судебника 1550 года лишь 36, т. е. чуть больше трети, были новыми, а остальные 64 являлись переработкой соответствующих норм Судебника Ивана III.

В той же речи на церковном соборе 1551 года царь говорил далее:

А которые обычеи в прежние времена после отца нашего, великого князя Василия Ивановича всея Руси, и до сего настоящего времени поизшталося или в самовластии учинено по своим волям или предние законы которые порушены, или ослабно дело, и небрегомо Божиих заповедей что творилося, и о всяких земских строениях, и о наших душах заблуждение о всем о сем доволно себе духовне посоветуйте <...> И сие нам возвестите <...>*

* Намек на «своеволие» бояр в период малолетства Ивана IV.

А какие обычаи в прежние времена, после [смерти] отца нашего, великого князя Василия Ивановича всея Руси, и до настоящего времени расшатались; или [в годы боярского] самовластья учинено по своим волям; или прежние некоторые законы нарушены; или расстроено дело, и невзирая на Божиим заповеди что творилось; и о всяком земском строении, и о заблуждениих наших душ, — обо всем об этом обстоятельно между собой духовно посоветуйтесь <...> И нам о том объявите <...>

Как видим, идеалы царя и его советников сугубо консервативны и пронизаны христианской моралью. В этом контексте радикальный разрыв с прошлым был просто невозможен: новое допускалось лишь под видом «возврата» к обычаям предков и путем постепенного изменения («исправления») сложившегося порядка.

Подобные умонастроения были свойственны современникам Ивана Грозного во многих странах, даже тем из них, кого мы теперь считаем смелыми новаторами. Так, «отец Реформации» Мартин Лютер в послании к немецкому дворянству (1520) писал об «исправлении» (Besserung) христианства и церкви. А знаменитый французский философ Жан Боден, ссылаясь на Аристотеля, предостерегал от каких-либо изменений в государстве.

И тем не менее изменения происходили: XVI столетие в России, как и во всей Европе, было очень динамичным. Но оглядка на старину и неразвитость бюрократического аппарата делали преобразования

в царстве Ивана Грозного очень непохожими на привычные для нас реформы XIX–XX веков. В частности, в отличие от более близких к нам времен, нововведения в России XVI столетия, как правило, не сопровождались какими-либо манифестами, а упоминания о них на страницах летописей скупы и нерегулярны. Поэтому и цели, и хронология преобразований продолжают служить предметом споров историков.

Более того, нередко новшества вводились сначала в нескольких уездах, как бы в порядке эксперимента, и лишь впоследствии распространялись на всю страну. В результате преобразования в той или иной сфере растягивались на многие десятилетия. Так, создание специальных органов по борьбе с разбоями началось на рубеже 1530–1540-х годов, когда населению ряда уездов на севере и в центре страны были выданы особые губные* грамоты, предусматривавшие избрание на местах должностных лиц — губных старост и целовальников, на которых были возложены розыск и наказание разбойников. В столице была создана боярская комиссия — «бояре, которым разбойные дела приказаны», — призванная контролировать деятельность местных губных органов. Впоследствии правительство вернулось к этой проблеме в конце 40-х — середине 50-х годов XVI века (именно тогда был окончательно сформирован Разбойный приказ и составлена его Указная книга), а затем еще раз — в 1600–1601 годах.

* Название происходит от слова «губа» (предположительно псковского происхождения), которое означало административный округ.

Но, инициировав в конце 1530-х годов создание первых губных органов для борьбы с разбоями, правительство юного Ивана IV фактически сделало первый шаг к реформированию всей системы местного управления, не имея, похоже, на тот момент никакого ясного плана подобной реформы.

В первой половине XVI века в Российском государстве сохранялась архаичная система местного управления, унаследованная от Московского княжества и носившая явно патримониальный (вотчинный) характер. Суть ее заключалась в том, что должности наместников (в городах) и волостелей (в сельской местности) распределялись в качестве кормлений, т. е. материальных вознаграждений за службу среди членов государева двора — замкнутой столичной корпорации служилых людей. Население обязано было содержать кормленщиков, доставляя им «корм» (деньгами или натуральными продуктами) в установленные сроки, а те осуществляли на вверенной им территории судебные-административные функции. Кормленщики рассматривали предоставляемые им время от времени управленческие должности как свое законное право и источник дохода. Кроме того, отправляясь на военную службу, они поручали отправление судебных и административных обязанностей своим тиунам (холопам). Все это создавало богатую почву для злоупотреблений, а какой-то системы надзора за деятельностью наместников и волостелей не было. Недовольным жителям оставалось жаловаться великому князю, но в период малолетства Ивана IV этот канал обратной связи, по сути, не действовал.

Как бы поступил радикальный реформатор, вроде Петра Великого, с неэффективным институтом, вызывавшим к тому же многочисленные нарекания со стороны населения? Скорее всего, упразднил бы его одним росчерком пера и создал бы что-то взамен, причем, возможно, по иностранному образцу. Но правители XVI века мыслили и действовали по-другому, предпочитая, так сказать, «рубить хвост по частям».

Губные грамоты изъяли из юрисдикции наместников и волостелей только одну категорию дел — о разбоях. Все остальные преступления оставались подсудны кормленщикам, что и было подтверждено царским Судебником (ст. 60). Но теперь в дополнение к кормленщикам в систему местного управления был введен новый элемент — губные старосты (это название закрепилось к концу 1540-х годов), избираемые из числа уездных детей боярских. Вот как самая ранняя из дошедших до нас губных грамот (Белозерская, датированная октябрем 1539 года) описывает процедуру выборов:

И вы бы, меж себя свестясь все заодин, учинили себе в тех своих волостях в головах детей боярских в волости человеки три или четыре, которые бы грамоте умели и которые пригожи, да с ними старост и десятицких и лутчих людей крестьян человек пять или шесть, да промеж бы есте себя, в станех и в волостях, лихих людей розбойников сами обыскивали по нашему крестному целованью въправду без хитрости <...>

И вы бы, сговорившись все между собой, поставили в тех своих волостях в головах детей боярских: в [каждой] волости человека три или четыре, которые были бы грамотными и годными, да с ними старост и десятских и лучших людей-крестьян человек пять или шесть, да у себя в станах и волостях лихих людей-разбойников сами бы разыскивали по нашему крестному целованию, по правде, без хитрости <...>

Характерно, что жалованья выборным головам и их помощникам не полагалось, зато за нерадение в розыске разбойников или попытку им «норовити» грамота от имени великого князя грозила старостам суровыми карами и взысканием с них стоимости исков пострадавших от разбойников людей «без суда вдвое». Опись конфискованного у разбойников имущества, а также списки избранных старост и «лучших людей» по волостям надлежало присылать в Москву — «к боярам, которым разбойные дела приказаны» (а позднее — в Разбойную избу). Так элементы выборного местного самоуправления встраивались в формирующуюся централизованную бюрократическую систему.

Более решительно к демонтажу системы кормлений власти приступили в 1550-х годах, когда в северных, северо-западных и центральных уездах страны были упразднены должности наместников и волостелей, а судебно-административные и фискальные функции возложены на выборных — «излюбленных голов» или земских старост. Чтобы компенсировать потерянные кормленщиками в этих районах доходы, был введен

специальный налог — кормленный окуп, поступавший в государеву казну, откуда деньги выплачивались затем служилым людям в виде жалованья.

Правда, и в середине XVI века кормления не были полностью ликвидированы: наместничества сохранились в стратегически важных пограничных городах (Новгороде, Пскове, Смоленске и др.). Лишь в 1580-х годах наместники были повсеместно заменены воеводами, которые напрямую подчинялись столичным приказам.

Таким образом, к концу XVI столетия система управления Русского государства сочетала в себе элементы выборов (на местах) и бюрократию (в центре). Нечто подобное в то время можно было обнаружить и в Англии: при сравнительно немногочисленном чиновничестве (большая его часть была сосредоточена в Лондоне) многие важные управленческие функции выполняло провинциальное дворянство (джентри), не получавшее коронного жалованья.

Не стоит думать, что отправление выборной должности в те времена было некой синекурой. Скорее такая должность рассматривалась как тяжелая обязанность и род государственной службы. Не являлась она и ступенькой в карьере, поскольку, например, губным старостой мог стать только уволенный с ратной службы по старости или болезни сын боярский. И тем не менее должность губного старосты, поскольку с ней был связан целый ряд властных полномочий, пользовалась в провинциальном дворянском обществе немалым авторитетом, и за контроль над ней боролись между собой местные влиятельные кланы.

ОПРИЧНИНА И СУДЬБЫ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

В начале января 1565 года гонец привез в Москву грамоты от царя, уже месяц назад покинувшего столицу и вместе с семьей обосновавшегося в Александровой слободе. В одной грамоте, адресованной митрополиту Афанасию, содержался длинный перечень «измен», совершенных боярами и приказными людьми, которые якобы опустошали казну и расхищали государевы земли, а о государе, его государстве и «о всем православном христианстве» не хотели радеть и защищать их от «недругов». Когда же царь хотел своих бояр, приказных людей и детей боярских «в их винах понаказати и посмотреть», то архиепископы, епископы, игумены вместе с боярами, дьяками и всеми приказными людьми стали их перед царем «покрывати». «И царь и государь великий князь», — продолжает официальный летописец, —

от великие жалости сердца, не хотя их многих изменных дел терпети, оставил свое государьство и поехал, где вселитися, идеже его, государя, Бог наставит.

от великой жалости сердца, не желая терпеть их многочисленных измен, оставил свой престол и поехал, [чтобы] поселиться там, где его, государя, Бог надоумит.

Другая грамота была адресована купцам и «всему православному крестианству града Москвы: царь заверял

их, «чтобы они себе никоторого сумнения не держали, гневу на них и опалы никоторые нет».

Желаемый эффект был достигнут: весть об отречении государя от престола повергла в смятение светские и церковные власти и «всех граждан града Москвы». Незамедлительно была отправлена делегация в Александрову слободу — «молити и бити челом», чтобы царь «милость показал и гнев свой отложил»,

и на государстве бы был, и своими бы государствы владел и правил, как ему государю годно, и кто будет ему государю и его государству изменники и лиходеи, и над теми в животе и в казни его государская воля.

и на престоле бы был, и своими государствами владел и правил, как ему, государю, угодно; а кто ему, государю, и его государству изменники и злодеи, и над теми в жизни и в казни его государева воля.

Фактически речь шла о предоставлении царю неограниченных, диктаторских полномочий — явный признак того, что ранее, по традиции, некоторые ограничения его власти все же существовали. И вот теперь, прибегнув к ультиматуму, государь добился полной свободы действий, не стесненной никакими, даже мягкими, формами контроля со стороны митрополита и придворной элиты.

Смиловитившись над подданными, царь согласился вернуться на престол, но на особых условиях:

первое из них состояло в том, что «ему своих изменников, которые измены ему, государю, делали и в чем ему, государю, были непослушны, на тех опала своя класти и животы их и статки (имущество. — *М. К.*) имати». Второе условие гласило: «а учинити ему (царю. — *М. К.*) на своем государстве себе опришнину, двор ему себе и на весь свой обиход учинити особой, а бояр и околничих, и дворецкого, и казначеев, и дьяков, и всяких приказных людей, да и дворян и детей боярских <...> учинити себе особно». Кроме того, «на свой обиход» царь забрал два десятка городов и множество волостей, и там получили поместья 1000 человек дворян и детей боярских, отобранных для службы в опричнине. А те вотчинники и помещики, которые не вошли в состав опричного корпуса, подлежали выселению с земель, взятых в опричнину.

Поразительно, что новый порядок, перевернувший жизнь тысяч людей, был назван очень архаичным словом — «опричнина». Так в старину именовали вдовый удел: все свои земли князь перед смертью разделял между сыновьями, кроме («опричь») той доли, которая оставалась его вдове в пожизненное владение. Впрочем, как уже говорилось, переплетение старого и нового встречалось в XVI веке на каждом шагу.

Еще удивительнее то, что Иван Грозный, создав для себя особый удел со своим аппаратом управления, штатом слуг и войском, одновременно признал, по сути, автономное существование государства, которое при этом как бы отделилось от царской вотчины:

Государство же свое Московское, суд и управу, и всякие дела земские приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских <...> а конюшему и дворецкому и казначеем и дьяком и всем приказным людям велел быти по своим приказом и управу чинити по старине, а о больших делех приходить к бояром, а ратные каковы будут вести или земские великие дела, и бояром о тех делех приходить ко государю, и государь, приговоря з бояры, тем делом управу велит чинити.

Государство же свое Московское, суд и управление, и всякие земские дела приказал ведать боярам своим, которым велел быть в земщине <...> А конюшему и дворецкому, и казначеям, и дьякам и всем приказным людям велел быть в своих приказах и управлять по старине, а о важных делах приходить к боярам [с докладом], а если будут ратные вести или земские великие дела, то боярам о тех делах приходить [с докладом] к государю, и государь, приговорив с боярами, по тем делам велит вынести решение.

В этой летописной фразе, словно в миниатюре, показан весь строй управления Московского государства, каким он сложился к моменту учреждения опричнины. Чрезвычайный режим, введенный царем, привел к гибели многих бояр и крупных приказных дельцов, таких как глава Посольского приказа, печатник Иван Михайлович Висковатый, но в самом ведении дел заметных изменений не произошло. Автономная

работа административных служб не позволила государственному кораблю пойти ко дну во время жестокой опричной бури.

Несколько поколений ученых пытались разгадать загадку опричнины: «Учреждение это, — писал В. О. Ключевский, — всегда казалось очень странным как тем, кто страдал от него, так и тем, кто его исследовал». Сам Ключевский считал опричнину «политически бесцельной»: по его мнению, «она была направлена против лиц, а не против порядка». Другой крупный историк конца XIX — начала XX века, С. Ф. Платонов, обратив особое внимание на земельную политику опричнины, напротив, видел в ней важную государственную реформу, нацеленную на подрыв могущества родовой аристократии. В советский период особой популярностью пользовалась версия, согласно которой опричнина была направлена против остатков удельной раздробленности. Сравнительно недавно, уже в наше время, был высказан новый взгляд на это детище Ивана Грозного: А. Л. Юрганов обратил внимание на религиозные и эсхатологические аспекты опричнины. Царь, по мнению ученого, не просто казнил «изменников», но карал грешников, возмнив себя судьей не только над телами, но и над душами своих подданных.

Надо признать, что разные эпизоды кровавой опричной драмы дают основания для различных ее интерпретаций. Несомненно одно: это был откровенно деспотический режим, опиравшийся на массовый террор. В синодике опальных, составленном по приказу Ивана Грозного в последние годы его царства-

ния и разосланном по монастырям для поминовения душ убиенных, перечислено около четырех тысяч человек, но жертв, вероятно, было значительно больше.

Важно, однако, обратить внимание на непредвиденные последствия опричнины, которые, конечно, не входили в планы ее полубезумного творца. Одним из таких последствий был рост монастырских владений: люди, спасаясь от репрессий, постригались в монахи и жертвовали святой обители свои земли. Другим последствием была дальнейшая бюрократизация управления: именно в годы опричнины, как было показано в предыдущей главе, произошло окончательное оформление приказной системы, пороки которой впоследствии живописал бывший опричник Генрих Штаден. Ученые отмечают также упадок дворянского ополчения — основы русской армии того времени: многочисленные опричные переселения и конфискации земель разрывали привычные связи между помещиками, приводили к разорению многих из них и в конечном счете — к снижению боеспособности царского войска. Изнурительная 25-летняя война за Прибалтику (традиционно именуемая в исторической литературе Ливонской войной) была в конце концов Иваном IV проиграна.

В 1572 году опричина была отменена, но разделение московской элиты на два двора — государев и земский — сохранилось до самой смерти царя. Как только он умер (18 марта 1584 года), единство Государева двора как корпорации столичной знати было восстановлено.

Итоги долгого царствования Ивана Грозного были печальны: многие уезды страны разорены, все

завоеванные в Ливонии города потеряны, резко возрос налоговый гнет. А главное, попытки царя, терроризируя своих подданных, добиться абсолютной власти и вознести монархию на недосягаемую высоту привели к противоположному эффекту. Он сам невольно способствовал угасанию династии, которой так гордился: в 1569 году по царскому приказу был отравлен двоюродный брат государя удельный князь Владимир Старицкий, а осенью 1581 года внезапно скончался старший сын и наследник Грозного царевич Иван — как упорно твердила молва, царевич погиб от отцовской руки...

Когда-то царь писал своему литературному и политическому оппоненту Андрею Курбскому:

российское самодержавство изначала сами владеют своими государствы, а не боляре и вельможи.

российские самодержцы изначально сами владеют своими государствами, а не бояре и вельможи.

И вот теперь вышло так, что после смерти Ивана Васильевича престол достался его среднему сыну Федору, неспособному к самостоятельному правлению. По иронии судьбы именно Федор Иванович стал первым из русских царей, кто официально принял титул самодержца, но правил за него его шурин — боярин Борис Годунов.

Пагубные последствия имел также внесенный Грозным в жизнь страны и придворной элиты раскол. Как писал впоследствии его младший современник, автор знаменитого «Временника» дьяк Иван Тимофеев, царь

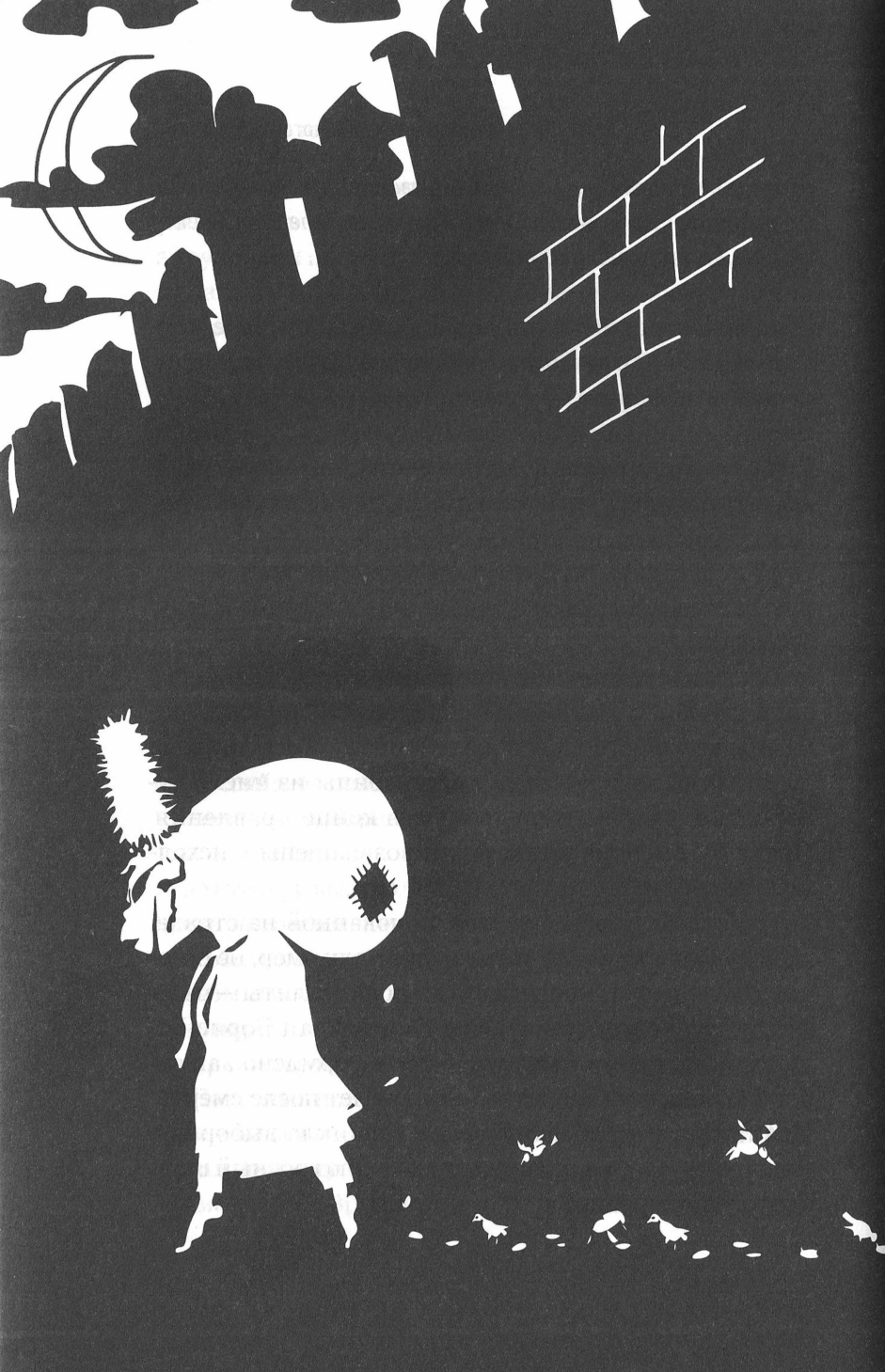
*во гневе своем разделением раздвоения едины люди
раздели <...> и всю землю державы своя, яко секи-
рою, наполю некако рассече.*

*во гневе своем единый народ разделил надвое <...>
и всю землю своей державы, словно топором, рассек
на две половины.*

Тем самым, по мнению публициста, он «земли всей велик раскол сотвори» и обратил на себя ярость Божью. Более того, это «разделение» как бы предвосхищало последующую Смуту — «нынешняя вся земля розгласие», как назвал ту эпоху переживший ее дьяк Тимофеев.

Сразу после смерти Грозного ненависть к бывшим опричникам и «дворовым» прорвалась наружу: любимцы покойного царя попали в опалу, в ссылку или на дальние воеводства, а выдвиженцы из числа худородных дворян, получившие в конце правления Ивана IV высокие чины, были возвращены в исходное состояние.

От былой «стабильности», основанной на страхе, не осталось и следа. А когда в 1598 году умер, не оставив наследника, последний из рода Калиты — царь Федор Иванович, на престол был избран Борис Годунов, причем его избрание было оформлено как соборное решение. Так всего через 14 лет после смерти Ивана IV в стране фактически возникла выборная монархия — форма правления, которую грозный царь откровенно презирал.

ГЛАВА 8. ФИНАНСЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

«**Д**еньги счет любят», — гласит народная мудрость. Эта истина хорошо знакома многим главам семей, старающимся свести концы с концами.

Однако на государственном уровне тщательный учет всех доходов и расходов возник далеко не сразу: средневековый монарх, по словам известного французского медиевиста Бернара Гене, не знал ни суммы своих доходов, ни суммы расходов. Бюджет королевства отличался от бюджета семьи одного из его подданных не только масштабом. Он складывался из многих, разных по происхождению источников: доходов от поместья, платежей вассалов по феодальному праву, прямых и косвенных налогов и пошлин, королевских регалий. Администрирование доходов и расходов казны требовало большого штата хорошо обученных чиновников.

Не случайно «пионером» финансового учета выступило Английское королевство, одним из первых вставшее на путь государственной централизации, — самый ранний дошедший до нас отчет Английского казначейства (так называемый «свиток» — *pipe roll*) датируется 1129 годом. Во Франции подобная система сложилась почти на столетие позднее — первый сохранившийся

финансовый отчет относится к 1202–1203 годам. В Кастилии количественные данные о размере королевских доходов появляются с 1369 года, а об их отдельных источниках — с 1429 года.

Разумеется, полноту и точность этой средневековой статистики не стоит преувеличивать. Так, историки английских финансов предупреждают нас о том, что отчеты королевского казначейства XIV–XV веков точнее отражали доходы, чем расходы, и что бюджеты того времени имели целью убедить Парламент в необходимости вотировать новые субсидии и потому изображали дефицит средств, даже когда его на самом деле не было. Тем не менее подобные количественные данные служат важным ориентиром при изучении экономического развития той или иной страны, а само их появление может рассматриваться как показатель зрелости соответствующей финансовой системы.

В Северной и Восточной Европе относительно полная и надежная финансовая отчетность появилась значительно позже, чем на богатом Западе. Так, в Дании при короле Кристиане II (1513–1523) поступления в казну регистрировались в специальных книгах королевской канцелярии; в результате историки имеют реалистическую картину доходов, которыми располагал этот король. Применительно к XVI веку есть также надежные количественные данные о финансах Швеции и Речи Посполитой.

Что касается России, то вплоть до XVII столетия отечественные архивы не сохранили каких-либо документов, позволяющих судить о совокупных

доходах и расходах царской казны. Однако мы располагаем свидетельством иностранца — английского посла Джайлса Флетчера, побывавшего при дворе царя Федора Ивановича в 1588–1589 годах. Хотя он провел в России менее года, ему удалось собрать разнообразную информацию о стране, ее климате и природных богатствах, политическом строе, войске, религиозных обрядах, нравах и обычаях жителей. Помимо собственных наблюдений, посол воспользовался рассказами Джерома Горсея, агента английской торговой компании («Московской»), много лет прожившего в России. По возвращении на родину Флетчер изложил свои впечатления в книге под названием «О Русском государстве» (*Of the Russe Commonwealth*). Получился целый трактат или краткая энциклопедия, выдающая привычку автора к ученым занятиям (Флетчер учился, а затем преподавал в Кембридже). Поскольку книга содержала нелицеприятные суждения об образе правления царей, которое Флетчер называет «тираническим», а это могло повредить торговым интересам англичан в России, она была запрещена сразу после выхода в свет (1591), и почти весь тираж был уничтожен. Но для историка трактат английского дипломата и ученого представляет немалый интерес, поскольку некоторые сообщаемые им сведения уникальны.

Это, в частности, относится к главе о царских доходах. Глава наполнена цифрами, которые не с чем сравнить, поскольку сопоставимых источников отечественного происхождения того же времени в нашем

распоряжении нет. Вот что пишет Флетчер о ежегодном доходе царя: «Сумма, поступающая каждый год в царскую казну одними деньгами, такова: 1) из Дворцового приказа — 230 000 рублей; 2) из четырех четвертей сошных и подушных денег — 400 000 рублей; 3) из приказа Большого прихода пошлин и других сборов — на 800 000 рублей.

Итак, всего 1 430 000 рублей чистого дохода, не включая сюда расходов на содержание дворца и постоянное жалованье войску».

Флетчер верно назвал важнейшие финансовые учреждения страны. Так, Дворцовый приказ (приказ Большого дворца) собирал доходы с царской вотчины. Четверти, или чети, к концу 1590-х годов также оформившиеся в отдельные приказы, были организованы по территориальному принципу (известны Костромская, Новгородская, Устюжская и другие чети) и ведали сбором оброка (кормленого окупа), которым были заменены платежи и повинности в пользу наместников после отмены кормлений в 50-х годах XVI века (см. предыдущую главу). Наконец, приказ Большого прихода занимался сбором таможенных пошлин и разнообразных налогов, вроде ямских, пищальных денег и т. д. Однако приведенные Флетчером цифры вызывают серьезные сомнения. Историк С. М. Середонин, опубликовавший в конце XIX века подробный разбор сочинения английского дипломата, пришел к выводу, что тот дважды посчитал некоторые промежуточные суммы и в итоге сильно завысил величину царских доходов конца XVI века.

Недоверие к цифрам Флетчера усиливается при сопоставлении их с более поздними данными. Применительно к 60-м годам XVII века мы располагаем относительно надежной оценкой доходов царской казны, сделанной беглым подьячим Посольского приказа Григорием Котошихиным: по его словам, эти доходы составляли два миллиона рублей в год. Но за почти 70 лет, разделяющие между собой сочинения Флетчера и Котошихина о Русском государстве, покупательная способность рубля упала в четыре раза, а площадь страны, напротив, значительно увеличилась; выросли и налоги. Поэтому бюджет времен царя Алексея Михайловича (1645–1676) должен был не на треть, а в несколько раз превосходить смету доходов и расходов при Федоре Ивановиче (1584–1598).

Нет никаких сомнений в том, что Флетчер сам произвел подсчеты, сложив полученные им от информаторов разрозненные данные, и вывел впечатляющую сумму почти в полтора миллиона рублей. При этом выпускник Кембриджа ориентировался на хорошо известную ему английскую модель управления финансами и невольно придал русской налоговой системе более стройный и централизованный вид, чем она в то время имела. Он, несомненно, ошибался, когда писал, что «все приказы, как-то: Дворцовый, Четверти и Большой приход — передают поступающие в них доходы в главное казначейство, которое находится в ограде царского дворца в Москве». На самом деле в описываемое время Казна, или Казенный двор, отнюдь не была главным финансовым органом страны, наподобие Английского

казначейства; к концу XVI века Казна сохранила за собой лишь функции сокровищницы: здесь хранились царские регалии, парадная одежда, предметы придворного обихода, а также особо ценные документы.

Из сохранившихся документов мы точно знаем, что жалованье служилым людям выдавалось напрямую из приказа Большого прихода и Четвертных приказов. Но если все собранные средства не концентрировались в одном учреждении, то, следовательно, не было возможности и, похоже, необходимости их полного учета. Да и кому мог бы понадобиться подобный финансовый отчет? Ведь русский царь в XVI веке, в отличие от английского короля, не должен был обращаться за субсидиями к своему «парламенту», т. е. собору.

Так что не стоит слишком строго судить Флетчера: он, конечно, ошибся в своих подсчетах, но едва ли кто-либо в Москве 1589 года — даже фактический правитель страны, боярин Борис Федорович Годунов, — мог бы назвать точную сумму доходов царя. И дело не только в том, что сбор налогов и пошлин был разделен между несколькими ведомствами и никакой счетной палаты еще не существовало*. В слабо монетизированной экономике, каковую представляла собой Россия, богатства накапливались не только в денежной форме (хотя значение денег возросло во второй половине XVI столетия), но и в виде натуральных продуктов. Как пишет тот же Флетчер, «кроме дохода, вносимого

* Особое контрольно-финансовое учреждение под названием «Счетный приказ» появится в середине XVII века; самые ранние упоминания о нем относятся к 1647 году.

в казну деньгами, царь ежегодно получает еще на значительную сумму из Сибири, Печоры, Перми и иных мест мехов и других податей, которые продаются или вымениваются для вывоза за границу на разные иностранные товары купцам турецким, персидским, армянским, грузинским и бухарским».

Если правители Московского царства, даже не зная в точности, какими средствами они располагают, все же как-то сводили концы с концами, то этим они были обязаны обширному земельному фонду, верховным распорядителем которого был царь. Земля была своего рода «подушкой безопасности» и истинным материальным фундаментом патримониального государства. Для служилых людей, от провинциальных детей боярских до столичных думных чинов, денежное жалование было хотя и важным, но все-таки дополнительным источником дохода, а основным был поместный оклад — определенное количество десятин земли.

Хотя финансовая система России XVI века выглядела весьма архаично на фоне более развитых в торговом и промышленном отношениях монархий Запада, ей были присущи некоторые общие тенденции, характерные для всего Европейского континента в начале Нового времени, и прежде всего увеличение налогового бремени вследствие непрерывно растущих военных расходов.

Важной новацией 50-х годов XVI века стал перевод основных государственных повинностей на деньги; в результате, по подсчетам Г. В. Абрамовича, выполненным по материалам Северо-Запада России (история

этого региона страны лучше других обеспечена массовыми источниками), платежи выросли более чем в 16 раз по сравнению с началом столетия. Они продолжали расти и в дальнейшем: за вторую половину 1550-х годов (судя по тем же новгородским материалам) — на 32%, а за 1561–1570 годы — еще на 40%.

Рост налогов был непосредственно связан с затяжной и разорительной Ливонской войной (1558–1583). На военные нужды, а точнее на содержание стрелцкого войска, шли пищальные деньги. В 1550-е годы был введен новый сбор, предназначенный для выкупа попавших в плен к татарам людей — полоняничные деньги. С 1580-х годов под этим названием известно уже два сбора: один — на выкуп русских пленных, а другой — на содержание взятых в плен царской армией воинов противника («полоняникам немцам на корм»). Наконец, если учесть, что один из основных налогов того времени — кормленный окуп — использовался для выплаты жалованья служилым людям, то связь налогообложения с военной функцией государства станет еще более наглядной.

Эффективность налогообложения во многом зависела от наличия или отсутствия привилегий в этой сфере. Европейская практика знала два подхода к данной проблеме: в Англии уже в XIV веке утвердился принцип, согласно которому все сословия, включая знать и духовенство, должны были платить налоги; на континенте же владения аристократии и церкви, как правило, освобождались от государственных податей. Налоговая политика великокняжеской, а затем

царской власти в России конца XV—XVI века представляла собой постоянные колебания между этими двумя полюсами.

Камнем преткновения стали земельные владения церкви. При монголах они освобождались от уплаты податей; к тому же времени восходит слово «тархан» — у тюрков и монголов оно означало «вольный человек», свободный от любых поборов и повинностей. На Руси этим словом обозначались особые грамоты, предоставлявшие освобождение от основных налогов, а также владельцы таких грамот.

Первое серьезное ограничение податных привилегий светских и духовных землевладельцев было принято Иваном III в 90-е годы XV века. Но со второго десятилетия XVI столетия его сын и наследник Василий III вернулся к прежней практике широкой раздачи налоговых льгот монастырям. Новое решительное наступление на «тарханы» развернулось при Иване IV в 50-е годы XVI века; 43-я статья царского Судебника гласила: «Торханных [грамот] вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех».

Сотни монастырей лишились тогда своих привилегий. Однако провозглашенная правительством финансовая политика проводилась непоследовательно — например, в 1551 году были подтверждены щедрое пожалования прежнего государя Иосифо-Волоколамскому монастырю. Право беспошлинной торговли крупными партиями соли сохранили Кирилло-Белозерский и Соловецкий монастыри.

Еще дальше от провозглашенного ранее курса Иван Грозный отошел в годы опричнины: нуждаясь в поддержке со стороны влиятельных церковных обителей, он возобновил щедрую раздачу податных привилегий. Для понимания причин этих колебаний следует принять во внимание особое положение церкви в Русском государстве: защита православия с самого начала стала знаменем его внешней и внутренней политики. Такие церковные деятели, как игумен Иосиф Волоцкий или митрополит Макарий, обладали большим влиянием при государевом дворе. В таких условиях проводить бескомпромиссный курс на ликвидацию финансовых привилегий церкви было весьма затруднительно. К этому нужно прибавить, что виднейшие бояре — советники царя являлись вкладчиками крупных монастырей, т. е. дарили им земли, деньги, иконы на помин души своих предков; естественно, такой вельможа склонен был радеть об интересах «своей» обители.

Тем не менее финансовые нужды страны в конце концов взяли верх над прочими соображениями. В июле 1584 года, спустя четыре месяца после смерти Ивана Грозного, на церковном соборе было торжественно принято решение о том, «чтоб вперед тарханом не быти». Любопытна мотивировка этого постановления: прежде всего, в соборном приговоре подчеркивалось, что поскольку с земель митрополита, архиепископов, епископов и монастырей, находившихся «в тарханех», никакая царская дань не платилась, то налоговое бремя перекладывалось на служилых людей: «воинство — служилые люди те их земли оплачивают, и сего

ради многое запустение за воинскими людьми в вотчинах их и в поместьях, платячи за тарханы». Еще одну несправедливость, которую служилые люди терпели по вине «тарханов», т. е. освобожденных от уплаты налогов церковных землевладельцев, участники собора видели в том, что «крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы во лготе, и от того великая тощета (нищета. — М. К.) воинским людем прииде». Иными словами, помещики разорялись от того, что их крестьяне переселялись на соседние земли монастырей, где можно было не платить податей.

И вот теперь, гласил приговор, тарханы надлежало «отставити» до лучших времен, пока «земля поустроитца и помочь во всем учинитца царским осмотрением». Недавние обладатели привилегий отныне должны были платить «всякие царские подати <...> со всеми людьми ровно всей земле». И, хотя в последующие годы крупные монастыри не раз получали финансовые льготы (на провоз товаров, варку соли и т. д.), основных налогов они не касались. Так к исходу XVI столетия налогообложение охватило наконец все категории населения страны.

Тогда же была принята еще одна обеспечительная мера, направленная на сохранение доходов казны и поддержание материального положения служилых людей: к 80–90-м годам XVI века относятся первые известия о прикреплении к местам жительства крестьян и посадских людей (горожан). Посады получили право возвращать своих «тяглецов» (налогоплательщиков), переселившихся было на новые места,

но числившихся за этим посадом по писцовым книгам. Может показаться странным, что посадские хлопотали о лишении права передвижения, т. е. по сути о закреплении, своих же собратьев, но их мотивы нетрудно понять, если учесть, что убыль городского податного населения означала (при той же раскладке налогов и повинностей) рост налогового бремени для оставшихся жителей.

В деревне тогда же установился режим «заповедных лет» (сначала на отдельных территориях, а к концу 1590-х годов повсеместно): крестьяне временно потеряли право покидать своих господ в Юрьев день (26 ноября), а беглые подлежали по суду выдаче своим законным владельцам. Однако эта мера носила декларативный характер, поскольку системы государственного сыска беглых крестьян тогда не существовало (она появится только во второй половине XVII века). Помещикам предлагалось самим разыскивать своих беглецов (что было под силу лишь немногим богатым землевладельцам!) и затем подавать в суды иски об их возврате. Впрочем, первая попытка закрепощения податного населения оказалась недолгой: уже в 1601 году в связи с разразившимся в стране страшным голодом царь Борис Годунов издал указ, разрешивший крестьянский выход в Юрьев день.

ГЛАВА 9. ИДЕЙНЫЕ ОСНОВЫ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Проследив формирование и развитие ключевых институтов российской государственности XV–XVI веков, включая прерогативы самого монарха, структуры центрального и местного управления, финансы, а также нарождающееся учреждение представительного (парламентского) типа — соборы, познакомимся теперь с важнейшими идеями, которые, словно цемент, скрепляли фундамент этого государства и служили оправданием его внешней и внутренней политики.

«ХРИСТОЛЮБИВОЕ РОССИЙСКОЕ ЦАРСТВО»

Защита веры считалась первой обязанностью монархов в Средние века и раннее Новое время. В этом отношении московские великие князья, а затем цари ничуть не уступали «христианнейшим» королям Франции, «католическим величествам» — испанским монархам или покровителям всех правоверных мусульман — турецким султанам.

После падения Константинополя роль главного защитника православия была перенесена русскими

книжниками с византийского императора на великого князя московского. В 1492 году митрополит Зосима назвал Ивана III «новым царем Константином», а Москву — новым «градом Константина», т. е. Константинополем. Впоследствии, в 50-е годы XVI века, священник Кремлевского Благовещенского собора Сильвестр, близкий в то время к Ивану IV, сравнивал молодого царя с почитаемым христианами знаменитым императором. По его словам,

Ныне <...> державный государь наш, самодержец всяя Росиа, царь и великий князь Иван Васильевич Божиюю благодатию уподобися царю Константину: тою ж царскою багряницею обложен есть, те ж правоверия хоругви в руку своюю благочестно содержит, от начала бо и доньне та же благодать способствует <...>*

Ныне <...> державный государь наш, самодержец всяя России, царь и великий князь Иван Васильевич Божьей благодатью уподобился царю Константину: облачен в ту же царскую багряницу, те же хоругви правоверия в руке своей благочестиво держит, ибо от начала и доньне та же благодать помогает <...>

Идея преемственности мировых царств и перемещения в Москву вселенского центра православия была с особой силой выражена старцем псковского Елеа-

* Багряница — пурпурная мантия, парадное одеяние византийских императоров.

заровского монастыря Филофеем в первой четверти XVI века. Обращаясь к Василию III, он писал:

*И да вестъ твоа держава, благочестивый царю, яко
вся царства православныя христианьския веры сни-
дошася в твое едино царство: един ты во всей под-
небесной христианом царь.*

*Знай, державный, благочестивый царь, что все цар-
ства православной христианской веры сошлись в одно
твое царство: один ты во всей поднебесной христи-
анам царь.*

Ибо старого Рима церковь погибла, впав в аполлина-
риеву ересь, а двери второго Рима — Константинополь-
ской церкви — разбили секирами «внуки агарян» (т. е.
турки-мусульмане). И вот теперь третьего,

*новаго Рима, дръжавнаго твоего царства святая
соборная апостольскаа церкви, иж[е] в концех все-
ленныа в православной христианьстей вере во всей
поднебесней паче солнца светится.*

*нового Рима, державного твоего царства святая со-
борная апостольская церковь во всех концах вселен-
ной в православной христианской вере во всей под-
небесной ярче солнца светится.*

Итак, «два Рима падоша, а третей стоит, а четвертому
не быти», — резюмировал Филофей.

В то же время новая миссия — главы всего православного мира — налагала серьезную ответственность на московского государя. Филофей напоминал Василию III о его обязанностях: блюсти православие, не обижать церкви и монастыри, искоренять людские пороки. «Да аще добро устроиши свое царство, — убеждал он великого князя, — будеши сын света и гражданин вышняго Иерусалима» (т. е. войдешь в Царство небесное. — М. К.).

В том же жанре наставления православному государю написаны некоторые послания Иосифа Волоцкого, крупного церковного деятеля и полемиста, основателя Волоколамского монастыря. Обращаясь к Василию III, он писал:

Подобает же ти, благочестивый царю, всяко тщания и о благочестии имети и сущих под тобою от треволнения спасти, душевнаго и телеснаго, душевное бо есть треволнение еретичьское учение, телесное же есть треволнение — татьба и разбойничество, хищение, и неправда, и обиды, и прочаа злаа дела, иже убо телесне врежאותь, а не душевне.

Подобает же тебе, благочестивый царь, всякое тщание о благочестии иметь и подданных твоих от треволнения спасти, душевнаго и телеснаго; ибо душевное треволнение — еретическое учение, телесное же треволнение — воровство и разбой, хищение, и неправда, и обиды, и прочие злые дела, которые ведь вредят телу, а не душе.

И далее, цитируя сочинение византийского писателя VI века Агапита, «Поучение благоверного царства», Иосиф напоминал государю, что тот, приняв «скупетр царства» от Бога, должен стараться угодить Всевышнему, ибо

не токмо <...> о себе ответ даси ко Господу, но еже и инии зло творят, ты слово отдаси Богу, волю дав им. Царь убо естеством подобен есть всем человеком, а властью же подобен есть вышнему Богу.

не только <...> о себе ответ дашь Господу, но, если и другие зло творят, ты дашь ответ Богу, волю дав им. Ибо царь естеством подобен всем людям, властью же подобен всевышнему Богу.

В другом послании Иосиф Волоцкий убеждал Василия III продолжить начатую отцом его Иваном III беспощадную борьбу с еретиками:

Покажи ревность благочестия твоего, да видят вси цари славу православного царствия твоего.

Покажи ревность своего благочестия, пусть все цари увидят славу твоего православного царства.

И никто другой, по уверению Иосифа, не мог отвратить смертельной опасности, грозящей «всему православному христианству от еретических учений»:

Ино, государь, никому невозможно тое беды утолити, разве тебя, государя и самодержца всея Руския земля.

Ведь, государь, никто не может справиться с той бедой, кроме тебя, государя и самодержца всей Русской земли.

Иван IV внимательно читал сочинения Иосифа Волоцкого в 50-е годы XVI века. Несомненно, он глубоко усвоил идеи божественного происхождения царской власти, ответственности государя перед Богом за соблюдение чистоты веры и поведение своих подданных. Светские и церковные дела в равной мере подлежали ведению царя как верховного арбитра: в этом были согласны между собой все русские книжники XVI века. Однако в утверждении неограниченности царской власти Грозный пошел гораздо дальше своих учителей.

Крупные церковные авторитеты первой четверти XVI века, Иосиф Волоцкий и Филофей Псковский, как явствует из приведенных выше цитат, считали себя вправе напоминать тогдашнему государю, Василию III, о его христианских обязанностях. Более того, и сам Иван IV в молодости почтительно внимал нравоучительным речам священника Сильвестра и митрополита Макария.

В речи, предшествовавшей венчанию Ивана Васильевича на царство в январе 1547 года, митрополит, среди прочих напутствий, пожелал юному государю:

да судиши люди твоя правдою и нищих судом, да възсияет в днех твоих правда и множество мира, да в тихости твоей тихо и безмлъвно житие поживем в всяком благочестии и чистоте <...>

суди людей твоих по правде и бескорыстным судом, да воссияет в днях твоих правда и множество мира, да в тихости твоей будем жить мы тихой и спокойной жизнью во всяком благочестии и чистоте <...>

Как мы теперь знаем, подданным Грозного было не суждено насладиться «тихим и безмолвным житием»! В годы террора были забыты и слова наставника о праведном суде, о милости и «жаловании» к людям, чему Макарий уделил значительное место в своем «поучении», адресованном 16-летнему царю сразу после коронации.

В последние десятилетия своего царствования Иван IV не желал больше слушать ничьих поучений. Запретил он и обычай «печалования» за опальных, которым по традиции пользовались предстоятели Русской церкви: как мы помним, этот запрет был одним из условий введения опричнины. Когда же митрополит Филипп (Колычев), повинувшись паптырскому долгу, осмелился нарушить повеление царя и возвысил свой голос против опричных бесчинств, он был лишен сана и заточен в монастырь (1568), а год спустя умерщвлен Малютой Скуратовым.

Таким образом, как видно из вышесказанного, опричнина была аномалией, нарушением привычного

порядка отношений царя и его подданных. Традиционная система этих взаимоотношений, сложившаяся при деде и отце Грозного и восстановленная при его преемнике, хотя и наделяла государя формально неограниченной властью, подчиняла его некоторым мягким формам контроля, включая разнообразные «поучения», которые великому князю или царю приходилось выслушивать от влиятельных церковных деятелей по тем или иным поводам, а также право «печалования», которым митрополиты при поддержке бояр активно пользовались вплоть до 1560-х годов. Но, разумеется, такому деспоту, как Иван IV, даже подобные мягкие формы контроля казались недопустимым ограничением его державной воли.

«ВОТЧИННЫЙ ГОСУДАРЬ» И ЕГО «ХОЛОПЫ»

Едва ли кто из образованных русских людей XVI века столь часто и подробно высказывался о характере царской власти, как сам государь Иван Васильевич. При этом он ссылался на авторитет Священного писания и отцов церкви, опирался на хорошо им усвоенное учение Иосифа Волоцкого и использовал ряд привычных понятий, но давал им такую оригинальную трактовку и делал настолько радикальные выводы, что нарисованный им образ российского самодержавия несет на себе явный отпечаток его личности и, вопреки сложившейся практике, не может служить

иллюстрацией общепринятых политических представлений той эпохи.

Требую беспрекословного повиновения своей воле, царь в первую очередь ссылался на известные слова апостола Павла (из Послания римлянам, 13: 1–2): «Всякая душа да будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от Бога <...> Посему противящийся власти противится Божию установлению». Отсюда Грозный выводил следующий силлогизм: «Смотри же сего и разумей, — писал он Андрею Курбскому, — яко противляйся (противящийся. — М. К.) власти Богу противится, аще убо кто Богу противится, — сей отступник именуется, еже убо горчайшее согрешение». Так под пером державного полемиста политическое преступление — неповиновение светским властям — превращалось в тяжкий грех богоотступничества.

Наряду с богословскими аргументами царь использовал понятия, которые к описываемому времени перешли из хозяйственно-бытовой сферы в политико-правовую: «вотчина», «государь», «холоп».

Уже дед Грозного, Иван III, называл своей «вотчиной», т. е. наследственным достоянием, Новгородскую землю во время конфликта с вечевой республикой, а затем и древнерусские города, входившие тогда в состав Великого княжества Литовского. В том же значении слово «вотчина» использовалось и впоследствии для обоснования территориальных притязаний московских государей — вспомним, к примеру, собор 1566 года о войне или мире с Польшей и Литвой, все участники которого единодушно называли Ливонию «вотчиной»

русского царя. Но Иван Васильевич нашел еще одно применение этому понятию — он последовательно отстаивал своего рода местнический принцип, согласно которому «вотчинный», т. е. наследственный, государь занимал более высокое место в иерархии правителей, чем выборный.

Так, шведскому королю Юхану III царь выговаривал в 1573 году:

Первое, что ты пишешь свое имя наперед нашего, и то не по пригожю, потому что нам цысарь Римский брат и инья великия государи, а тебе тем братом назватись невозможно, потому что Свейская земля тех государств честию ниже <...> А сказываешь отца своего вотчину Свейскую землю, и ты б нам известил, чей сын отец твой Густав, и как деда твоего имянем звали, и на королевстве был ли.

Первое: то, что ты пишешь свое имя перед нашим, — это неприлично, потому что нам Римский император брат и иные великие государи, а тебе невозможно им братом называться, потому что Шведская земля тех государств честью ниже <...> А говоришь, что Шведская земля — вотчина отца твоего, и ты бы нам сообщил, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, и был ли он на королевском престоле.

Ирония Ивана Васильевича имела под собой некоторые основания: действительно, отец Юхана — Густав

Ваза, основатель новой династии, был дворянином, избранным в 1523 году на шведский престол.

«А то правда истинная, а не ложь, — продолжал издаваться царь, — что ты мужичей род, а не государьской». И далее:

А пишешь к нам, что отец твой венчаный король, а мати твоя также венчанная королева, — ино то отец твой и мати твоя и венчанная, а дотоле не бывал никто! Уже так сказываешься государьской род, и ты скажи, отец твой Густав чей сын, и как деда твоего звали, и где на государстве сидел, и с которыми государи был в братстве, и которого ты роду государьского? Пришли родству своему писмо, и мы по тому розсудим.

А что пишешь ты нам, что отец твой — венчаный король, а мать твоя — тоже венчанная королева; так ведь, хотя отец твой и мать — венчанная, а ранее [из их предков] никто [на престоле] не бывал! А уж если называешь свой род государским, то ты скажи нам, чей сын отец твой Густав и как деда твоего звали, и в каком государстве [на престоле] сидел, и с какими государями был в братстве, и какого ты государьского рода? Пришли роспись твоего родства, и мы по ней рассудим.

Но даже Сигизмунда II Августа, который бесспорно принадлежал к королевскому роду (он был последним из династии Ягеллонов, правившей в Литве и Польше

с конца XIV века), царь Иван не считал себе равней, похваляясь большей древностью и знатностью своего рода, восходившего якобы (согласно родословной легенде, сочиненной в начале XVI века при московском дворе) к самому римскому императору Августу, а особенно тем, что все царские предки будто бы были самодержцами. В послании Сигизмунду II, написанном от имени князя М. И. Воротынского, но по приказу Грозного, «вольное царское самодержество» гордо противопоставлялось соседнему «убоному королевству», поскольку-де

наши государи от великого Владимира, просветившего всю землю Русскую святым крещением, и до нынешняго государя нашего их вольное царское самодержество николи непременно на государьстве, и никем не посажены и не обдержимы, но от всемогущие Божия десницы на своих государьствах государи самодержествуют, а вы потому своих панов рад слушаете, што прародителей твоих [здесь автор обращается к Сигизмунду II. — М. К.] гетманы литовские <...> на Литовское княжество взяли.*

наши государи от великого Владимира, просветившего всю Русскую землю святым крещением, и до нынешнего государя нашего сидят непрерывно на престоле; никем не посажены и ни от кого не зависимы,

* Паны-рада — высшие сановники Великого княжества Литовского, члены совета при великом князе.

но всемогущей Божией десницей на своих государствах [поставленные], государи самодержавно правят. А вы потому своих панов-раду слушаете, что прародителей твоих [Сигизмунда II] гетманы литовские <...> на Литовское княжество взяли.

На основе приведенной генеалогической «справки» делается неутешительный для короля вывод: «Ино потому ты своим паном и послушен, что есте не коренные государи». То ли дело предки Ивана Грозного — все они, как и он сам, государи-самодержцы,

и никто же им ничем не может указу учинити и волны добрых жаловати, а лихих казнити, а ты [король. — М. К.] по делу не волен еси, что еси посаженой государь, а не вотчинной, как тебя захотели паны твои, так тебе в жалованье государьство и дали.

и никто им ни в чем не может указывать, и вольны добрых жаловать, а злых казнить. Ты же [король] на деле не волен, потому что ты не наследственный, а посаженный государь: как захотели твои паны, так и дали тебе государство в пожалование.

Та же «вотчинная» терминология использовалась певцом «вольного самодержавства» и при описании отношений со своими подданными. «А жаловати есмья своих холопей вольны, а и казнити вольны же», — так Грозный ответил Курбскому на брошенное ему беглым

боярином обвинение в казнях и расправах, учиненных над воеводами и иными приближенными царя.

Именованье служилых людей «холопами» государства появилось в придворном этикете в конце XV века*. Это новшество стало отражением реальных перемен, которые произошли в отношениях между великими князьями московскими и их военными слугами во второй половине XV века, т. е. в эпоху образования Московского государства. В предшествующий период военная служба сохраняла своего рода вассальный характер: бояре, где бы ни находились их земельные владения, могли выбирать, какому князю служить. Этот принцип многократно повторялся и закреплялся в междукняжеских договорах: «А боярам и слугам межи нас вольным воля». Но уже во время династической войны второй четверти XV века упомянутый принцип фактически перестал соблюдаться, и переходы бояр и слуг от одной враждующей стороны к другой стали рассматриваться как измена и караться соответствующим образом.

В едином государстве от бывшего права «отъезда» остались только воспоминания. Переход с великокняжеской службы на службу в один из уделов был возможен только с санкции государя, а побег за границу однозначно считался изменой и влек за собой

* Впервые эта этикетная формула документально зафиксирована в сентябре 1489 года, когда муромский наместник князь Федор Хованский начал свое донесение Ивану III о приезде ногайских послов словами: «Государю великому князю Ивану Васильевичю всеа Русии холоп твой, государь, Федорец Хованской челом бьет».

конфискацию владений беглеца, а порой и аресты его родственников.

С исчезновением «вольной службы» бояре и дети боярские оказались в сильной личной зависимости от великого князя, которая весьма напоминала отношения несвободных слуг (холопов) к своему господину. Среди последних были не только «страдники», т. е. холопы, работавшие на пашне, но и послужилыцы — ратники, сопровождавшие боярина в военных походах, и тиуны, управлявшие его хозяйством. В условиях господства патримониальных (вотчинных) отношений естественной выглядела аналогия между великокняжеским двором — военным и административным центром формирующегося Русского государства — и двором какого-нибудь крупного землевладельца. А после того как старинное слово «господарь», т. е. «хозяин», расширило свое значение, став титулом великих князей московских как суверенных правителей, та же вотчинная терминология подсказала новое обозначение для изменившегося статуса их военных слуг. Все Московское государство представлялось огромной «вотчиной» государя, а бояре и слуги, находившиеся в его полной власти, стали именоваться его «холопами».

Следует подчеркнуть, однако, что это уничижительное именование носило этикетный характер и употреблялось только в одном контексте — при обращении (челобитье) боярина или иного служилого человека к государю. Сходным образом в течение XVI века утвердились этикетные формулы и для других слоев населения: духовные лица по отношению

к царю именовали себя его «богомольцами», а крестьяне — «сиротами».

Изъявление полной покорности государю, выражавшееся в словах «холоп твой (такой-то) челом бьет», шокировало в свое время посла Габсбургов Сигизмунда Герберштейна, не привыкшего к подобному стилю отношений аристократов с монархом, — так появился уже известный нам пассаж в его «Записках», где говорилось о «рабстве» жителей Московии. Но справедливости ради нужно отметить, что реальная действительность не сводилась к этикетной формуле.

Русские вельможи того времени отнюдь не были «рабами» великого князя — в отличие от тех невольников, которые служили при дворе турецкого султана, становясь при удачном стечении обстоятельств его «министрами» (визирями). Знатный князь или боярин XVI века, как правило, имел свой собственный «двор» — уменьшенную копию царского двора — и обширные родовые владения, которые он мог завещать наследникам или отдать «по душе» в монастырь. В его распоряжении был целый штат слуг, а также вооруженный отряд из холопов-послужильцев, с которым он отправлялся на войну.

Конечно, придворный не был застрахован от попадания в опалу, мог лишиться свободы, имущества и даже жизни. Но, как известно, такими гарантиями не располагали придворные и других монархов (например, Генриха VIII). Важно, однако, что, согласно заведенному обычаю, опальному вельможе должна была быть «сказана» его вина, т. е. предъявлено

обвинение, и проведено какое-то судебное разбирательство.

Эти «формальности» были полностью отброшены в годы опричнины. Еще в 1564 году, незадолго до ее введения, Курбский напоминал царю о «погибших и избьенных от тебе неповинно, и заточенных, и прогнанных без правды», т. е. без суда. Протесты раздавались и внутри страны: в 1566 году игумен Соловецкого монастыря Филипп Колычев перед избранием на митрополичью кафедру просил, чтобы «царь и великий князь отставил опричнину, а не отставит, и ему в митрополитех быти невозможно». Тогда Филиппа удалось уговорить, и он стал митрополитом, дав обязательство «в опришнину <...> не вступатися». Но два года спустя, как уже говорилось, конфликт между ним и царем вспыхнул вновь и привел к низложению и гибели митрополита.

В том же 1566 году большая группа дворян во главе с князем Василием Федоровичем Рыбиным Пронским и Иваном Михайловичем Карамышевым подала царю петицию об отмене опричнины. По словам летописца,

И бысть в людех ненависть на царя от всех людей, и биша ему челом и даша ему челобитную за руками о опришнине, что не достоин сему быти.

И возникла в народе ненависть к царю от всех людей, и били ему челом и подали ему челобитную со своими подписями об опричнине, что не должна она существовать.

Грозный ответил репрессиями: челобитчики были брошены в тюрьму, а Рыбин и Карамышев, признанные зачинщиками, казнены.

Можно, конечно, сказать, что протесты и петиции — малоэффективный способ борьбы с тиранией. Гораздо успешнее действовали шведские дворяне, поднявшие в 1568 году восстание против своего вставшего в безумие короля Эрика XIV и свергнувшие его с престола. Русское дворянство, расколотое и деморализованное опричным террором, на подобное оказалось неспособно. И все же не стоит недооценивать эти челобитные и другие мирные акции протеста: они свидетельствуют о том, что подданные Ивана Васильевича вовсе не чувствовали себя бессловесными рабами, какими их желал видеть грозный царь.

Тираны не умеют предвидеть последствия своих действий: уже сыновья тех, кто пережил опричину, постарались использовать первый подходящий момент, чтобы ограничить царскую власть и тем самым избежать повторения террора. Такой момент наступил весной 1606 года, когда после свержения и убийства Лжедмитрия («Дмитрия Ивановича») царем стал боярский ставленник Василий Шуйский. Перед вступлением на престол он дал «крестоцеловальную запись» — первое в истории нашей страны клятвенное обязательство правителя перед своими подданными:

И поволил есми яз, царь и великий князь Василий Ивановичь всяя Руси, целовати крест на том, что мне, великому государю, всякаго человека, не осудя

истинным судом с бояры своими, смерти не предати, и вотчин, и дворов, и животов (имущества. — М. К.) у братьи их, и у жен и у детей не отъимати <...>

И соизволил я, царь и великий князь Василий Иванович всея России, целовать крест на том, что мне, великому государю, любого человека, не осудив истинным судом со своими боярами, смерти не предать, и вотчин, и дворов, и имущества у братьев их, жен и детей не отнимать <...>

«ДЕЛО ГОСУДАРЕВО И ЗЕМСКОЕ»: ПОНЯТИЕ ОБЩЕГО БЛАГА В РОССИИ XVI ВЕКА

Православие и неограниченная власть царя (в идеале слушающего своего «отца»-митрополита и «добрых» советников) составляли два столпа, на которых строилось Российское государство, постепенно перераставшее рамки царской «вотчины». Но была еще одна идея, поначалу не вполне ясная, но впоследствии обнаружившая узнаваемые черты концепции «общего блага», без которой не могло обойтись ни одно государство раннего Нового времени.

Начиная с XIII века понятие общего блага активно разрабатывалось в западной политической и юридической мысли. Этому, в частности, способствовало новое открытие трудов Аристотеля. Так, в учении Фомы Аквинского целью человеческого закона объявлялось общее благо людей. Соответственно, законными

считались лишь те установления, которые исходили из этого общего блага и регулировали человеческое поведение в связи с ним. Перу ученика Аквината, флорентинцу Ремигию деи Джиролами, принадлежал первый специальный трактат «Об общем благе» (1302). А крупнейший французский юрист Филипп де Бомануар в составленном им сборнике обычного права «Кутюмы Бовези» (1283) писал о власти монарха: «Надо понимать, что король является сувереном над всеми и на основании своего права охраняет все свое королевство, в силу чего он может создать всякие учреждения, какие ему угодны для общей пользы, и то, что он устанавливает, должно соблюдаться» (выделено мной. — М. К.).

Труды Аристотеля были известны и некоторым русским книжникам XVI века, в частности Федору Карпову, в одном из сочинений которого цитируется «Никомахова этика». Федор Иванович Карпов, известный дипломат, придворный Василия III и юного Ивана IV, был одним из образованнейших людей своего времени, знатоком не только Аристотеля, но и римской поэзии. В послании митрополиту Даниилу, написанном в 20-х или 30-х годах XVI века, Карпов рассуждал о пагубных последствиях излишнего терпения, из-за которого «дело народное (калька с лат. *res publica*. — М. К.) в градах и царствах погибнет». По его мнению, долготерпение «в людех без правды и закона общества добро разрушает и дело народное ни во что низводит». В том же произведении встречается и выражение «дело опщее человеческое».

Однако за несколько десятилетий до того, как Ф. И. Карпов взялся за перо, мысль о служении неким высшим общим интересам прозвучала из уст Ивана III, но в более приземленном, отнюдь не философском контексте. Интересно, что запись этих слов сохранилась в документах дипломатического ведомства (будущего Посольского приказа), где служил и Федор Карпов. В посольской книге, где фиксировались отношения с Литвой, сообщается о посылке Иваном III в 1502 году дьяка Ивана Телешова к своему сыну, князю Дмитрию, осаждавшему тогда Смоленск. Великий князь потребовал от сына и воевод решительных действий: «И вы бы за тем дела не откладывали, уповая на Бога и на Живоначальную Троицу, и на Пречистую Его Матерь, и на святых чудотворец, и на родительскую молитву, города бы есте Смоленска доставали и *дело наше и земское* делали, посмотри по делу, как вас Бог вразумит и как вам Бог поможет».

Происхождение выделенного мной выражения — «дело наше (т. е. великого князя. — М. К.) и земское» — остается неясным. До 1502 года такое словосочетание в источниках не встречается. Зато выражение «земские дела» известно по крайней мере с 50-х годов XV века в значении «земные» (т. е. светские) дела — в противоположность церковным. Так, например, в послании митрополита Ионы во Псков говорилось:

А что есте, сынове, присылали к великому господарю, а к нашему сыну <...> к великому князю <...> своих псковских послов о которых о земских делех: и то

вам, нашим детем, от ваших послов все же будет ведомо. А что, сынове, и к нашему смерению (т. е. к самому митрополиту. — М. К.) о чем есте с теми вашими послы приказавали и с челобитьем, и мы, сынове, по вашему челобитью, а по своему святительскому долгу, колико мощно, говорил есмя и благословлял <...>

А что вы, сыновья [наши], присылали к великому господарю, а к нашему сыну <...> к великому князю <...> своих псковских послов о неких мирских делах, и то вам, нашим детям, от ваших же послов все будет известно. А о чем вы, сыновья, нам с теми вашими послами передали просьбу, и мы, сыновья, по вашему прошению, а по своему святительскому долгу, насколько возможно, говорили и благословляли <...>

Но в процитированной выше записи 1502 года в посольской книге выражение «земское дело» имело явно другое, светское значение. Образую единое целое с «делом» великого князя, оно относилось к задаче чрезвычайной важности, поставленной перед сыном Ивана III и сопровождавшими его воеводами.

Можно предположить, что интересующая нас «двуединая формула» родилась в придворной канцелярской среде. Упоминается она и в челобитной Ивана Яганова, тайного осведомителя великого князя при удельном Дмитровском дворе (о нем уже шла речь выше, в главе 5), адресованной юному Ивану IV. Напоминая о своих заслугах, Яганов писал:

И яз, государь, ищучи государева дела и земсково, да з дмитровцы неколько своего животишка истерял.

И я, государь, радея о государевом деле и земском, у дмитровцев часть своего имущества потерял.

Как видим, тайный сыск тоже признавался делом государственной важности — «делом государевым и земским». Примечательно, что соглядатай выражал свою преданность не только великому князю, но и «земле», т. е. стране: «тобе, государь, служу и земле твоей добра хочу».

В первой половине XVI века выражение «дело государево и земское» употреблялось сравнительно редко. Как правило, ратная служба, военные походы именовались тогда «делом великого князя», но в середине XVI века, в период казанских походов 1549–1552 годов, широкое распространение получила именно формула «дело государево и земское». Вот, например, как в разрядной книге* излагается принятое в июле 1549 года решение о выступлении Ивана IV в очередной казанский поход: «царь и великий князь Иван Васильевич всея Руси, полова упование на Бога и на пречистую Богородицу, и на великих чюдотворец, приговорил з бояры, как ему своего дела и земского беречи и делати над Казанью». Торжественность момента была подчеркнута речью, с которой Иван IV и митрополит

* Разрядные книги — ежегодные записи официальных назначений воевод на ратную службу, с распределением по полкам и местам службы. Велись с конца XV века.

Макарий перед выступлением в поход обратились к боярам, воеводам и всем служилым людям. В речи говорилось о том, что «царь и великий князь идет на свое дело и на земское х [к. — М. К.] Козани и дела своего и земского беречи, сколько ему милосердый Бог поможет», а от бояр, воевод и рядовых воинов требовалось, чтобы они «государю царю и великому князю и за все православное христианство служили, сколько им Бог поможет, и розни бы <...> меж их однолично никоторые не было». Царская речь заканчивалась призывом «для земского дела» забыть на время похода о личных и родовых счетах и служить там, куда кого пошлют.

Впоследствии все крупные военные кампании 1550–1570-х годов (особенно с личным участием царя) неизменно именовались «делом государевым и земским».

Зародившись, по-видимому, в канцелярской среде, интересующая нас формула к середине XVI века приобрела широкое распространение, став устойчивым словосочетанием (топосом), и в таком качестве проникла в летописание. Так, в памятнике первой половины 1550-х годов, Летописце начала царства, под 1540 годом говорится о том, что

князь Иван Васильевич Шуйский на митрополита и на бояр учал гнев держати и к великому князю не ездити, ни з бояры советовати о государьских делех и о земских.

князь Иван Васильевич Шуйский разгневался на митрополита и на бояр и перестал ездить к великому

князю и с боярами советоваться о государских и земских делах.

Еще выразительнее пассаж, появившийся в более поздней редакции той же летописи под 1538 годом. Осуждая боярские распри в годы малолетства Ивана IV, летописец замечает:

И многие промеж их бяше вражды о корыстех и о племянех их, всяк своим печется, а не государьским, ни земьским.

И много между ними было вражды из-за их родни и прибытков; каждый о своем печется, а не о государском и не о земском.

Общегосударственная «польза», выраженная двуединой формулой «государское и земское [дело]» противопоставлена здесь своекорыстным клановым интересам боярских правителей.

Едва ли случайно подъем идеологии общей пользы, «земского дела» пришелся на время созыва первых соборов (1549, 1551 и 1566 годов). По-видимому, перед нами две стороны одного и того же процесса — формирования сферы публичной политики и втягивания в нее десятков и сотен людей разного социального статуса, или «чина», как говорили в Московской Руси.

Этот процесс не был остановлен и опричниной. Более того, по странной прихоти царя государев «удел» оказался отделен от остальной страны — «земщины».

И хотя на долю последней в период террора выпали тяжкие испытания, 60-е и 70-е годы XVI века стали временем дальнейшего осмысления «земской» идеи.

Припомним уже известный читателю указ об учреждении опричнины, дошедший до нас в летописном изложении. Там, в частности, был такой пассаж: «Государство же свое Московское, суд и управу, и *всякие дела земские* приказал ведати и делати бояром своим, которым велел быти в земских <...> а ратные каковы будут вести или *земские великие дела*, и бояром о тех делех приходити ко государю» (выделено мной. — М. К.).

Обращает на себя внимание выражение «земские великие дела». Очевидно, за полвека статус «земских дел» явно повысился: будучи ранее необязательным дополнением к «делу» великого князя или царя, к 1560-м годам они приобрели самостоятельное значение и даже стали в глазах официального летописца «великими земскими делами»!

Дальнейшее развитие «земской» идеологии пришлось уже на эпоху Смуты начала XVII века. В частности, ею пронизаны документы Второго ополчения, освободившего Москву. Так, в грамоте в Соль Вычегодскую, отправленной 11 ноября 1612 года, князя Д. М. Пожарский и Д. Т. Трубецкой от имени «всей земли» сообщали радостную весть об освобождении столицы и призывали местные сольвыгодские власти «радеть и промышлять» о «земских <...> и о всяких делах», регулярно извещая обо всем руководителей ополчения в Москве и советуясь с ними, «покаместа нам всем Бог даст на Московское государство государя

по совету всей земли». А «для земсково вопчево дела» сольвычегодцы должны были прислать в Москву пять выборных человек.

Так идеология «земского общего дела», зародившись раньше соборной практики и существуя во второй половине XVI века параллельно с нею, в начале XVII столетия стала ее частью.

Важной вехой в этом длительном процессе была середина XVI века: созыв первых соборов и формирование понятия о «великих земских делах» отражали начавшийся переход патримониальной монархии (царской «вотчины») к раннемодерному государству.

ГЛАВА 10. «НАШЕ РОССИЙСКОЕ ГОСУДАРСТВО»: РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПАТРИОТИЗМА

«Государство, — писал выдающийся американский медиевист Джозеф Стрейер, — существует главным образом в сердцах и умах людей.

Если они не верят, что оно есть, никакие логические упражнения не вызовут его к жизни». В начале книги я уже приводил выделенные Стрейером признаки государства Нового времени. Здесь нас интересует последний из этих признаков — «перенос лояльности с семьи, местного сообщества или религиозной организации на государство и обретение государством морального авторитета». Стрейер подчеркивал, что этот процесс носит настолько постепенный характер, что его трудно документировать, но в конце концов подданные принимают идею, что интересы государства должны преобладать, а его сохранение является величайшим благом.

В этой главе мы поговорим о том, когда и как государство стало основой идентичности политически активных слоев населения России и при каких

обстоятельствах в нашей стране возник государственный патриотизм.

Хотя слово «патриотизм» вошло в русский язык только в XVIII веке, само это явление, разумеется, гораздо старше. Любовь к родной земле была свойственна людям во все времена, но в каждую эпоху проявления этого чувства имели свои особенности. Вплоть до середины XV века на Руси преобладал местный патриотизм, т. е. любовь к малой родине — своему городу, княжеству или земле. Нередко символом местного единства становились кафедральный собор в главном городе этой земли и святой покровитель, во имя которого он был построен. Например, в Новгороде таким патроном выступала Святая София, в Пскове — Святая Троица, а в Твери — Святой Спас.

Живший в XIV веке автор «Повести о Довмонте» — знаменитом псковском князе (княжил в 1266–1299 годах), которого псковичи после его смерти почитали как святого, — вложил в уста своего героя речь, будто бы сказанную Довмонтом перед одним из сражений:

Братья мужи-псковичи, кто стар, то отец, а кто млад, той брат! Слышал емь мужество ваше во всех странах, се же, братья, нам прележит живот и смерть. Братья мужи-псковичи, потянете за Святую Троицу и за святыха церкви, за свое отечество!

Братья мужи-псковичи, кто стар, тот [мне] отец, а кто млад — тот брат! Слышал я о мужестве вашем во всех странах, сейчас же, братья, нам предстоит

жизнь или смерть. Братья мужи-псковичи, потрудитесь за Святую Троицу и за святые церкви, за свое отечество!

В данном случае под «отечеством», естественно, понимались Псков и его округа.

А в Твери возник культ местного князя Михаила Ярославича, убитого в Орде в 1318 году. Автор его жития представил гибель князя как акт самопожертвования — будучи оклеветан перед ханом, Михаил Ярославич отправился в Орду на верную смерть, чтобы отвести угрозу разорения от своей земли. По словам агиографа, князь Михаил «умысли положити душу свою за отчество, избави множество от смерти своею кровию и от многообразных бед». Здесь под «от(е)чеством» понимается Тверское княжество, соперничавшее тогда с Москвой.

В Новгороде и Пскове местный патриотизм оставался господствующим умонастроением еще в середине XV столетия, незадолго до поглощения обеих вечевых республик формирующимся Московским государством. В этом плане весьма красноречив рассказ псковского летописца о пребывании в его городе новгородского архиепископа Евфимия в конце декабря 1448 года (Псков входил в новгородскую епархию). На третий день по приезде владыка служил в Троицком соборе поминальную службу. По словам летописца,

и злыя проклيناша, которыя зла хотят дому святей Софии, и дому святей Троицы, и Великому Новуграду

и Пскову, а благоверным князем, лежащим в дому святей Софии и в дому святей Троицы, тем пеша вечную память, тако же и иным добрым людям, котории положиша свои главы и кровь свою пролияша за дома Божия и за православное христианство, тем пеша вечную память, а живущим окрест святого София в Великом Новгороде и окрест святей Троицы в Великом Пскове, и добра хотящим Новгороду и Пскову, тем пеша многа лета.

и злых проклинали, которые зла хотят дому Святой Софии, и дому Святой Троицы, и Великому Новгороду и Пскову, а благоверным князьям, лежащим в храме Святой Софии и в храме Святой Троицы, тем пели вечную память; так же и иным добрым людям, которые сложили свои головы и кровь свою пролили за дома Божию и за православное христианство, тем пели вечную память, а живущим вокруг Святой Софии в Великом Новгороде и вокруг Святой Троицы в Великом Пскове и добра хотящим Новгороду и Пскову, тем пели многая лета.

Но даже в тех случаях, когда средневековый книжник стремился выйти за рамки местных интересов, в его распоряжении не было иного понятия для выражения общерусского единства, кроме словосочетания «Русская земля», которое обозначало страну, религиозно-культурную общность, но отнюдь не государство. В течение нескольких веков политический идеал оставался тем же, что и в эпоху «Слова о полку Игореве» (конец XII столетия), — прекращение княжеских

усобиц и единение князей перед лицом внешней угрозы (будь то набеги половцев, нашествие монголов или нападение иных врагов). Сосредоточение всей власти в одних руках в эту картину мира не входило.

Подобное мировоззрение сохранялось еще во второй половине XV века, т. е. в то самое время, когда Иван III, как мы знаем, энергично отстаивал суверенитет растущего на глазах Московского государства. Наглядный пример такого восприятия родины, при котором лояльность местным властям и почитание местных святынь сочетаются с тревогой за судьбы большой общности, именуемой «Русской землей» и никак не конкретизируемой в политических терминах и не локализуемой в пространстве, мы находим в «Хожеении за три моря» Афанасия Никитина — замечательных путевых заметках тверского купца, побывавшего в Персии и Индии и умершего по дороге домой близ Смоленска в 1474 или 1475 году.

Описание отъезда в записках Никитина выдает в нем верного сына Тверской земли:

Поидох от Спаса святаго златоверхаго и съ его милостию, от государя своего от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго и от владыкы Генадия Тверскаго <...>

Пошел я от златоглавого храма Святого Спаса с его милостью, от государя своего — от великаго князя Михаила Борисовича Тверскаго — и от владыки Генадия Тверскаго <...>

Но, как говорится, большое видится на расстоянии: во время долгих странствий купца посещали мысли о судьбе всей Русской земли: «А Русь Бог да сохранит, — написал он на тюрко-персидском наречии. — Господи, храни ее! На этом свете нет страны, подобной ей, хотя беи (вельможи, по-тюркски. — М. К.) Русской земли несправедливы. Да устроится Русская земля и да будет в ней справедливость».

Тревогой за судьбу Русской земли пронизан и другой памятник того времени — летописная «Повесть о стоянии на Угре», написанная, как полагают исследователи, в 1480-х годах в Ростове (возможно, по заказу местного архиепископа). Свое сочинение ростовский книжник завершил ярким патриотическим призывом:

О храбри мужественни сынове русици! Подщитесь свое отечество, Рускую землю, от поганых сохранити, не пощадите своих глав, да не узрят очи ваши разпленения и разграбления домов ваших, и убьяния чад ваших, и поругания над женами и детми вашими, яко же пострадаша инии велицыи славнии земли от турков.

О храбрые и мужественные сыны русские! Постарайтесь свое отечество, Русскую землю, спасти от неверных; не пощадите своей жизни, да не узрят ваши очи пленения и разграбления домов ваших, и убиения детей ваших, и насилия над женами и детьми вашими, как пострадали иные великие и славные земли от турок.

Призывая своих соотечественников дать решительный отпор ордынцам, автор Повести напоминал о печальной участи других народов (болгар, сербов, греков, албанцев, хорватов, боснийцев и иных), ставших жертвой османского завоевания: им, по его словам, не хватило мужества, и они «погибоша, отечество изгубиша и землю и государство, и скитаются по чужим странамъ бедне воистину».

В процитированной фразе обращает на себя внимание слово «государство», едва ли не впервые употребленное в подобном контексте: выше автор вполне традиционно использовал понятия «отечество» и «Русская земля» как синонимы, а здесь он добавил в привычную формулу новый элемент — «государство». Какую смысловую нагрузку нес этот элемент?

В конце XV века слово «государство» (а точнее «господарство») использовалось еще редко и означало власть и достоинство господаря (вспомним выражение «мое государство», которое московский летописец вложил в уста Ивана III в рассказе о взятии Новгорода в 1477/78 году). Поэтому в триаде «отечество — земля — государство», использованной автором «Повести о стоянии на Угре», первый элемент указывал на наследие предков, второй обозначал страну, а третий, надо полагать, — ее правителей, властей предрежащих. Не случайно далее в том же тексте автор упоминает виденных им «своима очима» (своими глазами) «великих государей, избегших от турков со имением и скитающихся, яко странним (подобно странникам. — М. К.), и смерти у Бога просящих».

Так впервые под пером русского книжника возник дуализм «земли» и «государства», который в следующем столетии нашел продолжение в уже знакомой нам формуле «дела государевы и земские».

В летописных текстах первой половины XVI века слово «государство» расширило свое значение, но сохранило тесную связь с особой государя. Нередко оно обозначало престол. Например, в Летописце начала царства, составленном в начале 1550-х годов, о покойном Василии III сказано, что он «быв на государстве на великом княжении после отца своего великого князя Ивана Васильевича всеа Руси 28 лет и тридесят дней и седм». «На государстве», как на престоле, можно было пребывать, и его следовало крепко «держать», не давая шанса другим претендентам. Так, арест удельного князя Юрия Дмитровского из-за опасений, которые он внушал опекунам маленького Ивана IV, описывается в той же летописи следующим образом:

И бояре реша великой княгине [Елене Глинской. — М. К.]: толко, государыни, хочешь государство под собою и под сыном под своим, а под нашим государем, крепко держати, и тебе пригоже велети поимати князя Юрья.

И бояре сказали великой княгине: если, государыня, хочешь престол под собою и под сыном твоим, а под нашим государем, крепко держать, то тебе следует приказать арестовать князя Юрия.

Часто слово «государство» употреблялось во множественном числе: например, послы, прибывавшие в 1530-х годах ко двору юного Ивана IV, «здравствовали великого князя на великих государствах». Можно предположить, что такая грамматическая форма соответствовала титулу «государя всея Руси», в котором перечислялись все подвластные ему земли и княжества.

Другим распространенным значением интересующего нас слова было «царствование», «правление». В частности, события было принято датировать по годам пребывания государя у власти: «в первое лето государства благочестиваго и христоролюбиваго великого князя Ивана Васильевича всеа Русии самодержца».

«Государство» в изучаемый период означало также власть государя над своими подданными. Летописец сообщает, например, о созыве в феврале 1539 года в Москву архиереев для выборов нового митрополита: «Тое же зимы великий государь самодръжец Иван Васильевич всеа Русии послал по всех архиепископов и епископов, иже под его государством».

Наконец, то же слово употреблялось (как правило, во множественном числе) для обозначения территорий, подвластных великому князю или царю. Так, в связи с приездами ногайских послов в летописи часто упоминается просьба ногайских мурз к Ивану IV, «чтобы их князь великий жаловал дружбою с собою и людем их ослободил в свои государства ходити торговати с коньми и с ыными товары».

Таким образом, даже в пределах одного большого летописного текста (уже упомянутого выше Летописца

начала царства) слово «государство» обнаруживает целый веер значений: престол, власть государя, его правление (пребывание на престоле), подвластные ему территории. Однако все они неразрывно связаны с личностью правителя: «государство» в летописи середины XVI века все еще выступает как атрибут государя. Однако в то время уже наметились важные перемены в сфере политической семантики. Они обнаруживаются в текстах, вышедших из иной, канцелярской, среды.

В Судебнике 1550 года, в 27-й статье, в которой определяется порядок рассмотрения тяжб между местными жителями и иностранцами, говорится:

А которой человек здешнаго государства взыщет на чюжеземце или чюжеземец на здешнем человеке, и в том дати жеребей: чей ся жеребей вымет, тот, поцеловав, свое возмет или отцелуется.

А если какой-то человек здешнего государства взыщет на чужеземце или чужеземец на здешнем человеке, то в том кинуть жребий: чей жребий вынется, тот, поцеловав [крест], возмет свое или освободится от обвинения.

Сама описанная процедура разрешения спора нас в данном случае не интересует, зато пристального внимания заслуживает выделенное мною выражение «человек здешнего государства», которое указывает на подданство и территориально-государственную

принадлежность (в том же смысле, что и «здешний человек», упомянутый в той же статье). Важно отметить, что это первый случай употребления слова «государство» в законодательном памятнике: в Судебнике 1497 года его еще не было. Там упоминались только Московская и Новгородская земли (ст. 67), которые в совокупности составляли тогда основную территорию, подвластную Ивану III. Но вот в царском Судебнике 1550 года появляется слово «государство», причем с прилагательным «здешнее», которое придает всему выражению безличный смысл: «здешнее государство» никак не связано с особой государя, который в процитированной статье ни прямо, ни косвенно не упомянут.

Очевидно, обособление «государства» от «государя» быстрее отражалось в деловой письменности, чем в более традиционном летописном жанре. В сходном смысле слово «государство» употреблено и в законодательном акте конца XVI века — Уложении о холопах, изданном 1 февраля 1597 года: «*Московского государства всяким людем*, — говорится в этом документе, — холопы имена и на них крепости всякие записывати с нынешнего нового уложенья безсрочно» (выделено мной. — М. К.).

Конечно, определить точную дату, когда началось разделение понятий «государь» и «государство», едва ли возможно. Но зато основные вехи этой эволюции прослеживаются вполне отчетливо. Одна из них — середина XVI столетия, эпоха царского Судебника и Стоглавого собора (1551). В материалах Стоглава выражение

«Российское царство» используется в том же безличном смысле, что и «здешнее государство» в Судебнике («по всем градом Росийскаго царствия»). Вторая века — рубеж XVI и XVII веков, когда, по наблюдениям ряда исследователей, словосочетания «Московское государство» и «Российское царство» получили широкое распространение.

Со второй половины XVI века новая политическая лексика активно проникала в литературу различных жанров. В этом плане весьма показательна «Повесть о приходе Стефана Батория на град Псков», написанная в 1580-х годах участником героической обороны Пскова — местным иконописцем Василием. Хотя автор не отказывается от традиционного выражения «Русская земля», приметой времени в его сочинении является частое использование слов «царство» и «государство». Так, рассказ о походе царя в Ливонию (1577) предваряется в Повести фразой:

В та же времена на его государство прииде к нему, государю, весть от полнощныя страны Росийского его царства о насилии и нахождении <...> от Вифлянския земли немец.

Тогда же в его государство пришла к нему, государю, весть с северной стороны Росийского его царства о нападении немцев из Ливонской земли.

А по возвращении царя в Москву, говорит Василий, слава об одержанной государем победе разнеслась «не

только в Российском его царстве, но и по всем окрестным царством и королевством».

Отмеченная тенденция получила дальнейшее развитие в эпоху Смутного времени, когда понятие «Русская земля» было окончательно вытеснено «Российским царством» (или «Московским государством»), с которым теперь отождествлялась Родина. О том, насколько глубоко идея государственности проникла в умы современников Смуты, можно судить уже по названиям произведений начала XVII века: «Новая повесть о преславном Российском царстве», «Плач о пленении и о конечном разорении Московского государства», «Повесть о победах Московского государства» и т. д.

Особого внимания заслуживает первый из перечисленных публицистических памятников — «Новая повесть о преславном Российском царстве», написанная неизвестным автором в начале 1611 года. Примечательно, что, хотя к тому моменту на престоле уже полгода не было царя (после свержения Василия Шуйского летом 1610 года), сочинитель этого патриотического воззвания неоднократно использует выражение «наше государство». Так, превознося мужество защитников Смоленска, автор Повести восклицает: «И каково мужество показали и какову славу и похвалу учинили во *все наше Российское государство!*» А планы коварных врагов разоблачаются такими словами: «от давних лет мыслят на *наше великое государство* все они, окаянники и безбожники <...> како бы им *великое государство наше* похитити и вера христианская искоренити» (выделено мной. — М. К.).

Прошло сто с лишним лет с того времени, когда Иван III объяснял новгородцам, каким должно быть его «государство» в их земле. Теперь Российское государство стало своим («нашим») для безымянного автора этого агитационного сочинения и его единомышленников. Именно тогда, в эпоху Смуты, родился государственный патриотизм и появились патриоты — «доброхотящие Росийскому царству», как их называет автор «Новой повести».

Так Российское государство в годину тяжелых испытаний стало фактом общественного сознания и основной идентичности для многих индивидов и социальных групп. Тем самым был сделан еще один шаг на пути от патримониальной монархии к государству Нового времени.

МОСКОВСКОЕ ЦАРСТВО КАК ГОСУДАРСТВО РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ (ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ)

Рубеж XVI–XVII веков, канун Смутного времени, — поворотный момент в российской истории, а для нашей темы — естественная грань, завершающая первое столетие существования Московского государства. Если бросить ретроспективный взгляд на эти сто с небольшим лет, отделяющие эпоху Ивана III от Смуты и воцарения первого Романова, то нельзя не оценить масштаб и скорость происходивших изменений.

При жизни одного поколения вчерашний ханский «улусник» — московский князь — превратился в независимого правителя сильного государства, территория которого на глазах изумленных современников выросла в несколько раз. Суверенитет, общие законы, появление границ — все эти приметы современного государства заметны уже при Иване III.

Следующей важной вехой стали 50–60-е годы XVI века, когда в основном завершилось формирование центральных ведомств (приказов) и были созваны первые соборы. Тем самым в облике Российского царства проступила самая характерная черта ранне-модерного государства — деперсонализация властных функций. Нити повседневного управления находились отныне в руках приказных дельцов, и государственный

аппарат мог работать в автономном режиме, не требуя личного вмешательства царя. Это придало формирувавшемуся государству необходимую устойчивость и позволило ему пережить и дворцовые бури периода малолетства Ивана IV, и кровавые зигзаги опричнины, и лихолетье Смуты.

Но бюрократизацией не исчерпывались проявившиеся в середине XVI века перемены: тогда же обнаружилась еще одна важная тенденция — к расширению сферы публичной политики, к вовлечению верхушки дворянства и купечества, наряду с боярами и духовенством, в обсуждение вопросов войны и мира. Одновременно постепенно развивалась идеология «земского общего дела», в полной мере проявившая себя уже в начале следующего столетия.

Иван Грозный до конца жизни был непоколебимо уверен в том, что «государь государства болши» (как он заявил папскому нунцию Антонио Поссевино в 1581 году), но он сам своей политикой (включая опричное разделение страны) способствовал дальнейшему отделению государства (и как понятия, и как аппарата управления) от личности государя. На рубеже XVI–XVII веков Московское государство уже ясно осознавалось как политическая общность и служило основой идентичности для активной части дворянства и горожан. В годы Смуты ярко проявился государственный патриотизм.

Таким образом, Российское государство, подобно своим аналогам в других странах Европы, строилось не только «сверху», но и «снизу». Начиная с середины

XVI века через выборные органы на местах (губные и земские старосты, целовальники и т. д.) и через соборную практику в столице сотни людей приобщались к делам государственного управления. Правда, многим из них, по всей видимости, эта деятельность представлялась не почетным правом, а скорее обременительными обязанностями, сопряженными с немалыми затратами, риском и ответственностью. Но верно и то, что служба на выборных должностях повышала авторитет детей боярских в их местных корпорациях («служилых городах»), а впоследствии, в XVII столетии, лидеры уездного дворянства имели шанс быть избранными на часто созываемые при первых Романовых московские соборы.

Важно подчеркнуть, что применительно к рассматриваемой эпохе привычное для нас противопоставление «государства» и «общества» лишено смысла. С одной стороны, появление зачатков гражданского общества связано с определенным этапом эволюции русской государственности, а именно — с развитием соборной практики (и шире — с возникновением сферы публичной политики), когда члены различных социальных групп получили возможность высказывать свое мнение о происходящем в стране. С другой стороны, при малой численности бюрократического аппарата государство не могло не переложить часть управленческих функций на провинциальное дворянство (в борьбе с преступностью), верхушку купечества (в финансовых делах) и т. д., тем самым невольно стимулируя самоорганизацию этих групп населения.

Формирование современного государства в России продолжалось и при первых Романовых: военные реформы, развитие выборного представительства, расширение полномочий соборов, новый виток бюрократизации управления, финансовые эксперименты, — все это еще больше сближало Московское царство с другими государствами раннего Нового времени.

Однако наличие «фамильного сходства» вовсе не исключает индивидуальных и даже неповторимых черт, которыми Московское государство было наделено в полной мере. Например, оно, пожалуй, оставалось единственной во всем христианском мире державой, где не прибегали к услугам дипломированных юристов (по причине отсутствия таковых!) и не использовали норм римского права в законодательстве.

Важные отличия существовали также в экономической сфере: Московское государство покоилось на очень архаичном фундаменте аграрной, слабо урбанизированной экономики. Денежных средств для регулярной выплаты жалованья дьякам и подьячим и для содержания постоянного (наемного) войска не хватало. Поэтому основным источником доходов в России XVI века, подобно Европе Раннего или Высокого Средневековья, оставалась земля: приказные дельцы получали поместья наравне со служилыми людьми — детьми боярскими и дворянами. Поместное ополчение, боеспособность которого к концу XVI века заметно упала, оставалось основой вооруженных сил страны.

Одним из последствий нехватки ресурсов в стране в условиях растущих военных расходов стала прово-

димая с конца XVI века политика по закреплению податных слоев населения. Впрочем, в этом отношении Россия отнюдь не была уникальна: крепостнические меры (причем по сходным причинам) применялись в целом ряде стран Восточной и Центральной Европы раннего Нового времени (Польше и Литве, Пруссии, Венгрии, Австрии и др.).

Но, пожалуй, самой выразительной чертой, резко отличавшей Московию от ее соседей на западе, был неизменно отмечавшийся всеми путешественниками характер отношений великих князей и царей со своими знатными подданными. Эти отношения, как явствует из предыдущего изложения, означали полную покорность аристократии и дворянства царской воле, что подчеркивалось уничижительным самоназванием служилых людей по отношению к властителю — «холопы государевы».

Этот феномен объяснялся отчасти материальной зависимостью дворянства от Короны (о чем уже шла речь выше), но в еще большей степени — незавершенностью формирования самого благородного сословия. Свою роль играло и сохранение в Московской Руси средневековых форм личной зависимости (в первую очередь холопства), а также патримониальная (вотчинная) идеология, консервировавшая подобные отношения.

Сказанным определяется своеобразие Московского царства на пороге Нового времени: по ряду важных признаков оно уже в середине XVI столетия принадлежало к числу раннемодерных государств, но при

этом в его экономике и социальных отношениях сохранялось немало архаических черт.

Для создания правильной исторической перспективы важно учесть, что в описываемую эпоху процесс деперсонализации власти и управления только начался и был еще очень далек от своего завершения. Все государственные дела в Московии вершились от имени царя, хотя у него и не было необходимости (да и возможности) вникать в каждый рутинный вопрос; именно ему, государю, а не абстрактному государству служили многочисленные ратные люди и приказные дельцы.

Отношения внутри правящей элиты также были в значительной мере персонифицированы: большую роль здесь играли клановые и патрон-клиентские связи и интересы. Грань между частной и публичной сферой оставалась нечеткой: еще в XVIII веке сановники могли заниматься государственными делами и принимать посетителей у себя дома. Лишь примерно к середине XIX века российское чиновничество приобрело черты, характерные для описанной М. Вебером модели бюрократии.

Но и сейчас, несмотря на все реформы и контрреформы минувших столетий, сквозь толщу веков проглядывают некоторые базовые структуры раннеמודерного государства, возникшего при Иване III. Нами управляет многотысячная бюрократия, первые шаги которой описаны в этой книге, а прерогативы главы государства и сейчас, как и пятьсот лет назад, включают в себя руководство внешней политикой и назначение

доверенных лиц на ключевые посты. И в наши дни актуален вопрос, волновавший когда-то великого князя всея Руси: «чье государство»? Выражает ли оно интересы всего общества или отдельных групп и могущественных корпораций? И в какой мере преодолена древняя традиция патримониализма, с присущей ей системой «кормлений»? Эти вопросы побуждают к раздумьям о связи времен, и поэтому я надеюсь, что наблюдения и размышления, приведенные в этой книге, будут интересны не только любителям старины, но и тем, кого волнует настоящее и будущее российской государственности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Считаю своим приятным долгом поблагодарить коллег, оказавших мне помощь в процессе работы над книгой. Доктора исторических наук Андрей Павлович Павлов (Санкт-Петербургский государственный университет) и Владимир Анатольевич Аракчеев (Институт истории и археологии Уральского отделения РАН и Уральский федеральный университет), а также кандидат исторических наук Александр Владимирович Толстиков (Петрозаводский государственный университет) ознакомились с первоначальным вариантом рукописи и высказали ценные замечания, за что я выражаю им искреннюю признательность. На завершающем этапе работы над текстом очень полезными для меня оказались советы и предложения коллег по Европейскому университету в Санкт-Петербурге — профессоров Евгения Викторовича Анисимова, Вадима Викторовича Волкова, Дмитрия Яковлевича Травина и Олега Валерьевича Хархордина. Я благодарю также кандидата исторических наук Елену Борисовну Емченко (Московский государственный университет геодезии и картографии) за помощь в переводе цитат из Стоглава.

К сожалению, эту книгу уже не увидит мой учитель — профессор Юрий Георгиевич Алексеев (1926–2017). Общение с ним и чтение его работ о складывании Русского государства немало способствовали возникновению замысла данного исследования. Светлой памяти этого замечательного ученого и человека я посвящаю свою книгу.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

ВАЖНЕЙШИЕ ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ МОСКОВСКОЙ РУСИ XV–XVI ВЕКОВ

- Библиотека литературы Древней Руси. Т. 6–14. СПб., 1999–2006.
- Герберштейн С.* Записки о Московии: в 2 т. / Под ред. А. Л. Хорошкевич. М., 2008.
- Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печати Л. В. Черепнин. М.; Л., 1950.
- Законодательные акты Русского государства второй половины XVI – первой половины XVII века: Тексты / Отв. ред. Н. Е. Носов. Л., 1986.
- Полное собрание русских летописей. Т. 13. Ч. 1: Никоновская летопись. СПб., 1904; Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Ч. 1–2. СПб., 1908–1913; Т. 23: Ермолинская летопись. СПб., 1910; Т. 25: Московский свод конца XV века. М.; Л., 1949.
- Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 2: Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М., 1985.
- Россия в первой половине XVI в.: взгляд из Европы / Сост. О. Ф. Кудрявцев. М., 1997.
- Штаден Г.* Записки о Московии: в 2 т. М., 2008–2009.

КЛАССИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ ОБ ОБРАЗОВАНИИ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

- Карамзин Н. М.* История государства Российского: в 12 т. Т. 5. М., 1993.
- Ключевский В. О.* Курс русской истории. Ч. 2 // Сочинения: в 8 т. Т. II. М., 1957.
- Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. М., 1998.

- Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Т. 3–4 // *Соловьев С. М.* Сочинения: в 18 кн. Кн. II. М., 1988.
- Черепнин Л. В.* Образование Русского централизованного государства. Очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960.

МОСКОВСКАЯ РУСЬ КОНЦА XIV — XV ВЕКА

- Горский А. А.* Москва и Орда. М., 2000.
- Горский А. А.* От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII—XV в. М., 2010.
- Зимин А. А.* Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. М., 1991.
- Лурье Я. С.* Две истории Руси XV века. Ранние и поздние, независимые и официальные летописи об образовании Московского государства. СПб., 1994.
- Орешиников А. В.* Русские монеты до 1547 года. М., 1996.
- Федоров-Давыдов Г. А.* Монеты Московской Руси. М., 1981.
- Фетищев С. А.* Московская Русь после Дмитрия Донского: 1389–1395 гг. М., 2003.
- Ostrowski D.* Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influences on the Steppe Frontier, 1304–1589. Cambridge, 1998.

РУССКОЕ ГОСУДАРСТВО ПРИ ИВАНЕ III И ВАСИЛИИ III

- Алексеев Ю. Г.* Освобождение Руси от ордынского ига. Л., 1989.
- Алексеев Ю. Г.* Государь всея Руси. Новосибирск, 1991.
- Алексеев Ю. Г.* Под знаменами Москвы: Борьба за единство Руси. М., 1992.
- Алексеев Ю. Г.* Судебник Ивана III. Традиция и реформа. СПб., 2001.
- Зимин А. А.* Россия на пороге нового времени (Очерки политической истории России первой трети XVI в.). М., 1972.
- Зимин А. А.* Россия на рубеже XV–XVI столетий. М., 1982.

- Калашникова А.А.* К вопросу о применении норм Судебника Ивана III // Грани русского Средневековья: Сборник статей к 90-летию Юрия Георгиевича Алексева. М., 2016. С. 286–293.
- Судебник 1497 г. в контексте истории российского и зарубежного права XI–XIX вв.: Сб. статей / Под общей ред. А. Н. Сахарова. М., 2000.

ЦАРСТВОВАНИЕ ИВАНА ГРОЗНОГО

- Веселовский С.Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
- Зимин А.А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960.
- Зимин А.А.* Опричнина. 2-е изд. М., 2001.
- Кром М.М.* «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010.
- Скрынников Р.Г.* Царство террора. СПб., 1992.
- Смирнов И.И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958.
- Флоря Б.Н.* Иван Грозный. М., 1999.
- Шмидт С.О.* У истоков российского абсолютизма: Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ И МЕСТНОЕ УПРАВЛЕНИЕ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ КОНЦА XV — XVI ВЕКА

- Алексеев Ю.Г.* У кормила Российского государства: Очерк развития аппарата управления XIV–XV вв. СПб., 1998.
- Аракчеев В.А.* Власть и «земля». Правительственная политика в отношении тяглых сословий в России второй половины XVI — начала XVII века. М., 2014.
- Аракчеев В.А.* Динамика и типология реформ в России XVI–XVII веков // Российская история. 2014. № 2. С. 43–60.
- Каштанов С.М.* Финансы средневековой Руси. М., 1988.

- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М.* Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015.
- Носов Н. Е.* Очерки по истории местного управления Русского государства первой половины XVI века. М.; Л., 1957.
- Носов Н. Е.* Становление сословно-представительных учреждений в России. Изыскания о земской реформе Ивана Грозного. Л., 1969.
- Пашкова Т. И.* Местное управление в Русском государстве первой половины XVI века (наместники и волостели). М., 2000.
- Черепнин Л. В.* Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. М., 1978.

**ГОСУДАРСТВО РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ:
ОБЩЕЕВРОПЕЙСКАЯ МОДЕЛЬ
И ЕЕ РОССИЙСКИЙ ВАРИАНТ**

- Кром М. М.* Рождение государства Нового времени в России и в Европе: Сравнительно-историческая перспектива // Труды кафедры истории России с древнейших времен до XX века. СПб., 2006. С. 27–36.
- Кром М. М.* Государство раннего Нового времени: общеевропейская модель и региональные различия // Новая и новейшая история. 2016. № 4. С. 3–15.
- Economic Systems and State Finance / R. Bonney (ed.).* Oxford, 1995 (The Origins of the Modern State in Europe: 13th to 18th Centuries. Theme B).
- Iconography, Propaganda, and Legitimation / A. Ellenius (ed.).* Oxford, 1998 (The Origins of the Modern State in Europe: 13th to 18th Centuries. Theme G).
- Kivelson V.* Merciful Father, Impersonal State: Russian Autocracy in Comparative Perspective // *Modern Asian Studies.* 1997. Vol. 31. No. 3. P. 635–663.
- Krom M.* Changing Allegiances in the Age of State Building: The Border between the Grand Duchy of Lithuania and the Grand Principality of Moscow // *Imagined, Negotiated, Remembered:*

- Constructing European Borders and Borderlands / K. Katajala, M. Lähteenmäki (eds.). Berlin, 2012. P. 15–30.
- Legislation and Justice / A. Padoa Schioppa (ed.). Oxford, 1997 (The Origins of the Modern State in Europe: 13th to 18th Centuries. Theme C).
- L'État moderne: genèse. Bilans et perspectives: Actes du Colloque tenu au CNRS à Paris les 19–20 septembre 1988. Paris, 1990.
- Power Elites and State Building / W. Reinhard (ed.). Oxford, 1996 (The Origins of the Modern State in Europe: 13th to 18th Centuries. Theme D).
- Resistance, Representation, and Community / P. Blickle (ed.). Oxford, 1997 (The Origins of the Modern State in Europe: 13th to 18th Centuries. Theme E).
- Shennan J. H.* The Origins of the Modern European State 1450–1725. London, 1974.
- Strayer J. R.* On the Medieval Origins of the Modern State. 2nd ed. Princeton, 2005.
- The Individual in Political Theory and Practice / J. Coleman (ed.). Oxford, 1996 (The Origins of the Modern State in Europe: 13th to 18th Centuries. Theme F).
- Théories et historiographies de l'Etat moderne. Actes du colloque organisé par la Fondation européen de la science et l'Ecole française de Rome. Roma, 1993.
- War and Competition between States / P. Contamine (ed.). Oxford, 2000 (The Origins of the Modern State in Europe: 13th to 18th Centuries. Theme A).

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОНЯТИЯ МОСКОВСКОЙ РУСИ

- Дьяконов М.* Власть московских государей. Очерки из истории политических идей древней Руси до конца XVI века. СПб., 1889.
- Золтан А.* К предыстории русск. «государь» // Из истории русской культуры. Т. II. Кн. 1: Киевская и Московская Русь / Сост. А. Ф. Литвина, Ф. Б. Успенский. М., 2002. С. 554–590.

- Кром М. М.* К вопросу о времени зарождения идеи патриотизма в России // *Мировосприятие и самосознание русского общества (XI–XX вв.): Сб. статей.* М., 1994. С. 16–30.
- Кром М. М.* К пониманию московской «политики» XVI в.: дискурс и практика российской позднесредневековой монархии // *Одиссей. Человек в истории.* М., 2005. С. 283–303.
- Кром М. М.* Рождение «государства»: из истории московского политического дискурса XVI века // *Исторические понятия и политические идеи в России. XVI–XX века.* СПб., 2006. С. 54–69.
- Кром М. М.* «Дело государево и земское»: Понятие общего блага в политическом дискурсе России XVI в. // *Сословия, институты и государственная власть в России (Средние века и раннее Новое время): Сборник статей памяти академика Л. В. Черепнина.* М., 2010. С. 581–585.
- Юрганов А. Л.* Категории русской средневековой культуры. 2-е изд. М.; СПб., 2009.

Михаил Кром

**РОЖДЕНИЕ ГОСУДАРСТВА:
МОСКОВСКАЯ РУСЬ XV–XVI ВЕКОВ**

Редактор Д. Споров

Дизайнер серии Д. Черногаев

Художник И. Разумов

Корректор С. Крючкова

Верстка Д. Макаровский

Налоговая льгота — общероссийский
классификатор продукции ОК-005-93, том 2;
953000 — книги, брошюры

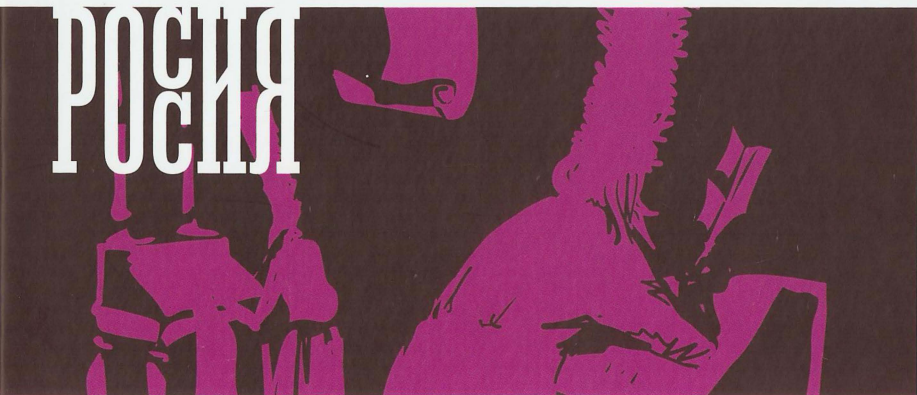
**ООО РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА
«НОВОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРЕНИЕ»**

Адрес редакции:
123104, Москва,
Тверской бульвар, 13, стр. 1
тел./факс: (495) 229-91-03
e-mail: real@nlo.magazine.ru
сайт: www.nlobooks.ru

Формат 84 × 108 1/32. Бумага офсетная № 1.
Офсетная печать. Печ. л. 8. Тираж 5000. Заказ 2160.
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ЧТО ТАКОЕ РОССИЯ

Эта научно-популярная серия призвана опровергнуть знаменитое изречение Федора Тютчева “умом Россию не понять...”. В центре внимания ведущих историков — драматический процесс модернизации страны: как многолетние усилия России догнать передовые западные страны отразились на всех сферах жизни общества (от принципов государственного управления до повседневных практик). Обогащая наше представление о прошлом, мы углубляем наше понимание проблем и вызовов современности.

Как при жизни одного поколения ханский “улусник”, московский князь, превратился в правителя огромного царства? Книга Михаила Крома дает ответы на многие вопросы о природе российского государства, волнующие наших современников.

Павел Лунгин, кинорежиссер

Как рождаются современные европейские государства? В чем причина различий их политических устройств? Михаил Кром по-новому раскрывает непростую историю возникновения Московского царства, на фундаменте которого покоится здание российской государственности.

Игорь Данилевский, историк

Новое
Литературное
Обозрение

Партнер проекта

